

83.3 (2Р-4ТМ) 1
#67

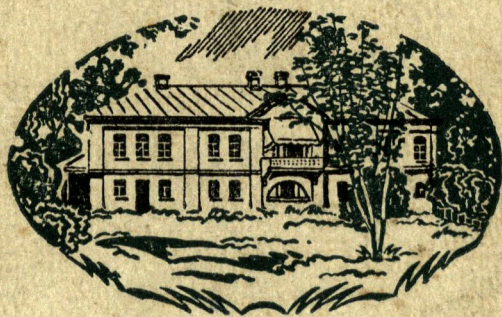
Москва 1931 г. № 1

С. А Н И С И М О В
И
И. И Л Ь И Н С К И И

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

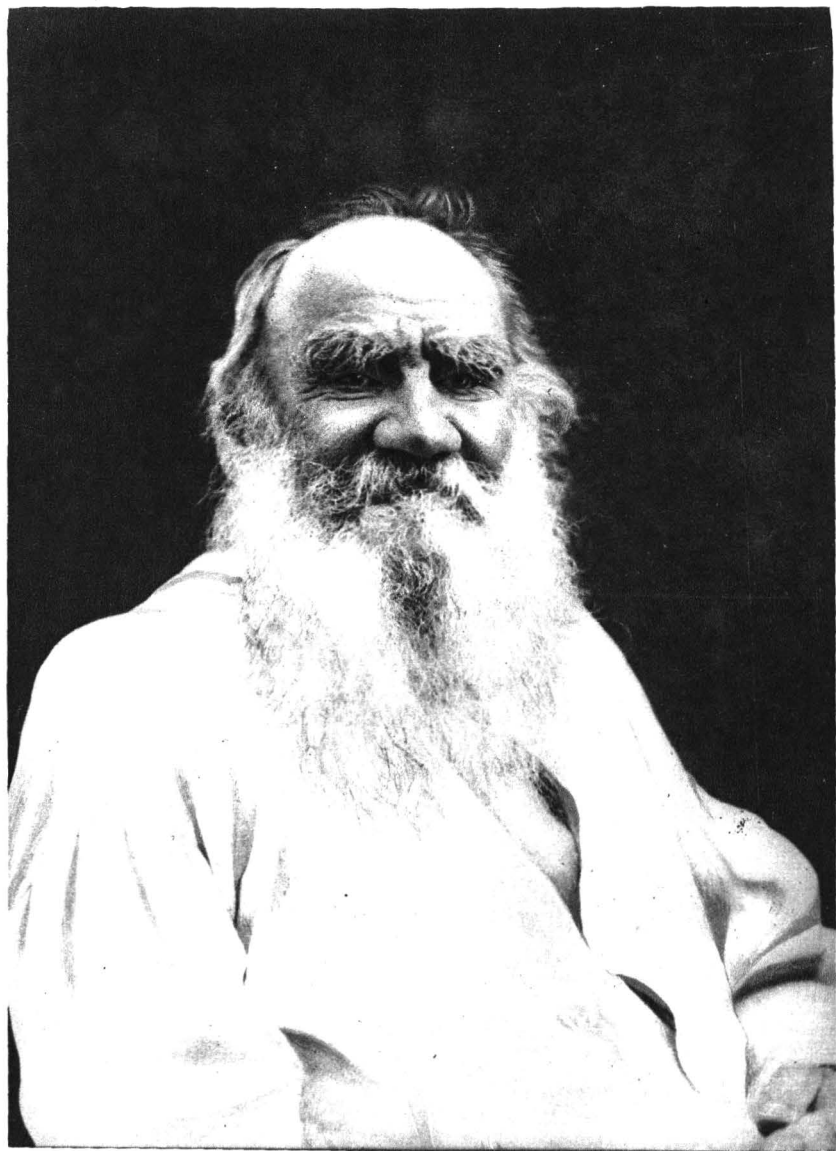
4 · 0 · 2 · 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МИЛОНОВ
Н.А.

ОКР

Л. Н. Толстой.

Л. Н. Толстой.
1880 г.

Газлит № А 14706.

Х. 10. Гиз. № 27123.

Тираж 5000 экз.

5-я тип. „Транспечать“ НКПС „Пролетарское Слово“. Москва, Южный пер., д. 4.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МУЗЕЙ УСАДЬБА И ЗАПОВЕДНИК
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

1. ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ МИМО ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ *

Тысячи людей ежедневно проезжают по Курской дороге мимо станции «Ясная Поляна». Многие вспоминают при этом Толстого, но очень мало кто знает, что поезд мчит их через ту самую Козлову Засеку, где все исхожено Толстым в его ежедневных прогулках, что они едут мимо яснополянской усадьбы, где Толстой провел в общей сложности более 70 лет своей жизни. Здесь он родился, развился и вырос. Здесь природа и жизнь были могучим полноводным источником его творческих вдохновений. Это не просто толстовские места, где он бывал и жил,

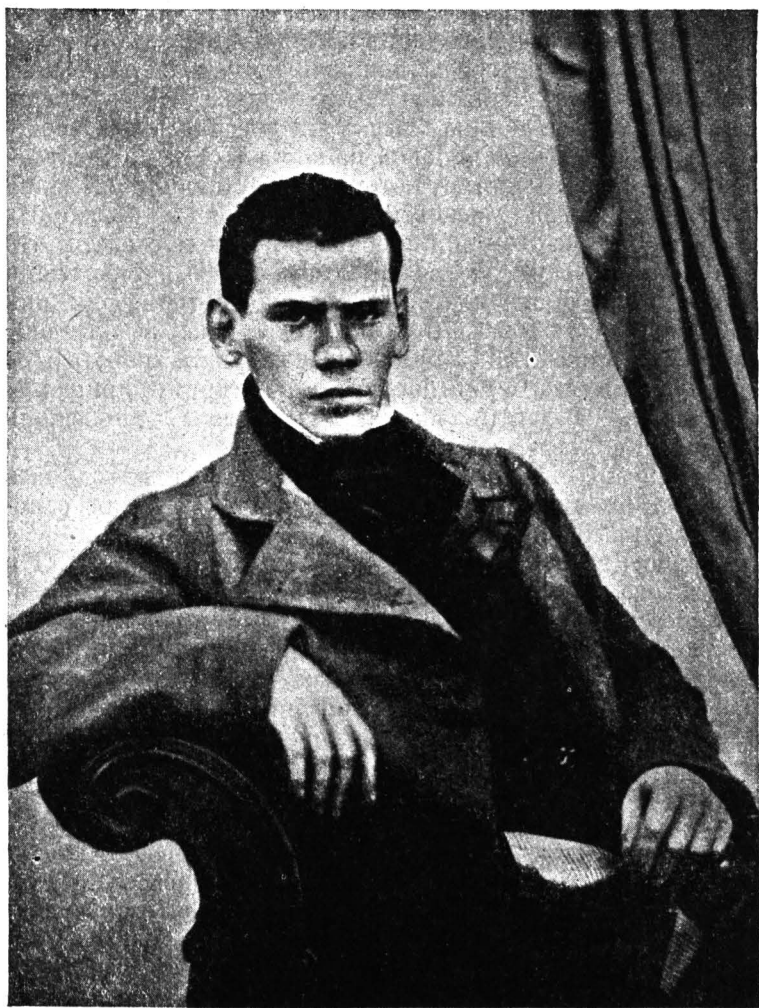
* Настоящий путеводитель составлен на основании материалов музея-усадьбы «Ясная Поляна» и по указаниям хранителя его, редактора этой книжки, А. Л. Толстой. Из печатных материалов использованы прежде всего воспоминания и записки детей Толстого, выросших в Ясной Поляне и уже по одному этому более глубоко знающих ее в отношении к Толстому и Толстого к ней, использованы также и книги: «Ясная Поляна». Краткое описание и сведения для посетителей. Текст С. Л. Толстого (описание библиотеки А. Е. Грузинского, кабинета—П. И. Бирюкова). Издание Толстовского О-ва в Москве, 1914 г.; Илья Львович Толстой—«Мои воспоминания», изд. Ладыжникова в Берлине; А. Л. Толстая—«Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» в сборнике «Л. Н. Толстой» «Памятники жизни и творчества», Москва, 1924 г.; П. И. Бирюков—«Л. Н. Толстой, биография», 3 тома. Берлин, 1921 г., изд. Ладыжникова; том 4-й Государственное издательство, 1923 г.; Н. Н. Гусев—«Толстой, биография». Москва, 1927 г.; Н. Н. Гусев—«Два года с Толстым», Ф. В. Булгаков—«Лев Толстой в последний год его жизни». Москва, 1918 г.; А. Е. Грузинский—«Ясная Поляна». Москва, 1922 г.; И. И. Попов—«В Ясной Поляне»—в сборнике «Дорогие места». Москва, 1918.

Текст первой части—«Музей, усадьба и заповедник «Ясная Поляна»—написан С. С. Анисимовым при участии в подборе материалов И. В. Ильинского. Текст второй части—«Культурно-просветительный центр—«Ясная Поляна»—написан И. В. Ильинским.

как другие мемориальные музеи-усадьбы, нет—это то место мира, через природу которого Толстой познавал его.

Даже на ходу поезда, особенно весной и летом или сентябрьской золотой осенью, через открытое окно вагона можно почувствовать все удивительное очарование этих мест, овеянных обаянием самого Толстого. На 211—212 километре, если ехать от Москвы—с правой стороны, как только поезд уходит за семафор ст. «Ясная Поляна», открывается вид на самую усадьбу. Виден дом старой архитектуры конца XVIII века, построенный дедом Толстого по матери, сановником екатерининской эпохи, князем Волконским, Николаем Сергеевичем, образ которого служил Толстому моделью для старого князя Болконского в «Войне и мире». Эта постройка предназначалась им для ткацкой фабрики. У самого Толстого она служила скотным двором; теперь она обращена в дом с квартирами служащих музея-усадьбы «Ясная Поляна». Справа от него виден поднимающийся по южному склону парк, с густо разросшимися старыми деревьями—елями, липами, березами, которые скрывают главный дом, где жил Толстой. Лес слева за домом скрывает его могилу, на краю Старого Заказа. В этих деревьях яснополянского парка, в яблоневом саду в 35 десятин, в примыкающем к нему лесу (что составляет теперь Толстовский заповедник, площадью в 201 десятину) не только все полно реликвиями Толстого, но, можно сказать, полно его жизнью. Здесь живут теперь не тени Толстого, а бесчисленные, бесконечные плоды его труда и гения. Здесь нет клочка земли, на котором бы он не растил чего-нибудь, и, пожалуй, нет звезды на небе над Ясной Поляной, на которую бы он не устремлял своих глаз в ясные ночи в любовном волнении за жизнь «всех людей всего мира».

Вся местность вокруг полотна и усадьбы очень живописна. Это одно из редких по красоте мест черноземной России, и в то же время это типичная деревенская земледельческая Россия, тот центр, силами которого создавалось Русское государство. Здесь, через Козлову Засеку, когда-то пролегалла одна из старых троп, по которым шло переселение с юга на север славянских народностей, теснимых тюркско-монгольскими ордами, или так наз. татарским

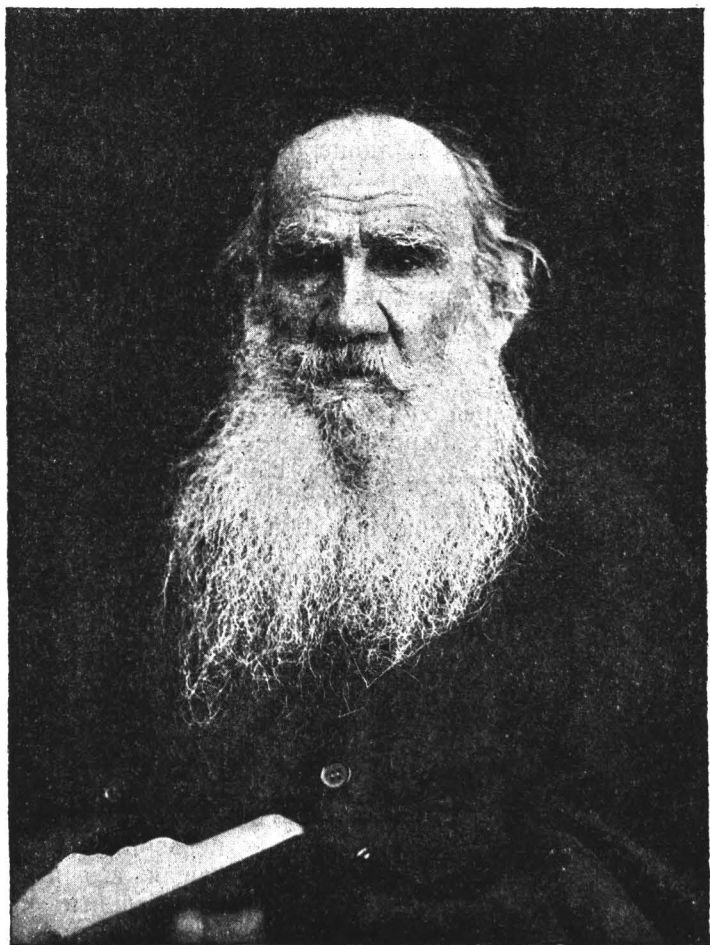
Толстой в молодости.

нашествием. Позднее, когда сформировалось Московское государство, по той же дороге происходили набеги крымских татар на Москву. Для защиты от них была создана здесь линия обороны, в состав которой и входила Козлова Засака, где для преграды движению врага, с громоздким обозом на арбах, копались рвы и подрубались деревья и заваливались на корню. Засака эта располагалась между двумя полянами—Малиновой на юге и Ясной на севере—т.-е. открытыми местами, которые представляли владения служилых людей Московского государства, обязанных нести охрану на этой линии обороны. Можно сказать, что через Толстовский уголок русской земли в свое время прошла, или прокатилась вся русская история средних веков, пока лет 160—170 назад он не попал во владение князей Волконских, Рюриковичей, ведущих свой род от князя Михаила Черниговского, к которому принадлежала мать Толстого Мария Николаевна, рожденная княжна Волконская*.

«В течение XVIII века Ясная Поляна находилась во владении множества лиц, имевших то или иное отношение к роду Карцевых».

В работе Н. П. Чулкова «Ясная Поляна в XVII и XVIII вв.», которую предположено напечатать в юбилейном сборнике музея-усадьбы «Ясная Поляна», подробно изложена на основании изученных автором архивных материалов история бесконечных переходов поместья Ясной Поляны и других владений, принадлежавших роду Карцевых-служилых людей Московского государства. Все эти переходы сопровождались многочисленными спорами и тяжбами совладельцев, хорошо рисующими нравы тяжущихся и судебные порядки допетровской и послепетровской Руси. Продавались и закладывались не принадлежавшие владельцам дома, имения, совершались подлоги, утверждались купчие на одно и то же поместье в пользу двух различных владельцев, новые утвержденные собственники получали пустую землю, так как жилые постройки, крестьянские дворы и сами крестьяне оказывались перевезенными продавцами и претендентами на продаваемое имущество.

* Волконские получили свою фамилию от реки Волоконы, по течению которой истари были их вотчины и поместья на территории нынешней Калужской губернии.

Толстой
в последние годы жизни.

Одним перечислением фамилий всех лиц, имевших отношение к Ясной Поляне, можно занять страницы:

Минины, Бехметьевы, Хомяковы, Сазоновы, Арсеньевы, Извековы, Беклемишевы, Крюковы, Радилковы, Кузовлевы, Писаревы, Селивановы, кн. Ухтомские, Урусовы, Бобоедовы, Поздеевы и проч.

В 1763 году часть Ясной Поляны купила кн. Мария Дмитриевна Волконская, родственница Чаадаеву, бабка матери Толстого, а от Волконского это имение перешло в род Толстых, когда мать Л. Н.—Мария Николаевна Волконская—вышла замуж за Николая Ильича Толстого.

Кроме исторических воспоминаний, на этом уголке земли собралась и накопилась и богатая семейная хроника Толстых, дававшая неиссякаемый материал творчеству Толстого. Наконец, при жизни самого Толстого, со дня его рождения—28 августа 1828 года—по день смерти—7-го ноября 1910 г.,—за 82 года здесь прошла уже непосредственно перед его глазами вся новейшая история России четырех царствований—Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, начиная с ликвидации восстания декабристов, с реформами 60-х годов в середине и с революцией 1905 г. и ее аграрным движением в конце жизни Толстого. За эти 82 года Ясная Поляна в миниатюре пережила все то, что было в истории крестьянско-помещичьей России, что привело ее к революции, трагедия чего с гениальной глубиной и силой вскрыта в творениях Толстого последних 30 лет его жизни.

Наконец, здесь свершилась единственная в мировой литературе трагедия ухода Толстого из «Ясной» перед смертью и возвращение в нее в гробу для похорон на месте знаменитой «зеленой палочки» на краю оврага Старого Заказа.

Толстой и Ясная Поляна так же неразрывны и монолитны, как могучий дуб и взрастившая его почва. Все его чувства, мысли, образы и гениальные прозрения жизни, откристаллизовавшиеся в его творениях и вместе с ними влившиеся могучим потоком в общечеловеческую культуру, все они зародились и воплотились здесь. Здесь этот гениальный художник черпал у природы и жизни свои вдохновения, брал все материалы и модели для своего творчества, и только здесь, в Ясной Поляне,

может быть полностью понят и раскрыт великий гений Толстого. Ясная Поляна не просто памятник его жизни, она подлинный источник живой воды для всех его трудов и для его души.

Для всех любящих русскую литературу это—земля Толстого. Для всех культурных людей это—совсем особый оазис во всем мире, и не даром он объявлен по декрету ВЦИК'а от 10 июня 1921 г. заповедником и теперь заботливо оберегается в том виде, в каком его оставил Толстой в день ухода.

II. ЧЕМ БЫЛА ЯСНАЯ ПОЛЯНА ДЛЯ ТОЛСТОГО?

Многие, очень правдивые и даже художественные описания Ясной Поляны совершенно правильно изображают ее, как просторную, спокойную и красивую барскую усадьбу, в которой привольно и уютно жилось. Такой, конечно, она и была для всех, кто посещал ее или в ней просто жил. Но Толстой не был в Ясной Поляне ни посетителем, ни гостем, ни даже помещиком. Он пребывал в этом исключительном уголке мира, как гениальный художник, мыслитель и писатель, и для него Ясная Поляна со всем ее окружением была совсем не тем, чем для всех тех, кто описывал ее, и задача современного посетителя Ясной Поляны понять ее именно в отношении ее к Толстому и Толстого к Ясной Поляне.

Обычно думают, что Толстой жил здесь в уединении, отдаваясь своим творческим процессам мысли, отделенный от всего мира башнями въезда и старыми липами своего парка. Это не верно в корне. Именно Ясная Поляна давала Толстому самые широкие возможности не только общения с природой, но и со всеми «разнообразными людьми мира», начиная от американского президента, до бродяги и нищего с большой дороги.

Все, кто читал Толстого, знают, что изображаемая им природа вовсе не исчерпывается яснополянским парком, его огромным садом, рощами, полями и лугами, его имения, описания которых вошли и в «Войну и мир», и в «Анну Каренину», и в «Утро помещика», и в другие произведения. Природа в его творениях всегда не тронута, не испорчена человеком и современной городской культурой, Ясно-

полянский парк и сад, как ни просторны и ни хороши, особенно когда цветут, но они создание человека, а фруктовый сад в 35 десятин почти весь насажен самим Толстым. Он их любил, это верно, но не так, как нетронутую природу соседней Засеки.

Там ему было просторнее и лучше, и Толстой очень часто, почти ежедневно бывал в ней.

«Засека,—пишет С. Л. Толстой,—с ее просеками и мало проезжими дорогами, чащами и оврагами была одним из любимых Львом Николаевичем мест для охоты, а затем, когда он бросил охоту—любимым местом для пеших и конных прогулок. Засека его особенно привлекала своей дикостью, безлюдием, первобытностью и роскошью растительности. Туда он удалялся от мирской суеты, там он созерцал природу, не тронутую рукою человека, там он мыслил» *.

«В своих пеших и верховых прогулках по Засеке Лев Николаевич особенно любил бывать в таких местах, где он раньше еще не бывал, следовать по еле заметным незнакомым тропинкам, не зная, куда они приведут, и блуждать по мало проходимым и безлюдным местам,—искать новых путей».

Вот как одну из таких прогулок описывает секретарь Толстого В. Ф. Булгаков:

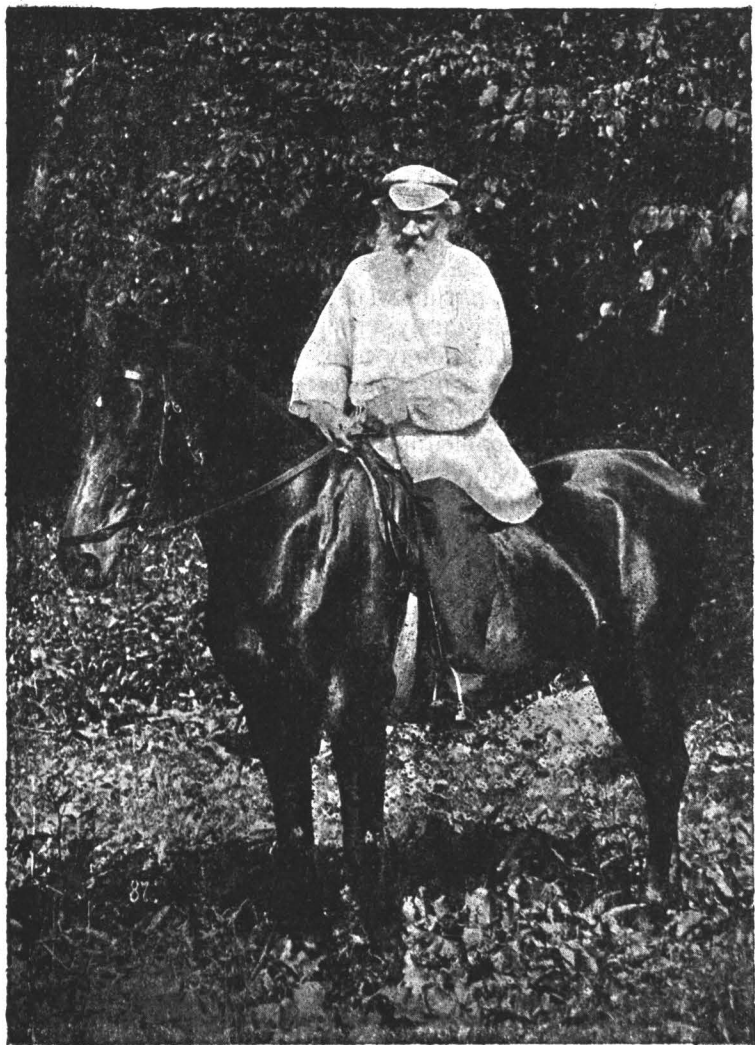
«27-го мая 1910 года ездили с Л. Н. верхом, долго, больше по лесу, как он говорил, проехали верст 20. Вот программа всех верховых прогулок Л. Н., от которой он отступает очень редко: выехать по дороге, скоро свернуть с нее в лес или в поле, в лесу пробираться по самым глухим тропинкам, переезжать рвы и заехать, таким образом, очень далеко; затем—заблудиться и, наконец, тогда искать дорогу в Ясную»...

К этому надо прибавить, что в 1910 году Толстому шел уже 82-й год.

А вот как Толстой совершал прогулки верхом, когда был лет пятидесяти:

«Иногда папá брал нас с собой кататься, и тогда мы ездили далеко. Я не могу забыть, как один раз он меня измучил. Узнав, что он едет кататься, я упросил его взять нас с собой. Под ним была крупная английская кобыла, а мне подседлали одним потником без стремян самарского гнедого, того, который взял на скачках второй приз. Он был очень приятен в езде, но спина у него была худая и острая. И вот мы поехали. Как только место ровное, папá пускает лошадь рысью, а я тряусь за ним. Едем все дальше, дальше, заехали верст за 5 от дома. Я устал, мочи нет, а он все дальше, дальше. Оглянется

* «Ясная Поляна». Краткое описание и сведения для посетителей. Изд. Толстовского о-ва в Москве, 1914, стр. 57.

Толстой на «Делпре».

на меня, спросит: «Ты не устал?» Я, конечно, говорю, что нет, и опять дальше. Объехали всю Засеку, заехали за Грумант по каким-то тропинкам и оврагам, и когда я, наконец, приехал домой, я еле слез с лошади и после того дня три ходил совершенно разбитый*.

Засека—это целый особый лесной мир, с которым у Толстого связаны всевозможные переживания, в котором перед его умом и чувством не только раскрыта лесная природа, но и связаны глубокие исторические воспоминания. Естественно, Засека получает исключительное значение в жизни Толстого, и он нередко вспоминает о ней в своих письмах. Как-то он был в Москве, возвращался по обыкновению в вагоне III класса. «В этом ящике для перевозки людей» он чувствовал себя тягостно. Когда он вставал с поезда, кондуктор, видя старика в чуйке, не очень проворно спускавшегося с подножки, подтолкнул его в шею, чтобы быстрее поворачивался. Толстой отнесся к этому совершенно спокойно, но потом, когда он сел в сани и молодой кучер Миша быстро повез его по просеке между деревьями Козловой Засеки, Толстой умилился: «Орион и Сириус над засекой,—пишет он в письме к Софье Андреевне,—и добрый Миша, и добрый бог».

Тульские засеки—это остатки южного оборонительного пояса лесов, которые в Московском государстве XVI века входили в общую систему обороны от крымских татар и шли широкой полосой через губернии: Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Тамбовскую. Впереди крепости, которую представлял Кремль города Тулы, в Тульских засеках в лесной чаще шел широкий ров. Это было заграждение для движения татар на конях, с огромным обозом на арбах. Чтобы увеличить препятствия по обеим сторонам рва, подрезывались, «засекались» деревья и валились, не отделяя от корня, и таким образом создавалось заграждение, которое заменяло бывшие тогда в обиходе валы или крепостные стены. В тех местах, где засеку прорезывали дороги,—строились ворота с укреплениями по сторонам, в которых жили ратные и служилые люди. Поблизости от Ясной линия обороны прорезывалась старой торной дорогой с севера на юг и на юго-запад. Здесь была широкая просека или даже целое поле, защищенное рядом

* И. Л. Толстой. «Мои воспоминания», стр. 53.

ИСТОРИЯ
ИЗВЕСТИЯ
ИЗВЕСТИЯ

[Толстой с любимой лошадью «Делпром».]

земляных валов и рвов, носивших общее название «Завитай». Остаток этих земляных укреплений можно и сейчас еще видеть на Тульском шоссе около деревни Басово, где шоссе дорога пересекает его. По одну сторону от «Завитая» защитный лес со рвами назывался Козловой Засекой (у станции Ясная Поляна), по другую сторону, за Тулой, этот лес носил название «Щегловой Засеки» и т. д. Из состава этих оборонительных лесов теперь сохраняется около 35.000 десятин, которые при Толстом были казенными лесами, а теперь входят в леса Государственного земельного фонда. При генеральном межевании земель 1779 г. они были распланированы и отведены для нужд казенного Тульского оружейного завода, а впоследствии, как все казенные леса, поступили в управление министерства земледелия и государственных имуществ. Описанная судьба сохранила эти леса от расчистки под пашню и от порчи. Оборот рубки в них был многолетний, и в Козловой Засеке еще перед войной были участки или кварталы, которые никогда не рубились, а во время детства и молодости Толстого Засека в большей своей части являлась настоящим девственным лесом. До 90-х годов прошлого века казенное лесничество само не собирало и не позволяло окрестным крестьянам собирать валежник, и здесь то-и-дело встречались огромные стволы отживших упавших деревьев, которые гнили, покрывались зарослями, так что в этом лесу приходилось то-и-дело шагать или перепрыгивать через них. Если вспомнить теперь, что основной породой в Засеке были дубы, стоявшие очень тесно, сплетавшие вверху стволы своими ветвями, то не трудно представить себе, какой дикий заманчивый пейзаж являла она для Толстого *. На тех участках, где старые дубы были вырублены, буйно разрасталась молодая поросль из березы, ясеня, клена, лип и осины, скрывавшая в своей чаще идущие молодые дубки. На всех полянах развивалась трава с высоким травостоем, иной раз выше человеческого роста, а деревья окружал густой подлесок из орешника, малины, бересклета,

* См. ст. С. Л. Толстого в наз. выше книге «Ясная Поляна». Изд. 1914 г. Толст. о-ва. в Москве. С. И. В. Чулкова—«История Ясной Поляны» в сборник «Ясная Поляна».

представлявший совсем непроходимую чашу. Только в последние годы жизни Толстого лес в Засеке начали чистить, собирать валежник и т. д.

При таком характере леса естественно, что в нем всегда плодилось много зверя. Волки, зайцы, лисицы в Засеке всегда попадались охотникам в очень большом числе. Охота на них здесь была всегда богатая. Но тут была и более изысканная охота—на диких коз, иногда даже на лосей. Встречались в Засеке куницы и барсуки. Из охот по перу можно было ходить сюда на тетеревей. Понятно поэтому, что природа Засеки всегда влекла к себе Толстого—и молодым, когда он любил охоту, и в старости, когда, бросив ее, он со страстью отдавался пешим и верховым прогулкам, которых не оставлял до самого ухода из Ясной Поляны.

А за опушками Засеки шли поля, по пригоркам и на склонах вырастали перед глазами Толстого крестьянские дворы и деревни. Словом, вся картина центральной России. И это изо дня в день в течение более 70 лет, питая и возбуждая, и умиротворяя и воображение, и мысль.

Толстой в молодости служил юнкером на Кавказе, плавал в парусной лодке по Волге, бывал в Швейцарии, знал Черное море, но именно здесь через природу Засеки и всего окружения Ясной Поляны он пребывал в непрерывном общении с ней, не забывая и Ориона, и Сириуса, познавая через нее весь космос*.

Городскую жизнь он не понимал, не признавал и считал ошибкой и нелепостью всю городскую культуру.

Итак, в Ясной Поляне общение Толстого с природой было таким полным, какого, пожалуй, нельзя найти, после Гомера, ни у кого из мировых писателей и ни у каких Робинзонов. Он жил в природе и с природой, так что и себя самого и свое сознание, свое духовное существо считал самой природой. «И ты сам—сама природа»—писал он в «Круге чтения».

Но нельзя думать, что Толстой просто ушел в природу от людей, от зла, неправды и безобразия человеческой жизни, затворился от нее в своей Ясной Поляне. Она и по отношению к людям раскрывала для него такие

* Одно время Толстой очень увлекался астрономией.

широкие возможности общения, каких, пожалуй, тоже никто не имел и не имеет из наших и иностранных больших писателей. Еще утвердившись в Ясной Поляне после Севастопольской войны и развернув здесь в начале 60-х годов широкую педагогическую деятельность, Толстой организовал в окрестных селах и деревнях целый ряд школ, в которых дети обучались и воспитывались по его методам. Кроме Ясной Поляны, школы были учреждены им в деревнях — Бабурине, Ламинцеве, Телятинках, Потемкине, Крыльцове и Головеньках. Во всех этих школах были учителя, приглашенные самим Толстым. Они собирались к нему на постоянные совещания в Яснополянскую школу, помещавшуюся тогда в правом флигеле его усадьбы. И сам он постоянно объезжал свои школы, следил за ними, волновался всем, что происходило в их жизни. Но и кроме школ, жизнь всех окрестных деревень была близка Толстому, как вообще всегда ему была близка и всегда волновала русская крестьянская жизнь, которую он знал не только на основании «ума холодных наблюдений», но и остро чувствовал и глубоко и неизменно любил, и любил не как нечто отвлеченное, не как абстрактное понятие—крестьянство,—а как свое близкое, всегда встававшее перед ним в живых, волнующих образах. Нельзя найти ни одной окрестной деревни, с которой не были бы связаны отдельные моменты его биографии, а сколько других подобных случаев, не закрепленных никакими биографическими материалами, прошли никак не отмеченными в человеческой памяти.

Вот соседние с Ясной деревни Грецовка и Грумант *. Их крестьяне многие годы подряд арендовали землю, принадлежавшую раньше Толстому. После смерти его эта земля отошла к ним по его завещанию, выполненному его дочерью, Александрой Львовной Толстой.

* Деревня Грумант находится в 3 верстах от Ясной Поляны. Название Грумант дано ей дедом Толстого, князем Н. С. Волконским. Этот сановник екатерининских времен, будучи назначен губернатором в Архангельск, считал свое пребывание там ссылкой и, когда ему было разрешено выйти в отставку, вернувшись в Ясную Поляну он назвал Грумантом яснополянские выселки, как в те времена назывался остров Шпицберген. Крестьяне переделали это название на Грумы, а потом на Угрумы.

Толстой в окрестностях Ясной Поляны.

Вот другая деревня Городна. Городнянские крестьяне тоже когда-то были крепостными Толстых, и с ними тоже у Толстого были свои личные знакомства и связи.

Верстах в 2—3 от Городны деревня Озерки. Она уже совсем ярко отмечена в биографии Толстого. Здесь в 60-х годах он выступал защитником рядового Шибунина перед военным судом. Этого солдата судили за оскорбление действием офицера и осудили на смертную казнь и казнили. Было это летом 1866 г. Как бывший военный, Толстой сознавал, что положение Шибунина отчаянное, но он верил, что можно спасти его. Когда Толстой говорил свою защитительную речь уверенно, спокойно и ясно, его слушали с напряженным вниманием, но все-таки присудили Шибунину к расстрелу. Все население окрестных сел и деревень стало собираться толпами в Озерки с разными приношениями осужденному—кто горшок молока, кто яичек, кто аржаных лепешек, другие приносили куски домашнего холста.

«Казнь была совершена 9-го августа. Шибунин все время стоял с потупленными глазами, ни один мускул на лице его не дрогнул. Он шел твердым шагом, не говоря ни одного слова. Собралась около столба, к которому был привязан Шибунин, масса народа. Женщины рыдали и падали в обморок. По совершении казни народ, неудержимо волнуясь, бросился к свежей могиле. Через час явился кем-то приглашенный деревенский священник, и началось почти непрерывное служение заказных панихид. К вечеру на могилу были накинаны восковые свечи, куски холста и медные гроши.

Назавтра история с панихидами повторилась. Даже из дальних деревень на панихиды стал собираться народ и нес свою лепту. Дошла весть до местного станового пристава. Он приехал лично и приказал сравнять могилу казненного. Около опушки леса поставили деревенский караул с приказом отнюдь не допускать любопытных, а служение панихид было наистрожайше воспрещено»*.

Тем не менее, вопреки желанию и даже предписаниям начальства, могила Шибунина, исключительно благодаря заботам самого населения, сохранилась до наших дней. Неизвестные почитатели положили на небольшой, едва заметный земляной холмик скромную каменную плитку, и хотя холмик был расположен на крестьянской надельной земле, из года в год обрабатываемой, он не был запахан и его можно найти и теперь.

* П. И. Бирюков. «Л. Н. Толстой, биография». Том II, стр. 104. Берлин. 1921 г. Изд. Ладыжникова.

Могила безвинно расстреленного «солдата» находится при дороге из дер. Озеры и села Колпны на станцию Щекино, почти против Керамического завода, быв. завод Гилля.

В Колпне помещалось местное Ясенковское волостное правление. В состав этой волости входила и Ясная Поляна. Сюда Толстой очень часто наезжал по делам, когда был мировым посредником, и упорно защищал крестьянские интересы в их спорах с окрестными владельцами. Здесь он нередко бывал и потом, хлопоча о делах отдельных крестьян.

По дороге в Ясенки, недалеко от шоссе, всего в 3 верстах от Ясной Поляны, расположено село Кочаки с приходской церковью. К Кочаковскому приходу принадлежала Ясная Поляна, и в ограде здешней церкви имеется фамильный склеп Толстых, где похоронены отец и мать его, брат Димитрий, его тетка и воспитательница Татьяна Александровна Ергольская, заменившая ему в детстве мать, другая тетка, Пелагея Ильинишна Юшкова, его опекунша и, наконец, дети Толстого: Петя, Николинка и Мария Львовна, а в 1919 г. его жена, Софья Андреевна, и сестра последней, Татьяна Андреевна Кузминская, умершая в 1926 г. Рядом, на другом Кочаковском кладбище, еще в 40-х годах был похоронен первый учитель Толстого, Федор Иванович Рессель, очень трогательно изображенный им в фигуре Карла Ивановича в повести «Детство».

Проработав с утра часов до 2 или до 3, Толстой если не отправлялся на прогулку в Засеку, то ехал верхом или шел пешком, куда-нибудь в соседнюю деревню или на станцию за почтой или к кому-нибудь из друзей в окрестности. Он прекрaно ездил верхом. Его посадка даже в старости заставляла любоваться знатоков этого дела. Достаточно вспомнить писание Николая Ростова на коне, в «Войне и мире», чтобы почувствовать, какой глубокой страстью для самого Толстого была верховая езда, от которой он не отказывался до самых последних дней. Прогулка верхом в 20 верст, как мы видели, даже в глубокой старости, ему казалась нормальной. Или он шел гулять просто пешком, что тоже любил, и верст 10 ходьбы ему тоже казались не слишком утомительными. В прогулке он

почти всегда заходил к кому-нибудь или для беседы, или по делу. Самая ближняя деревня к Ясной была Телятинки. Рядом с ней была помещичья усадьба, где в последние годы жизни Толстого поселился В. Г. Чертков, его друг, создавший в Лондоне вольную типографию для издания произведений Толстого, которые при царском правительстве нельзя было печатать в России. Возвратившись из эмиграции, Чертков построил в Телятинках большой дом, где у него собирались последователи Толстого и жили целой общиной человек в 20 и больше *.

С Телятинками связана в произведениях Толстого трагическая развязка в романе «Анна Каренина».

...«еще у нас тут в Ясной случилась драматическая история,— пишет Софья Андреевна в одном из писем к сестре.— Ты помнишь у Бибикова ** Анну Степановну? Ну, вот эта Анна Степановна ревновала к Бибикову всех гувернанток. Наконец, к последней она так ревновала, что Александр Николаевич рассердился и поссорился с ней, следствием чего было то, что Анна Степановна уехала от него в Тулу совсем. Три дня она пропадала. Наконец, в Яенках на третий день в 6 часов вечера она явилась на станцию с узелочком. Тут она дала ямщику письмо к Бибикову, просила его свезти и дала ему 1 руб. Письма Бибиков не принял, а когда ямщик вфнулся опять на станцию, он узнал, что Анна Степановна бросилась под вагоны, и ее раздавил поезд до смерти».

До устройства в Телятинках, В. Г. Чертков одну время жил в деревне Деменке, где Толстой нередко бывал у него.

Другой менее известный последователь Толстого— Афанасий Агеев, крестьянин, разделявший его взгляды, жил в деревне Казначеевке. По профессии он был весовщиком и служил на Московско-Курской ж. д. Его рассказы и материалы, сообщенные Толстому, о работе грузчиков вошли в статью «Так что же нам делать» ***.

Наконец, на большой дороге, по ту сторону железнодорожного полотна, близ станции Ясная Поляна имеется еще небольшая деревня Овсянниково, где была усадьба,

* Теперь этот дом отремонтирован, приведен в порядок и в нем помещается школа I ступени и общежитие учащихся опытно-показательной станции Ясная Поляна. (См. часть вторую).

** Владельца усадьбы в Телятинках.

*** Агеев впоследствии судился по обвинению в богохульстве, был сослан в Сибирь в Ачинск и там умер.

Л. Н. Толстой на прогулке в лесу у Ясной Поляны.

принадлежавшая раньше семье Шмидт. Сестра владельца этого имения, Мария Александровна Шмидт, была одной из горячих последовательниц Толстого и очень преданным его другом. Простота ее жизни, нетребовательность, подвижничество часто умиляли Толстого, и он любил заходить с прогулки в Овсянниково к Марии Александровне, где нередко подолгу жилали и другие друзья и последователи Толстого, например, поэт и издатель «Посредника» Иван Иванович Горбунов-Посадов, и другие.

Бывал также нередко Толстой в поселке при станции Щекино, где находился химический завод Гиля. Здесь его интересовали условия жизни и работы, и всегда глубоко волновало положение рабочих, которые работали над производством серной кислоты, купороса и соды в условиях, казавшихся Толстому совершенно непереносимыми и губительными для здоровья.

Из окрестностей Ясной Поляны в личной биографии Толстого надо отметить деревню Судаково. Когда Толстой вернулся после Севастопольской кампании и упорно думал о женитьбе, у него начался здесь роман с юной девушкой Валерией Арсеньевой.

Роман этот отразился в его произведениях, в повести «Семейное счастье». Он почти весь прошел в переписке, был очень трогателен и искренен, но эта любовь больше питалась воображением, чем была действительным увлечением девушкой. В последние десятилетия, когда в Судакове были возведены доменные печи Бельгийского о-ва, Толстой интересовался жизнью рабочих нового завода и бывал на нем, чтобы улаживать недоразумения, возникавшие между администрацией завода и крестьянами, работавшими на нем по поставке руды.

Наконец, нужно указать еще одну соседнюю деревню Рудаково, где в последние годы Толстого интересовало проявление крестьянами общественной самодеятельности при организации потребительского общества*.

Таков был круг обычных поездок верхом и прогулок пешком в течение 3—4 часов после занятий, во время которых шло самое тесное общение с друзьями, жившими

* Этот опыт кооперативной работы привлекал полное его внимание и сочувствие. (См. вторая часть.)

В окрестностях, с окрестным крестьянским населением и с рабочими заводов Гиля и Бельгийского о-ва.

Много реже, но случалось Толстому наезжать и в свой уездный город Крапивну. Эти поездки его биографами отмечены в три момента жизни: во-первых, когда он служил мировым посредником и часто бывал в Крапивне по делам и спорам из-за земли между крестьянами и помещиками, и потом, когда был земским гласным и бывал на земских собраниях.

Затем в 1883 г., когда у Толстого установился окончательно его отрицательный взгляд на власть и государство, он ездил в Крапивну отказываться от общественной обязанности присяжного заседателя в суде. Его мотивированный отказ произвел тогда большое впечатление.

Наконец, в 1907 г. он ездил в Крапивну для свидания в тюрьме со своим арестованным секретарем Н. Н. Гусевым.

Много чаще Толстому приходилось бывать в своем губернском центре—в Туле, находящемся всего в 15 верстах от Ясной Поляны. Он ездил сюда и в экипаже, и верхом, и не раз ходил пешком по шоссе. Одно время он был попечителем гимназии. В Туле жили его друзья: Л. Д. Урусов, И. И. Раевский и известный общественный и судебный деятель Н. В. Давыдов. Бывал он здесь на интересовавших его процессах в окружном суде. Как известно, его драма «Власть тьмы» написана по сюжету одного из дел, на которое обратил его внимание Н. В. Давыдов. Бывал Толстой нередко и в тульских тюрьмах и на оружейном заводе. Бывал на репетициях перед первым публичным представлением своей комедии «Плоды просвещения». Много раз ездил сюда ходатайствовать за яснополянских крестьян перед властями и т. д.

И все-таки и Тула, и Крапивна, как губернский и уездный центры и города, посещались случайно или когда было дело. В деревнях же, окружающих Ясную Поляну Толстой бывал постоянно. Все они были для него свои близкие, знакомые, с которыми связывали его воспоминания детства и молодости и живые интересы крестьянства. В этом отношении, конечно, на первом месте шла деревня Ясная Поляна, дома которой смотрят прямо на его усадьбу. Тут Толстой знал на протяжении нескольких поколений

Семейную хронику всех дворов, население Ясной Поляны к моменту его смерти состояло больше чем из 700 душ. Он знал состав каждой семьи и ее имущественное положение, привык, присмотрелся к лицам, и когда встречал малышей на улице, всегда узнавал по чертам семейного сходства, из какого они двора. Здесь у него были старые друзья—ученики его первой Яснополянской школы—Василий Морозов, Тарас Фоканычев, Данила Козлов, вместе с которыми он создавал рассказы своих «Книг для чтения» и изобразил их в известной своей статье «Кому у кого учиться писать—крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?»,—они остались навсегда близкими ему людьми.

С другими он вместе работал в поле и на покосе. У некоторых обрабатывал их надельную землю. У Анисьи Копыловой строил избу и сарай. Надо еще вспомнить, что при нем в 60-х годах яснополянские крестьяне освободились от крепостной зависимости, а часть бывших дворовых осталась жить на их усадебной земле. Некоторые из них жили у Толстого пенсионерами до самой революции. Если вспомнить еще, что эти непосредственные отношения с яснополянскими крестьянами длились более 70 лет изо дня в день, то станет ясным, как была близка Толстому вся их среда, и как проникновенно, с постоянным волнением участия было изучено Толстым в их лице русское крестьянство центральных губерний.

В русской литературе даже и среди писателей-выходцев из крестьян нельзя найти писателя, который бы не только так знал, но и так сросся с крестьянской средой, как Толстой. Не даром также в русской литературе нет произведения с сюжетом из крестьянской жизни, которое так глубоко, без всяких условностей, литературных и сценических, изображало и крестьянскую психологию и крестьянский быт, как Толстовская «Власть тьмы», где трагедия крестьянской жизни вскрыта до основных ее глубин.

Но не нужно думать, что только через Ясную Поляну и обитателей ее окрестностей Толстой имел общение с народной жизнью. Конечно, как уголок центральной полосы, она отражала в себе ее, «как солнце в малой капле

вод». Но Толстой недовольствовался этим. У него был свой особый метод выйти, как он полушутя говорил, в «большой свет», в «Grand monde».

Этой цели у него служили прогулки по Московско-Киевскому шоссе. Любя шутку, Толстой называл его своим «Невским проспектом», но, пожалуй, у него здесь было больше встреч и разнообразней общество, чем у петербургских людей на Невском. Стоит лишь представить себе, что это магистральное шоссе между севером и югом России для движения не только всей бродячей Руси, но и для сезонных рабочих Калужской, Смоленской и др. губерний, которые шли на сельскохозяйственные работы на Дон и на Украину или на зимнюю работу в шахтах в Донецком бассейне и т. д. Городские люди, привыкшие ездить в поездах, глядя из окон вагона на шоссе, с трудом могут вспомнить, что еще в 900-х годах у нас шло массовое движение пешком по шоссейным дорогам или по шпалам, за невозможностью заплатить за перевозку. К этому нужно добавить еще толпы бродячей Руси, стремившиеся на зиму в теплые края, главным образом, на Черноморское побережье, в летнюю пору растекавшиеся по необъятным просторам центральной и северной России. Наконец, тут двигались еще огромные потоки богомольцев и богомолок-крестьянок, измерявших Россию шагами от Киева до Соловков и от Троицкой лавры до Одессы при движении в Иерусалим. Еще большие толпы их шли к Тихону Задонскому, к Митрофанию Воронежскому, в Оптину пустынь, в Коренную пустынь под Курском и т. д. Проводя 3—4 часа на этом своем Невском после утренней работы, с 2—3 до 5—6 часов вечера, при необыкновенном знании быта и языка с оттенками местных наречий и говоров—и поволжского, и северного, и центральных губерний, при исключительном обилии в его разговорном обороте поговорок и пословиц, при внешности и одежде «старика из простых», а главное, при необычайном таланте заговорить с каждым о том, что собеседника больше всего волнует, Толстой на Киевском шоссе, конечно, вступал в самое тесное и глубокое общение с движущимися по этой артерии людьми самых разнообразных положений. То он сидел на обочине шоссе вместе с богомольцами или провожал их на их мерном ходу, то заводил знакомства

Дорога от реки Воронки.

с каменщиками на шоссе и нередко работал вместе с ними, то подсаживался на телегу к местным крестьянам, возвращавшимся из Тулы с базара, то вместе с шахтерами, возвращавшимися домой на уборку хлеба или на покос, обсуждал их хозяйственное положение, и т. д.

Многие известные теперь по его произведениям всему миру рассказы и легенды подслушаны Толстым именно на Киевском шоссе, прогулки по которому были для него своего рода «хождением в народ». Не даром он называл их своими выездами в «большой свет». Здесь он почти ежедневно имел все новые и новые встречи, нередко производившие на него глубокое впечатление, дававшие богатый материал его творческой мысли и воображению. Чтобы выйти из привычной среды, многие писатели путешествуют или бродяжничают. Других, как Максима Горького, выводит в бродяжничество сама жизнь. Но и в этом отношении опыт Толстого оказывается таким большим, что этому писателю, «выходцу из графов и землевладельцев», могли бы позавидовать многие, вышедшие из рабочей и крестьянской среды и из общественных низов старой России.

Толстой на Киевском шоссе или в вагоне III класса — затерявшийся в толпе, никому неведомый старик, которого по внешности железнодорожный кондуктор может даже и подтолкнуть, высаживая с поезда. Но Толстой в то же время, живя в Ясной Поляне, был и самым известным в мире человеком, имя которого звучало, как колокол, звало и манило к себе людей всех наций, всех возрастов и положений. Слава создала ему положение человека, «стоящего у рупора», слышного всему миру, и многим, кто слышал его голос через этот рупор, хотелось хотя бы одним глазом взглянуть на живого Толстого. И потоки людей и осенью, и зимой, и весной, и летом устремлялись в Ясную Поляну, искали с ним встреч, хотели беседовать с ним. Не нужно думать, что это были все люди с более или менее значительным положением или известные. Таких было много, десятки, сотни, пожалуй, тысячи. Но неизмеримо больше было людей никому не известных, и они прошли перед Толстым в никем не исчисленном количестве, и нередко случалось, что

с теми или другими из них Толстой вел беседы по самым основным вопросам жизни.

Таким образом, круг людей, с которыми Толстой имел общение, был не только огромным, но и постоянно менявшимся и обновлявшимся, и расширявшимся. Так что под конец жизни Толстой, можно без преувеличения сказать, жил в постоянном общении со всем человеческим миром не только через свои произведения, но и в бесчисленных встречах с представителями всех наций и классов. Во всей мировой литературе нет имени, которое можно было бы сравнить в этом отношении с Толстым.

И замечательно, что это общение Толстой мог осуществлять именно потому, как описано выше, что он провел больше 70 лет своей жизни в Ясной Поляне. Пребывая в ней в качестве гениального художника-творца, охватывающего воображением через нее весь мир природы, он сам создал из Ясной Поляны особый уголок мировой сцены, через которую проходили все персонажи современной ему живой жизни всего человечества.

Вот чем была для Толстого Ясная Поляна.

И всякий, кто входит теперь в музей-усадьбу «Ясная Поляна», может здесь по реликвиям его жизни легко и остро почувствовать, что для Толстого Ясная Поляна была примерно тем же, чем для Гомера Греция и все моря, по которым неумолимая Мойра (судьба) заставляла плавать его героя Одиссея.

Когда Толстой умер, поток людей, стремившихся в Ясную Поляну, не прекратился. И в парке, и в доме, и на могиле Толстого с тех пор тоже бывают, как и при жизни Толстого, самые разнообразные люди. Здесь и интеллигенты, и учащиеся, и рабочие с тульских и с очень дальних заводов и фабрик, и крестьяне, и учителя, и врачи, и инженеры, и писатели, и многочисленные иностранцы, из которых почти каждый, кто бывает в России, заезжает посмотреть Ясную Поляну. Многих из посетителей умиляет то, что они видят, умиляет встающий здесь перед ними живой образ Толстого. Другие остаются спокойными или равнодушными. Но все, кто бы они ни были, уносят из Ясной Поляны образ великого Толстого, остающийся всегда значительным и для русских, и для всех иностранцев, или «для всех людей всего мира».

III. ОТ СТАНЦИИ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» ДО ВЪЕЗДА В УСАДЬБУ.

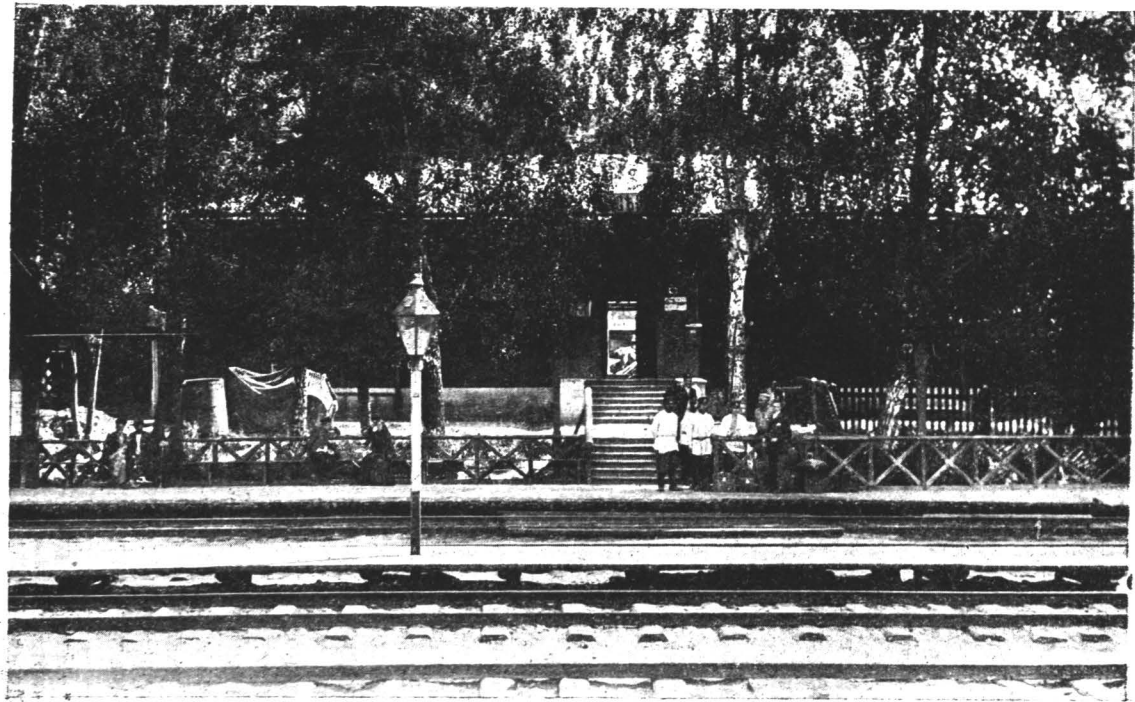
Почтовый поезд из Москвы подходит к станции «Ясная Поляна» в половине четвертого. В летнюю пору в это время уже рассвело. Можно идти в усадьбу. Прогулка в ясное, тихое утро полна неизъяснимой прелести. Прямо за железнодорожным полотном дорога входит в широкую просеку среди леса—это и есть историческая Козлова Засака (см. выше). И вперед, и назад развертываются холмистые лесные виды. Лес дубовый и из других лиственных пород,—его сочная зелень красиво рисуется на светлеющем небе. Дорога постепенно поднимается на отлогую возвышенность, которая скрывает вид на Ясную Поляну. Идешь по ней и невольно представляешь, как ездили тут во времена московских царей их послы к крымским ханам, на Кавказ и в Персию, почему и самая дорога носила название «посольской»; как по этой же дороге с юга совершали свои набеги на Москву крымские татары; как потом, уже во времена Екатерины, шло по ней сообщение Петербурга с Новороссией и скакали курьеры Потемкина.

Едва дорога взбегает на возвышенность, как вдруг открывается вид на старый яснополянский парк и окружающий его полукольцом огромный яблонный сад.

Отсюда же раскрывается вид и на новое, что появилось в Ясной Поляне после революции. По левую сторону, поодаль от дороги, на пригорке видно только что законченное постройкой большое двухэтажное здание школы 9-летки, просторное, светлое, с широкими окнами, являющееся школой-памятником, созданным ко дню столетия со дня рождения Толстого (28 августа—10 сентября 1828 года). С марта текущего 1928 года в ней уже идут занятия (см. часть вторую).

Ближе к туристу и далеко не доходя деревни Ясной Поляны, у леса, справа от дороги, виднеется тоже очень большое и просторное, но еще не законченное (май 1928 г.) здание больницы (см. часть вторую).

Затем дорога спускается к ручью, к речке Ясенке, перебрасываясь через нее по небольшому мостику.

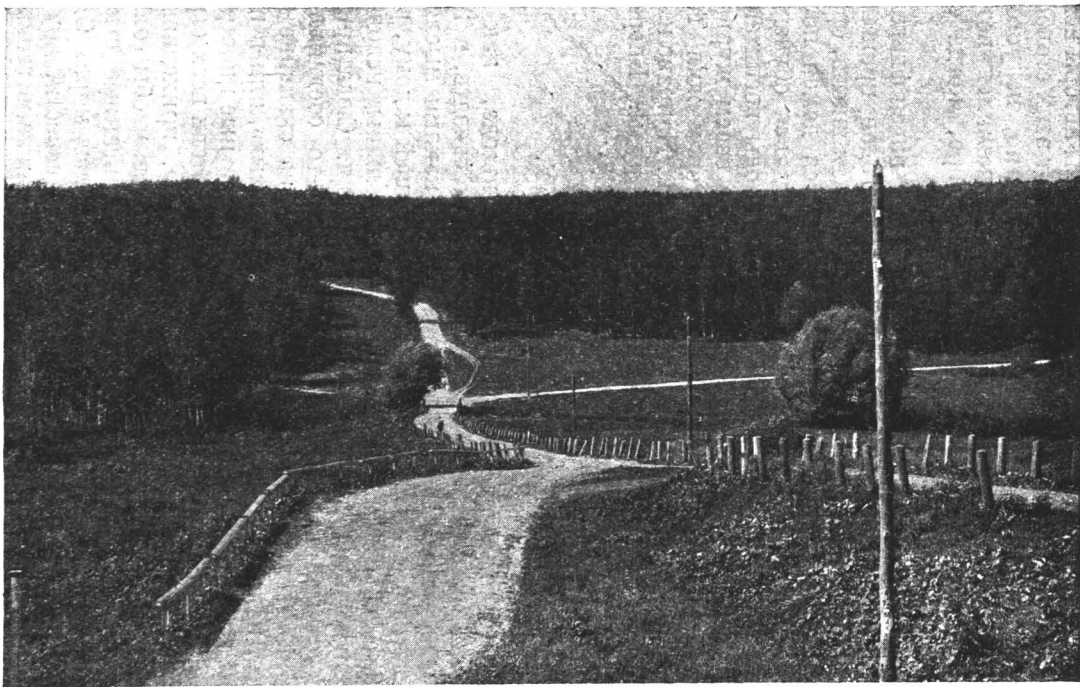
Станция Ясная Поляна (бывш. Козлова Засека).

Отсюда, справа от дороги, виднеются известные всему миру по тысячам открыток башни въезда, построенные дедом Толстого, князем Волконским, по обычаю екатерининских времен.

Эти башенки въезда по своему назначению представляли не что иное, как верей для ворот. Вместе с тем они служили и приютом для сторожей в непогоду. Но построены они были весьма затейливо, как в екатерининское время обставлялись все въезды в усадьбы важных бар и вельмож. Надо было, чтобы каждый, проезжающий по столбовой дороге из Москвы и из Петербурга в Крым или Новороссию, сразу по внушительному виду ворот догадывался, кто здесь живет. Тем более, что как раз тут же недалеко от въезда в усадьбу находилась и почтовая станция, первая от Тулы. И эти башенки, несомненно, достигали своей цели, так как их вид всегда интригует каждого, кто их видит впервые. С. Л. Толстой рассказывает, например, что один иностранец написал даже, будто эти башенки—остаток феодальной эпохи, когда владения помещиков, будто бы, приходилось укреплять от вооруженных нападений *. Таким образом, затея старого вельможи обратить на себя внимание всякого, проезжающего по большой дороге, соединявшей коренной север России с ее новым быстро развивавшимся югом, несомненно, достигала цели. По этой дороге проезжала в Крым во время своего известного путешествия сама Екатерина II. По ней же провозили в 1825 г. тело Александра I, умершего в Таганроге. По понятиям того времени жить у такой дороги большому барину и не иметь великолепных ворот при въезде в усадьбу было бы даже неприлично.

При князе Н. С. Волконском здесь были ворота, и у них стояли сторожа с алебардами. Когда здесь жил Толстой, то редкий посетитель, проходя эти башни, не испытывал смущения и неловкости: как он, обыкновенный человек, сейчас увидит, будет беспокоить и хоть на минуту, но

* «Ясная Поляна». Краткое описание и сведения для посетителей, с картой, 4 планами и 6 фототипиями. Изд. Толстовского о-ва в Москве. Составлена издательской комиссией о-ва; текст написан С. Л. Толстым, П. И. Бирюковым (глава VI. Кабинет) и А. Е. Грузинским (гл. VIII. Библиотека).

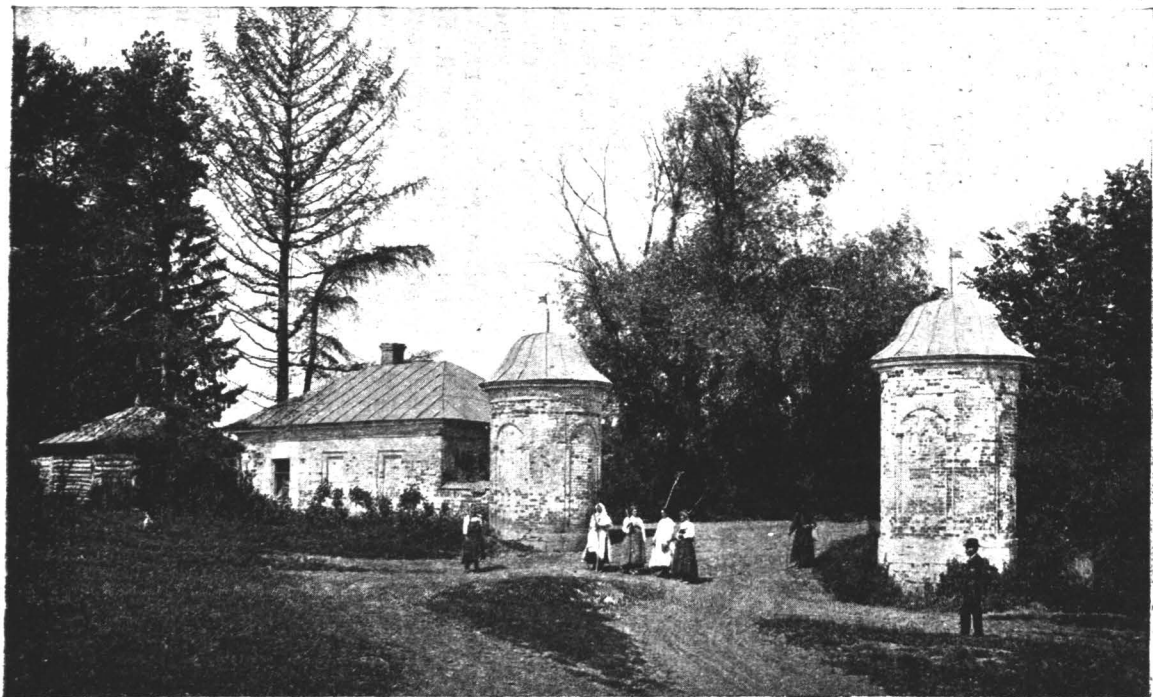
Дорога со станции в Ясную Поляну.

как-то вмешается в жизнь самого Толстого. В многочисленных описаниях посещений Ясной Поляны авторы вспоминают, как они готовы были повернуть от этих столбов-башен назад, а А. П. Чехов, как известно, не устоял и действительно свернул назад и познакомился потом впервые с Толстым уже в Крыму в Гаспре, когда сам стал знаменитым писателем.

С дороги у поворота в усадьбу Толстого виден флигель, в котором в конце 50-х и начала 60-х годов прошлого века помещалась знаменитая Яснополянская школа, организованная Толстым, когда он вернулся домой после Севастопольской войны и со страстью отдался обучению крестьянских ребят, создавая новые методы воспитания и обучения и страстно проповедуя их в своем журнале «Ясная Поляна». Главного дома, в котором жил Толстой, отсюда не видно—его скрывает парк. Направо и налево сквозь чащу деревьев виднеются пруды. Впереди красивая аллея «Пришпект» ведет к дому.

IV. ВЪЕЗД В УСАДЬБУ.

Едва посетитель проходит башни въезда, как он оказывается совсем в особом мире, можно сказать, в Толстовском мире. Всякого, кто знает, с какими мыслями и чувствами входили по этой аллее, ведущей к дому, различные посетители Ясной Поляны, должны невольно взволновать их рассказы и воспоминания. Сюда приходили самые разнообразные люди и как-то соединялись вокруг Толстого за столом в зале или на скамейке под вязом, получившим название «дерева бедных», или в прогулке по парку и в Засеке. Тут и очень знатные иностранцы, большие политические деятели, и писатели всех стран и народов, и начинающие самоучки-поэты, приходившие пешком верст за полтора, а то и больше, чтобы только показать Толстому свои каракулями написанные стихи. Поломники тянулись сюда со всех концов мира. Одни искали в Толстом человека абсолютной совести, других привлекал всепроникающий в природу и жизнь гениальный ум Толстого, третьи шли из простого неудержимого любопытства, взглянуть хоть одним глазом, хоть как-нибудь, хоть из-за куста на самого известного в мире

Башни въезда в Яснополянскую усадьбу.

человека. Многие безотчетно тянулись к нему, «как к свету истины»; были и такие, что просто желали услышать его, как оракула. Так например, одна городская учительница предоставляла Толстому разрешить за нее такой жизненный вопрос: «выходить ли ей замуж за простого мужика», другая дама приезжала из Киева, чтобы рассказать Толстому свои сны. И с чем только не обращались к нему! Ученые, послушники, земские врачи, предводители дворянства, издатели, гимназисты, революционеры—все шли к Толстому со своими вопросами. Один просил написать предисловие к его книге, другой желал спорить о непротивлении злу насилем, гимназист хотел исповедываться о половой жизни. Был случай, что один революционно настроенный молодой человек приходил просить денег на экспроприацию. Это был непрерывный ежедневный поток людей, пожалуй, более пестрый, чем фигуры кинематографа. И каждый желал говорить с Толстым о том, что его больше всего волновало в данный момент. Подлинные страдания мелькали перед Толстым вперемежку со вздорными, суетными интересами и себялюбивыми мечтами; искренние выражения сочувствия, даже обожания, сменялись иногда словами ничем не оправданной злобы к нему. Словом, люди одолевали его, потому что он был «единственный во всем мире». Книжки посетителей не велось у Толстого, как она ведется теперь в его музее-усадебке, но имена посетителей, бывавших в разные годы у Толстого, можно установить теперь по записям Софьи Андреевны Толстой и некоторым другим источникам.

Из записок и воспоминаний многих из этих посетителей можно, пожалуй, составить целую интересную библиотеку, характеризующую отношение к Толстому русской интеллигенции того времени.

Вот, между прочим, воспоминания И. В. Ильинского, вылившиеся у него из-под гимназического пера под непосредственным чувством немедленно по приезде из Ясной Поляны:

«27-го сентября 1900 года. Вчера я был в первый раз в Ясной Поляне. Это один из замечательнейших дней моей жизни. Столько я пережил, перечувствовал за один день. Такие все там добрые, хорошие, веселые, здоровые, честные...

Приехал я на станцию Козлова Засека (в 3 верстах от Ясной Поляны) в 8¹/₂ часов утра и, просидев 1 час на станции, чтобы не притти слишком рано, отправился к Л. Н-чу.

Подходя по длинной, широкой березовой аллее к белому двухэтажному дому, я испытывал большой страх и то чувство в желудке, которое бывает перед экзаменами.

Слуга отказался доложить обо мне, так как Л. Н. был занят. Софья Андреевна была в Москве. Кроме Александры Львовны, никого не было. Слуга отвел меня в библиотеку. Я решил тут дожидаться до 2 часов, когда Л. Н. выходит в столовую. Эта довольно маленькая комната вся была уставлена шкафами и увешана портретами: Софьи Андреевны, Тургенева, Гончарова и др.

Первое время, оставшись один, я не смел двинуться и только оглядывался. Все, казалось мне, дышит здесь: «Войной и миром», «Анной Карениной», «Детством и отрочеством». Я в доме величайшего человека в мире, во всем мире,—думал я, и мне было жутко и приятно.

Замечательно, что во всех воспоминаниях, как бы ни были различны авторы, заметна эта нота «жутко». Люди испытывали примерно то, что бывает при приближении к высочайшим вершинам Кавказа и других горных систем. Приятно и неудержимо тянет побывать на вершине, но и жутко от ее грандиозности в сравнении с человеком.

Перед входом в аллею дорога идет по плотине между двумя прудами. Ветви старых деревьев свешиваются в воду. Сквозь листву в летнюю жаркую пору приятно блестит вода. На пруду, который находится в парке, летом ставилась купальня, а зимой устраивался каток. На нем катались не только дети и внуки Толстого, но и он сам до глубокой старости, до 1903 г. В молодости у Толстого была страсть к конькам, и он великолепно катался и не оставлял этого спорта почти всю жизнь. Вот как описывает эту любовь к катанию на коньках Софья Андреевна Толстая в своих записках:

«Зимой устроили на пруду каток, и мы все—и двое старших детей и англичанка, и приезжающие на праздники мои братья или гости,— все весело катались на коньках. Лев Николаевич, со свойственной ему страстностью во всем, добивался делать на одной ноге круги, и вообще всякие замысловатые туры на коньках. Эти упражнения на катке составляли большое развлечение и удовольствие для всех. Когда снег засыпал наш каток, мы все брали лопаты и метлы и расчищали его для катанья. И так проводили мы иногда часа два на льду, при ярком морозном солнце, в тишине углубленного и защищенного со всех сторон деревьями нашего большого пруда» *.

* Из неопубликованных записок С. А. Толстой.

За плотиной посетитель входит в красивую аллею из прямых стройных елей, которая, поднимаясь по склону, ведет его к дому. Эти ели заменили собою старые березы, посаженные здесь князем Н. С. Волконским. Березы погибли от старости и частью теперь выкорчеваны. При жизни Толстого аллея состояла еще из берез. В Ясной Поляне ее называли «Пришпектом» исстари, со времен князя Н. С. Волконского. Это как раз она послужила моделью для описания в романе «Война и мир» под тем же именем «пришпекта» в «Лысых горах», где жил старый князь Болконский, отставной генерал-аншеф.

Вот эта характерная для эпохи сцена расчистки и потом забрасывания проспекта снегом по приказу отставного екатерининского генерала перед приездом всеильного министра времен Александра I:

«Старый князь Николай Андреич Болконский в ноябре 1805 года получил письмо от князя Василия, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном... В тот день, как приехать князю Василию, князь Николай Андреич был особенно не доволен и не в духе ...как обыкновенно, в 9-м часу князь вышел гулять в своей бархатной шубке с собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал снег. Дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреич к оранжерее, была расчищена, следы метлы виднелись на разметанном снегу, и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошел по оранжереем, по дворне и постройкам, нахмуренный и молчаливый.

— А проехать в санях можно?—спросил он провожавшего его до дома почтенного, похожего лицом и манерами на хозяина управляющего.

— Глубок снег ваше сиятельство. Я уже по пришпекту разметать велел.

Князь наклонил голову и подошел к крыльцу. «Слава Тебе Господи!—подумал управляющий—пронеслась туча!».

— Проехать трудно было, ваше сиятельство,—прибавил управляющий.—Как слышно было, ваше сиятельство, что министр пожалует к вашему сиятельству?

Князь повернулся к управляющему и нахмуренными глазами уставился на него.

— Что? Министр? Какой министр? Кто велел?—заговорил он своим пронзительным, жестким голосом.

— Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нет министров!

— Ваше сиятельство, я полагал...

— Ты полагал,—закричал князь, все поспешнее и несвязнее выговаривая слова.—Ты полагал... Разбойники! прохвосты!.. Я тебя научу полагать!

Князь продолжал кричать: «прохвосты! закидать дорогу!»

Пруд.

...Князь вышел и дошел до официантской. Алпатыч, нагнув голову, стоял в официантской.

— Закидана дорога?

— Закидана, ваше сиятельство; простите, ради Бога... по одной глупости...

Князь перебил его и засмеялся своим неестественным смехом.

— Ну, хорошо, хорошо.

Он протянул руку, которую поцеловал Алпатыч, и прошел в кабинет.

Вечером приехал князь Василий.

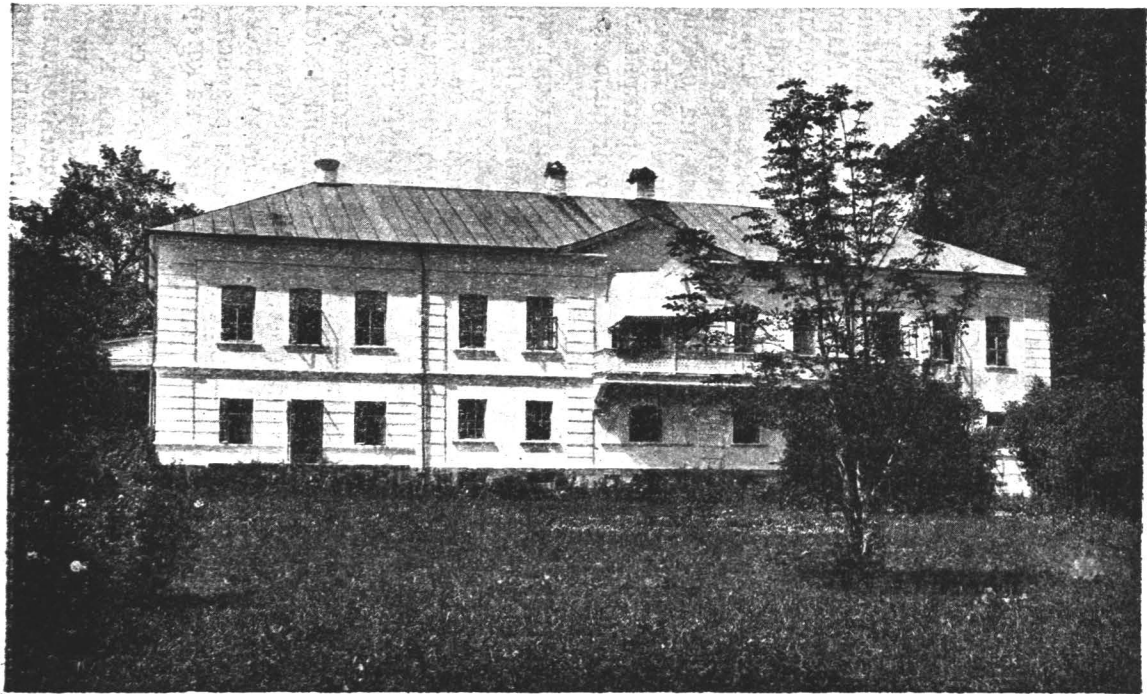
Его встретили на прищепке (так назывался проспект) кучера и официанты, с криком провезли его возки и сани к флигелю по нарочно засыпанной снегом дороге*.

Аллея «Прищепка» широкая, «подъездная» в расчете на экипаж, запряженный тройкой, а то и четверкой лошадей. Вправо от нее сквозь ели видны деревья старого парка. По левой стороне видна часть замечательного яснополянского яблонового сада, разведенного Толстым. Приближаясь к дому, «Прищепка» заканчивается и выводит в аллею из сиреневых кустов, которая, изгибаясь полукругом, выходит к террасе.

V. ПАРК, САД И ЛЕС.

Дом Толстого стоит в парке. Яснополянский парк, разбитый князем Н. С. Волконским еще более ста лет назад, спускается от дома по южному склону к прудам, к речке Ясенке до старой большой дороги. Центральную, самую интересную часть его составляют т. н. «клины», или вековые липовые аллеи, насаженные так, что образуют прямоугольник. Высокие стройные деревья стоят в «клинах» близко друг к другу точно колонны какой-нибудь дворцовой галереи. Высоко вверху над ними сплетаются сплошным зеленым кровом густые ветви. Их листва всегда таинственно шумит, а внизу у корней тихо и свежо даже в самое жаркое время. В летнюю пору Толстой утром любил работать здесь, вместо кабинета. Старый слуга Илья Васильевич, служащий теперь в музее, выносил сюда стол, кресло и Толстой усаживался здесь за работу до 2—3 часов дня, когда он

*«Война и мир». Том I, ч. III, гл. 3. стр. 312 и след. (Изд. Кушнерева, Москва. 1911 г.).

Дом-музей с южной стороны.

обычно выходил к посетителям в залу, столовую или на террасу. Здесь в «клинах» очень живописно изобразил Толстого Репин на картине «Толстой с книгой».

Эти липовые аллеи, сходящиеся возле самого дома, являются и теперь наиболее красивой, а во время цветения очаровательной частью Яснополянского парка.

При деде Толстого, Волконском, в «клинах» была круглая площадка, где у него играл оркестр из крепостных музыкантов.

От угла «клинов» спускается к пруду очень густая аллея из орешника, в конце которой над нижним прудом с давних времен имеется скамейка, известная в семейных преданиях, как любимое место матери Толстого, Марии Николаевны, рожденной Волконской. Здесь она подолгу сживала, наблюдая за движением на большой дороге, а главное, поджидая возвращения мужа, Николая Ильича Толстого, проводившего значительную часть своего времени в поездках на выборы, по соседям, на охоты и в Москву. Еще ниже в парке была до недавнего времени беседка с небольшой вышкой, с которой открывался широкий вид на всю деревню, на Засеку и было даже видно Киевское шоссе.

Прямо перед фасадом дома в парке оставлена широкая открытая поляна с кустами сирени и клумбами, над которыми поднимается могучая ель. Благодаря этому приему разбивки, деревья парка не загораживают, не давят дома и не отнимают света у его окон, из них далеко развевывается красивый вид на поля и леса за большой дорогой.

Направо от дома большая продолговатая площадь, где раньше был старый барский дом. Она засажена Толстым липами, вязами, лиственницами, дубами, как будто, без всякого счета и порядка, но в то же время очень красиво. Теперь эти громадные 60—70-летние деревья разрослись, а у их корней разбиты дорожки и площадка, на которой при Толстом играли в крокет.

Впереди всей этой купы деревьев разросся старый вяз, на суку которого висит колокол, сзывавший к обеду и к чаю. Кто-то из посетителей Ясной Поляны назвал этот вяз «деревом бедных», так как на скамейке под ним обычно каждое утро, поджидая выхода Толстого, перед

— — — — — Дом с «деревом бедных»;

подъездом сидели богомольцы, нищие и вообще представители былой бродячей Руси.

Описанные посадки на месте прежнего главного дома заставляют вспомнить страсть Толстого к древесным насаждениям. Он любил деревья, чувствовал их жизнь. Когда в юности во время Севастопольской войны, командуя на Бельбеке батареей, ему пришлось срубить старое дерево для установки артиллерийского орудия, он пережил его смерть, как личную драму. Вот следующее описание гибели срубленного дерева в рассказе Толстого «Три смерти».

«Вдруг странный, чуждый природе звук разнесся и замер на опушке леса. Но снова послышался звук и равномерно стал повторяться внизу около ствола одного из неподвижных деревьев. Одна из макушек необычно затрепетала, сочные листья ее зашептали что-то, и малиновка, сидевшая на одной из ветвей ее, со свистом перепорхнула два раза и, подергивая хвостиком, села на другое дерево. Топор звучал глуше и глуше, сочные, белые щепки летели на ростистую траву, и легкий треск послышился из-за ударов.

Дерево вздрогнуло всем телом, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своем корне. На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, послышился треск в его стволе, и, ломая сучья и спустив ветки, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шагов затихли.

Сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинах, и ветви живых деревьев медленно, величаво зашевелились над мертвым поникшим деревом».

В жизни Толстого были периоды, когда он, занимаясь хозяйством у себя в имении, со страстью отдавался ему, как он всегда отдавался всякому делу, которое почему-либо начинал. Напоминанием об этих периодах могут служить древесные насаждения. Значительная часть парка и обширное пространство за парком и гумном засажены огромным яблоневым садом. Сад этот, как сказано, занимает 35 десятин; и когда он цветет, картина Ясной Поляны в солнечные дни или в лунные ночи полна неизъяснимой прелести. Прогулка по этому саду в цвету оставляет впечатление на всю жизнь. Толстой любил этот сад и его цветение, и не даром Репин на одной из своих картин изобразил Толстого среди цветущих ветвей яблонь в умилении перед восходящим солнцем.

Но может быть еще больше сада, страстнее и напряженнее Толстой любил лес. Значительная часть площади прежнего

яснополянского имения была покрыта лесными насаждениями. Увлекаясь ими, Толстой даже создал теорию, что лесное хозяйство должно стать наиболее выгодным в тех условиях, которые наступили после реформы 1861 г. и постройки Московско-Курской ж. д. Природных хвойных насаждений ни в Ясной Поляне, ни в Козловой Засеке, ни в окрестностях не было. Толстой сделал хвойные посадки, и они хорошо пошли, и теперь в составе Яснополянского заповедника имеется прекрасная роща из саженных елей. Много было посажено им и березового леса. Толстой уже в старости любил скамейку, на самой опушке хвойного леса, где ели скрывали его от всех и от всего. Сквозь их ветви проглядывали поля и вдали виднелась полосой Засека. Это было одно из любимых мест Толстого, где он отдыхал и отдавался работе мысли и чувства, отделенный лесными зарослями от всякой суеты своей усадьбы.

С задней стороны яснополянского дома, прямо за небольшим двором, очень недалеко, разрослась роща из вековых дубов с красивыми полянами среди великанов деревьев. У этой рощи имеется свое особое название «Чепыж». С нею тоже очень многое связано в жизни и творчестве Толстого, как вообще почти со всем в природе Ясной Поляны. Могучие деревья «Чепыжа» не раз проходили в его воображении и отражались в его творениях. Здесь застигает врасплох его героиню Кити страшная гроза, описанная в «Анне Карениной». Приближается гроза, а Кити все не возвращается из рощи, куда ушла с маленьким сыном:

«Левин схватил плоды и побежал в Колок.

Ветер упорно как бы настаивал на своем, останавливая Левина, и, обрывая листья и цветы с лип и безобразно и странно оголяя белые сучья берез, нагибал все в одну сторону: акации, цветы, лопухи, траву и макушки деревьев.

Нагибая вперед голову и борясь с ветром, который вырывал у него платки, Левин уже подбегал к Колку и уже видел что-то белеющееся за дубами, как вдруг все вспыхнуло, загорелась вся земля и как будто над головой треснул свод небес. Открыв ослепленные глаза, Левин сквозь густую завесу дождя, отделившую его теперь от Колка, с ужасом увидел прежде всего странно изменившую свое положение зеленую макушку знакомого ему дуба в середине леса. «Неужели разбило»,—едва успел подумать Левин, как, все убыстряя и убыстряя движение, макушка дуба скрылась за другими деревьями

и он услышал треск упавшего на другие деревья большого дерева.

Добежав до того места, где они бывали обыкновенно, он не нашел их.

Они были на другом конце леса, под старую липой, и звали его. Две фигуры в темных платьях (они были в светлых), нагнувшись, стояли над чем-то. Это были Кити и няня. Дождь уже переставал и начинало светлеть, когда Левин подбежал к ним. У няни низ платья был сух, но на Кити платье промокло насквозь. И всю облепило ее. Хотя дождя уже не было, они все еще стояли в том же положении, в которое они стали, когда разразилась гроза: обе стояли, нагнувшись над тележкой с зеленым зонтиком.

— Живы, целы. Слава богу,—проговорил он*.

По словам Софьи Андреевны Толстой, она пережидала грозу под дубом, который написан художником Похитоновым на этюде, висящем в гостиной дома-музея.

Так тесно семейная хроника сливалась с художественным творчеством у Толстого.

За «Чепыжом», налево, располагается насаженная С. А. Толстой описанная хвойная роща, а дальше идут березовые посадки. Часть их насажена Толстым.

Слева к усадьбе примыкает старый лес, носящий название «Заказа». На краю этого старого «Заказа» по дороге, которая спускается дальше к речке Воронке, в полуверсте от усадьбы, среди старых деревьев находится могила Толстого.

В правом углу «Чепыжа», если идти от усадьбы, там, где эта роща с двух сторон опоясывается яблонным садом, есть расчищенная от больших деревьев зарастающая площадка. Огромные вековые дубы и вязы обступили ее, а молодая поросль все выше и шире разрастается у их корней. За опушкой рощи, в просвете зелени, среди темных стволов деревьев обозначаются округлые кроны яблонь. Над ними вдали виднеется зеленая крыша яснополянского дома. Яблонный сад примыкает к роще

* Стр. 474, 475, 476. По поводу этой сцены С. А. Толстая дает следующую автобиографическую справку. (Из неопубликованных записок С. А. Толстой.)

«Началась привычная, счастливая летняя жизнь все с теми же купаньями, катаньями, варкой варенья, детьми, и всем, что Лев Николаевич описал в своем романе «Анна Каренина» с некоторыми вариантами. Так напр.: гроза, заставшая Кити с ребенком в лесу, была такой же грозой, заставшей меня с Сережей в ближайшем нашем лесу, «Чепыже»; и испуг Левина был испугом Льва Николаевича».

Скамья в елочках, на которой любил отдыхать Лев Николаевич.

и с другой стороны, раскинувшись на далеком пространстве по склону равнины, уходящей к реке Воронке.

Эта площадка на самом краю рощи мало заметна и полна тишины и уединения, хотя и находится невдалеке от дома. Трудно догадаться теперь, что здесь когда-то был кабинет для литературных занятий Толстого, что место это историческое. Вот что можно найти об этом в записках Софьи Андреевны, относящихся к концу 70-х годов:

«...ранней весной и в начале лета, в мае и июне нас посещало столько различных гостей, что Лев Николаевич иногда приходил в отчаяние от невозможности заниматься».

«Наконец, измученный гостями да и всей своей многочисленной семьей, Лев Николаевич велел построить себе в ближайшем дубовом лесу «Чепыже» небольшую избушку на столбах с лестницей, в которой проводил время, привычное ему для писания».

Запись эту Софья Андреевна относит к 1878 году, когда в Ясную Поляну приезжал Тургенев. Скромная, впоследствии уничтоженная избушка была свидетельницей идейных расхождений и споров двух литературных гигантов отошедшей эпохи.

«С Тургеневым,—продолжает Софья Андреевна,—Лев Николаевич много философствовал и спорил. Помню я, как наступило уже время обеда, нет ни Тургенева, ни Льва Николаевича. Я догадалась пойти их поискать в лесу, «Чепыже», в новой избушке Льва Николаевича. Действительно, стоит там мощная фигура Ивана Сергеевича, который, жестикулируя, весь красный что-то оспаривает, а Лев Ник., тоже разгоряченный, ему что-то доказывает».

VI. ИМЕНИЕ.

Ясная Поляна перешла в личное владение Толстого в 1847 г. по разделу его с братьями. По этому акту в ней было около 850 десятин и 233 души крепостных мужского пола. Толстому было 19 лет, когда он начал здесь самостоятельное хозяйство. Первые хозяйственные опыты его, мечты и планы прекрасно изображены в «Утре помещика».

Но потом он служил юнкером на Кавказе, воевал в Севастополе и возвратился к хозяйству снова лишь в 1856 г. С этого времени не было года, чтобы он не проводил в Ясной Поляне, хотя бы летнюю пору. После женитьбы в 1862 г. он в течение 20 лет под ряд очень редко и

всегда ненадолго покидал Ясную. С осени 1881 г., тоже в течение 20 лет под ряд, до 1901 г. Толстой зиму обычно проводил с семьей в Москве, но и в этот период большую часть года жил в Ясной Поляне. Зиму 1901—1902 гг. вследствие болезни Толстой прожил в Крыму в Гаспре. Последние 8 лет жизни он очень редко или почти не выезжал никуда из Ясной Поляны, из старой дедовской усадьбы, где он родился.

Почти за 20 лет до смерти, в 1892 г., Толстой, отказавшись от собственности, передал свое имение семье, и тогда по раздельному акту Ясная Поляна была разделена надвое. Вся усадьба с домом досталась младшему сыну Толстого Ивану, а другая часть с флигелем—Софье Андреевне Толстой. Но маленький Иван в 1895 г. умер. Тогда наследниками усадьбы с домом явились его 5 братьев, которым она и принадлежала до самой революции, находясь в пожизненном владении Софьи Андреевны.

Что касается самого имения Ясной Поляны, то его судьба отлична от усадьбы: как известно, Толстой распорядился по завещанию, чтобы наследница его авторских прав, дочь Александра Львовна Толстая, выкупила у его жены и сыновей землю яснополянского имения и передала ее крестьянам деревень Ясной Поляны, Груманта и Грецовки. На деньги, полученные от продажи издания трех томов посмертных произведений, Александра Львовна Толстая выкупила около 650 десятин земли и передала их крестьянам. После этого во владении Софьи Андреевны Толстой до революции оставалось около 200 десятин. Теперь в заповедном имении Ясная Поляна вместе с парком, с садом, лугами, лесами и распахной землей всего 211 десятин (см. часть вторую).

Имение Ясная Поляна расположено в очень пересеченной местности среди холмов, полей и лесов, примыкающих к берегам речки Воронки и двух впадающих в нее ручьев—Кочака и Ясенки. По долине Воронки, прямо за «Заказом» располагаются полузаливные луга, или т. н. «Заклы», луга, описанные в сцене покоса с участием Левина-Толстого в романе «Анна Каренина», напоминают «Заклы».

В течение всей своей долгой жизни Толстой вел напряженную огромную умственную работу, которая време-

нами доводила его до истощения. Так, закончив четырехлетний труд над романом «Война и мир», Толстой, несмотря на прекрасные условия жизни и на здоровый организм, в цветущем возрасте заболел туберкулезом. Несмотря на такой подвижнический труд, его моральное чувство постоянно требовало оправдания перед собою своей «праздности», как называл Толстой свой образ жизни. Под таким настроением в конце 70-х годов он ухватился за физический труд, как за оправдание жизни. В 80-х годах у него созрел взгляд на физический труд, как на нравственную обязанность, и Толстой многие годы, пока ему позволяли силы, производил разные полевые работы в пользу бедных дворов яснополянской деревни, иногда увлекая за собой и членов своей семьи.

Вот как рассказывает об этом И. Л. Толстой в книге «Мои воспоминания»:

«Наша артель состояла из двух крестьян, высокого Василия Михеева, длинноносого коротышка Осипа Макарова, моего отца, Ф. и меня. Мы взялись косить молодой сад, за аллеями и прудище на Воронке. Я косил в пользу той же Жаровой, а отец и Ф.—для кого-то еще. Погода в это лето была жаркая, покос спешный, потому что скоро стала подоспевать рожь и подгоняла рабочая пора, и полевая трава, выгоревшая на солнце, была сухая и жесткая, как проволока. Только очень рано утром, с росой она легче шла на косу, и надо было вставать с зарей, чтобы успевать выкосить намеченный накануне урок. Впереди всех шел лучший наш косец Василий, потом Осип, папа, Ф. и я. Отец косил хорошо, не отставал от других, хотя потел сильно и, видимо, уставал. Глядя на меня, он почему-то находил, что я кошу, как столяр. Что-то напоминающее столяра он видел в изгибе моей поясницы и во взмахе косы. Днем мы сушили траву и собирали ее в копны, а по вечерней росе опять выходили с косами и работали до ночи».

«Это лето, о котором я рассказываю, было исключительное тем, что увлечение работой захватило всех жителей яснополянской усадьбы. Даже мама выходила на покос в сарафане с граблями»... *.

VII. УСАДЬБА И ДОМ.

История построек яснополянской усадьбы, это—семейная хроника предков Толстого и его собственной семьи. Начал строить усадьбу, как уже вскользь сказано раньше, дед Льва Николаевича Толстого, князь Николай Сергеевич Волконский. Как екатерининский генерал-

* Стр. 181—182.

аншеф в отставке, он строил все соответственно не только своим потребностям, но, главным образом, нравам и вкусам эпохи. Постройки велись не спеша по продуманному плану. Так были выстроены два основательных каменных двухэтажных флигеля с хорошими подвалами под ними, своеобразной, хотя и не выдержанной архитектуры с оттенком итальянского стиля, который отчетливо выступает в больших средних итальянских окнах второго этажа. Флигели эти по плану были симметрично расположены по обе стороны от будущего большого главного барского дома. До постройки его жизнь семьи шла во флигелях, в которых было по десяти комнат в каждом. В общем 20 комнат давали возможность разместиться. Можно было не спешить с постройкой главного дома и вести ее как следует. Поодаль от барского дома, внизу усадьбы, в стороне от «Пришпекта» выстроено очень большое и стильное здание с центральным фасадом и с крыльями, в котором помещалась многочисленная дворня князя и тут же должны были быть ковровые и ткацкие фабрики. Как раз это здание хорошо видно из окон вагона, когда поезд проходит между станциями Ясной Поляной и Щекино (см. гл. «В поезде мимо Ясной Поляны»). Оно красиво стоит на полусклоне, и люди, незнающие, считают его главным домом усадьбы, где жил Толстой. В творениях Толстого оно описано в повести «Поликушка» в виде помещения дворовых, где жил герой повести с женой и детьми. Впоследствии часть здания была обращена в скотный двор. Теперь, как сказано выше, оно реставрировано в первоначальном виде и обращено снова в жилую постройку, где помещаются квартиры хранителя музея, служащих и рабочих.

Наконец, екатерининский генерал-аншеф начал строить на большой просторной площадке между флигелями монументальный барский дом. Но он успел сложить только каменный нижний этаж, когда умер, и дом оставил недостроенным. Новый владелец Ясной Поляны граф Николай Ильич Толстой, муж Марии Николаевны, рожденной Волконской, оказался человеком совсем другой складки. Это был человек живой жизни сегодняшнего дня, но в то же время требовательный к ней. Флигели его не удовлетворяли, семья у него быстро росла, и он

Наскоро построил над первым каменным этажом ещё целых два новых этажа, но уже из дерева, а не из кирпича. Дом получился очень большой и очень удобный, из 36 просторных и светлых комнат, в котором жила большая семья Николая Ильича. Следующее место из «Войны и Мира» в общем напоминает подлинную страничку из Толстовской семейной хроники.

«Усадьба Лысых Гор была вновь построена, но уже не на ту ногу, на которой она была при покойном князе.

Постройки, начатые во времена нужды, были более чем просты. Огромный дом, на старом каменном фундаменте, был деревянный, оштукатуренный только снутри. Большой поместительный дом, с некрашеным дощатым полом, был меблирован самыми простыми жесткими диванами и креслами, столами и стульями из своих берез и работы своих столяров. Дом был поместителен, с комнатами для дворни и отделениями для приезжих» *.

В верхнем этаже этого дома находилась комната, в которой 28 августа (10 сентября) 1828 года родился Толстой. В этом доме он вырос и жил в юности. Сам Толстой отнесся к этому дому еще легче, чем его отец. Служа юнкером на Кавказе и срочно нуждаясь в деньгах, он поручил своему родственнику, заведывавшему делами, продать этот большой деревянный дом на снос. И главный барский дом был продан одному из соседних владельцев, Горохову, который разобрал его и перевез в свое имение в селе Долгом, Крапивенского уезда, всего верстах в 20 от Ясной Поляны. Там этот дом был восстановлен, и там, в Долгом, были сделаны впоследствии снимки комнаты, в которой родился Толстой. Дом этот был разрушен незадолго до мировой войны. Вот как эту историю главного дома яснополянской усадьбы рассказывает И. Л. Толстой в книге «Мои воспоминания»:

«Истории продажи старого дома я точно не знаю и до сих пор. Отец говорил об этом неохотно, и потому я никогда не решался подробно спросить у него, как это случилось. Я знаю только, что дом продал один из родственников отца, управлявший его делами по доверенности, в то время, когда отец был на Кавказе, за 5.000 рублей ассигнациями. Говорили, что это было сделано для покрытия его карточных проигрышей. Все это верно. Отец сам рассказывал мне, что одно время он сильно играл в карты, помногу проигрывал и что его имущественные дела бывали очень запутанными».

* Том IV. Эпизод, ч. I, гл. 8, стр. 321.

Общий вид усадьбы. На первом плане так наз. дом Волконского, за ним флигель, главный дом правее, среди деревьев парка.

Там, где дом стоял, теперь растут старые 70-летние деревья, посаженные самим Толстым. Неровности почвы свидетельствуют о когда-то бывшем здесь фундаменте.

«Когда кто-нибудь спрашивал отца,—пишет И. Л. Толстой,—где он родился, он показывал на высокую лиственницу, растущую на месте старого фундамента:

— Вон там, где теперь макушка этой лиственницы, была маменькина комната, там я и родился на кожаном диване,—говорил он.

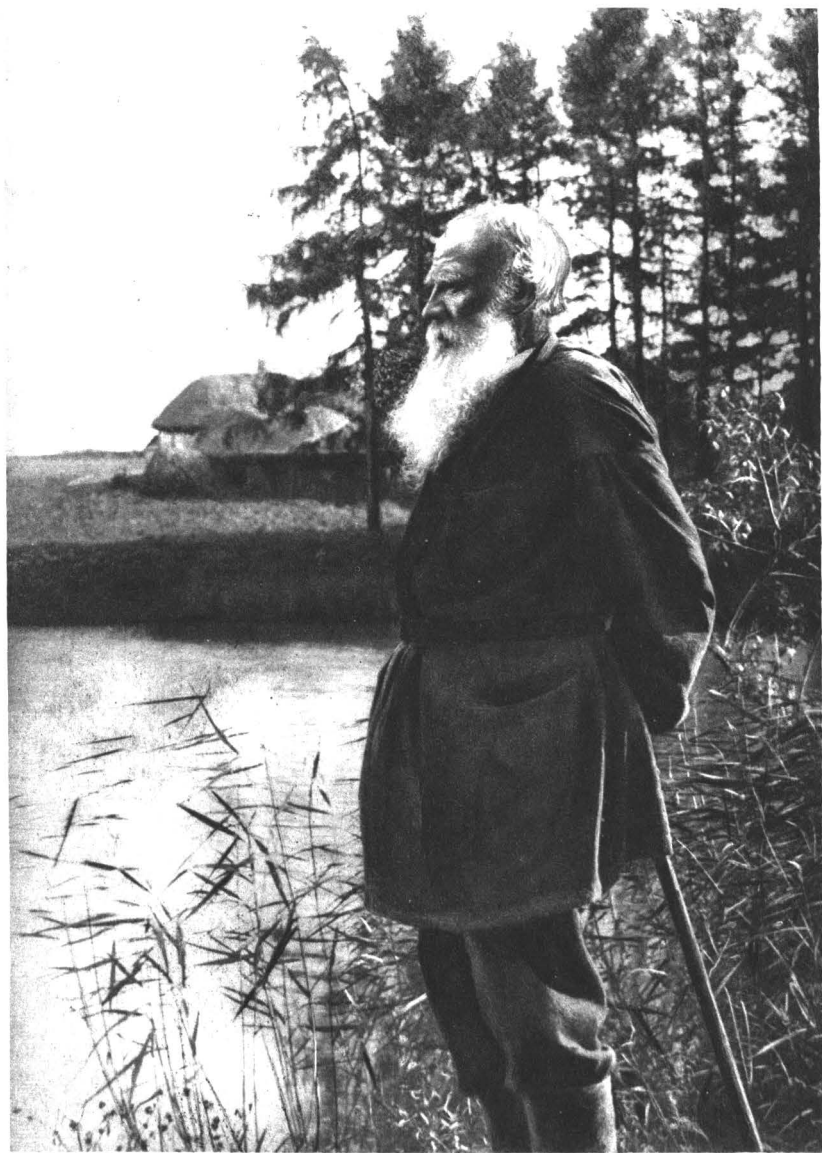
И бывало странно, закинув голову, смотреть на тоненькую макушку дерева и представлять себе, что там когда-то была комната, и стоял тот самый кожаный диван орехового дерева, на котором родились и мы, старшие дети, и который стоит теперь в кабинете папá».

После продажи большого дома Толстой поселился и прожил всю свою последующую жизнь в левом флигеле. Флигель этот был тождественен с тем, что находился вправо от дома и сохранился в своем первоначальном виде без всяких пристроек и надстроек. В 1862 году Толстой женился. Затем рождались почти ежегодно дети, семья быстро росла, и Толстой стал пристраивать к своему флигелю новые комнаты. Пристройки эти шли в разное время, по мере роста семьи и ее потребностей. Сначала была сделана с левой стороны по фронтому пристройка в две комнаты с террасой вместо второго этажа. Из неопубликованных записок С. А. Толстой видно, что эта пристройка была сделана в 1866 году. Для нее же был снесен упраздненный тогда кабак с того места, где теперь новая школа. Построена пристройка была плохо, своими плотниками, так как Толстой, по словам Софьи Андреевны, любил «робинзонничать».

В этой пристройке был одно время кабинет, где была написана сцена охоты из «Войны и мира».

«Когда Лев Николаевич написал сцену охоты Ростовых,—рассказывает Софья Андреевна,—и я зачем-то пришла к нему вниз, в его кабинет, устроенный им в новой пристройке внизу, то он весь сиял счастьем. Видно было, что он вполне был доволен своей работой, хотя это бывало редко. Но работа утомляла его. Иногда нервы его так ослабевали, что, читая мне некоторые места вслух, он не мог продолжать и плакал».

Потом в 1871 г. выросла пристройка с правой стороны: зал в верхнем этаже и под ним нижний кабинет с передней. С правой же стороны была построена большая деревянная летняя терраса. В 1889 г. левая одноэтажная

Л. Н. Толстой возле большого пруда в Ясной Поляне.

пристройка была разобрана и вместо нее выстроена пристройка в два этажа.

Таким образом, постепенно создался из флигеля яснополянский дом в его теперешнем виде. История его постройки растянулась приблизительно на 80—100 лет. Средние пять окон по фронтому принадлежат екатерининской эпохе XVIII века. По их стилю выводились и пристройки. Поэтому весь дом выглядит старинным барским домом. И весь он простроен весьма фундаментально из кирпича, кроме левой пристройки из сосновых бревен, обложенных кирпичом. Выкрашен он в белую краску, и среди зелени старых лип, елей и сиреневых кустов выглядит очень спокойно и довольно красиво. Фасад дома обращен на юго-восток. Поэтому все главные комнаты его хорошо освещены окнами с солнечной стороны. Особенно выдается в этом отношении кабинет Толстого в верхнем этаже с огромным итальянским окном, выходящим на открытый балкон. В этом доме и помещается теперь мемориальный музей Толстого, где все сохраняется в том виде, как оно было в момент ухода Толстого из Ясной Поляны осенью 1910 года.

Второй из двух флигелей старого барского дома, как сказано, не перестраивался. В начале 60-х годов, когда Толстой был поглощен опытами педагогической деятельности, он поместил здесь свою школу и редакцию журнала «Ясная Поляна». Здесь он сам вел занятия с крестьянскими ребятами, здесь же собирал он совещания учителей Яснополянской и соседних школ. Здесь зарождались, зрели и формулировались его новые революционные взгляды по всем вопросам обучения и воспитания детей. Позже уже, в 70-х годах, этот флигель был предоставлен семье сестры Софии Андреевны Толстой, известной по книге воспоминаний, недавно умершей Татьяны Андреевны Кузминской. Обычно весь летний период года семья Кузминских занимала это здание, почему оно и получило название дома Кузминских. В настоящее время в этом флигеле организуется новый музей, в котором будет сосредоточено все относящееся к жизни Толстого в Ясной Поляне, не вмещающееся в рамки музея, приуроченного к 1910 г.

Помимо описанных главных построек на яснополян-

ской усадьбе, у дома имеются службы, «людские», сарай, погреб.

Вокруг бывшего скотного двора, или старого помещения дворовых, расположены конюшни, сараи, амбар, и проч. Кучерская изба сгорела в 1921 году и намечена к восстановлению. В левом углу усадьбы, близ дороги на могилу, находится гумно, рига, навес для сена и хлеба и т. п.

VIII. ЭКСКУРСИЯ ПО ДОМУ-МУЗЕЮ.

Если история постройки яснополянской усадьбы характерно отражает семейную хронику предков Толстого и его собственной семьи, то комнаты яснополянского дома, вся их обстановка, их распределение и, так сказать, их история являются, можно сказать, живой биографической хроникой и его литературного творчества, и всех его хозяйственных занятий, его охотничьей страсти, его семейной жизни, его знакомств и его славы.

Подойдя по сиреневой аллее к дому, посетитель, чтобы попасть внутрь, должен обогнуть его с задней стороны. Маленькая скромная дверь вводит его в переднюю с комнаткой для прислуги за перегородкой. Здесь интересен шкаф с охотничьими принадлежностями, которые заставляют вспомнить, что Толстой по природе был страстный охотник.

«Домой мы возвращаемся поздно, часто в темноте,—вспоминает И. Л. Толстой.—Выгорачиваем зайцев и раскладываем их в передней на полу. Мама спускается с лестницы с маленькими детьми и ворчит на то, что мы опять окровавили пол, но папа на нашей стороне, и мы на пол не обращаем внимания. Что нам какие-то пятна, когда мы затравили восемь русаков и одну лисицу. И устали...»

«Еще интереснее были охоты по пороше. Волнения начинались еще с вечера. Стихнет ли погода, перестанет ли за ночь падать снег? Не подымется ли метель? Рано утром мы полуодетые выбежали в зал и всматривались в горизонт. Если линия горизонта очерчена ясно, значит ехать можно; если горизонт сливается с небом, значит в полче заметить, ночные следы заметены. Ждем папа, иногда решаемся послать его будить и, наконец, собираемся и едем. Эта охота особенно интересна тем, что по следу русака видишь всю его ночную жизнь. Видишь его след, когда он с вечера встал и голодный спешил на кормежку. Видишь, как разрывал занесенные снегом зеленя, срывал попутные полынки, садился,

играл и, наконец, наевшись и набегавшись, решительно повернул на дневную лежку. Тут начинаются его хитрости. Он двоит, сметывает, опять двоит или даже троит, опять сметывает и, наконец, убедившись, что он достаточно напутал и скрал след, он выкапывает себе под теплой подветренной межой ямку и ложится. Наехав на след, надо поднять руку с арапником и таинственно протяжно засвистеть. Тогда подъезжают остальные охотники. Папа едет впереди по следу и разбирает его, а мы, затаив дыхание и волнуясь, крадемся сзади. Один раз мы затравили по пороше в один день 12 русаков и 2 лисицы.

Не помню точно, когда папа бросил охоту. Кажется, это было в середине 80-х годов, тогда же, когда он сделался вегетарианцем...

Но и после охотничья страсть в нем не угасала. Когда во время прогулки весной он слышал свист и хорьканье вальдшнепа, он прерывал начатый разговор, подымал голову кверху и, с волнением хватая своего собеседника за руку, говорил: «Слушайте, вальдшнеп, вот он».

Он любил ездить по деревням верхом на моем охотничьем киргизе и часто с ним увязывалась моя борзая собака «Дон», которая привыкла к лошади и всегда за ней ходила.

«Смотрю,—рассказывал он мне,—к лесу скачет русак. Он от меня далеко, так что затравить его немислимо. Захотелось мне посмотреть скачку «Дона», я не вытерпел и показал ему русака. Тот заложился и, представь себе мой ужас, когда он стал его догонять. Я взмолился. «Уйди, ради бога, уйди». Смотрю, «Дон» его уже мотает на угонках. Что мне делать? К счастью тут уже близко опушка. Русак ввалился в кусты и ушел. Но, если бы он поймал его, я был бы в отчаянии» *.

З а л а .

Из передней налево ведет узкая деревянная лестница вверх, на площадке которой развешаны старые портреты предков Толстого работы крепостных мастеров. Отсюда вход прямо в зал яснополянского дома, в котором пребывали у Толстого тысячи известных, мало известных и совсем никому не известных посетителей. Этот зал, описанный во множестве печатных воспоминаний, заставляет опять вспомнить о чувствах, настроениях и мыслях, с которыми сюда входили люди, и как их встречал сам Толстой. Не успевает еще вошедший старый знакомый Толстого или совсем неизвестный ему человек сказать обычных приветствий и слов о здоровье или о погоде, как Толстой уже переводит беседу сразу на какую-нибудь

* И. Л. Толстой. «Мои воспоминания».

волнующую его ум и чувства тему. Вот, например, входят сюда в день 80-летия Толстого представители Московского комитета грамотности принести свои поздравления и приветствия. Среди них глубокий старик проф. Д. Н. Анучин. Толстой встает навстречу, берет его за руку и, подводя к столу, спрашивает, попрежнему ли он профессорствует:

— Вот забыл, какую науку вы преподаете.

— Антропологию.

— О чем же эта наука?

Анучин начинает рассказывать об эволюции человечества. Толстой ласково берет его за плечо, смотрит в глаза...

— Вот вы говорите эволюция? А кто же счастливее? Мы или они, вот эти пещерные люди каменного века?

И сам отвечает:

— Конечно, жилище у них было похуже, чем вот это, — и он обводит рукой свой зал. — Ну и ели они похуже, — показывает он на стол. — Ну и вот этого не было, — любовно смотрит он на огромный букет роз в вазе. — Ну а вот кто же был счастливее по вашей науке?

Анучин отвечает, что вопросом о счастье антропология не может заниматься.

— Она не может, — говорит Толстой. — А нам-то с вами уж пора. Вот вам 70, а мне 80 лет. Мы пожили и мы знаем, что в этом вопросе вся суть.

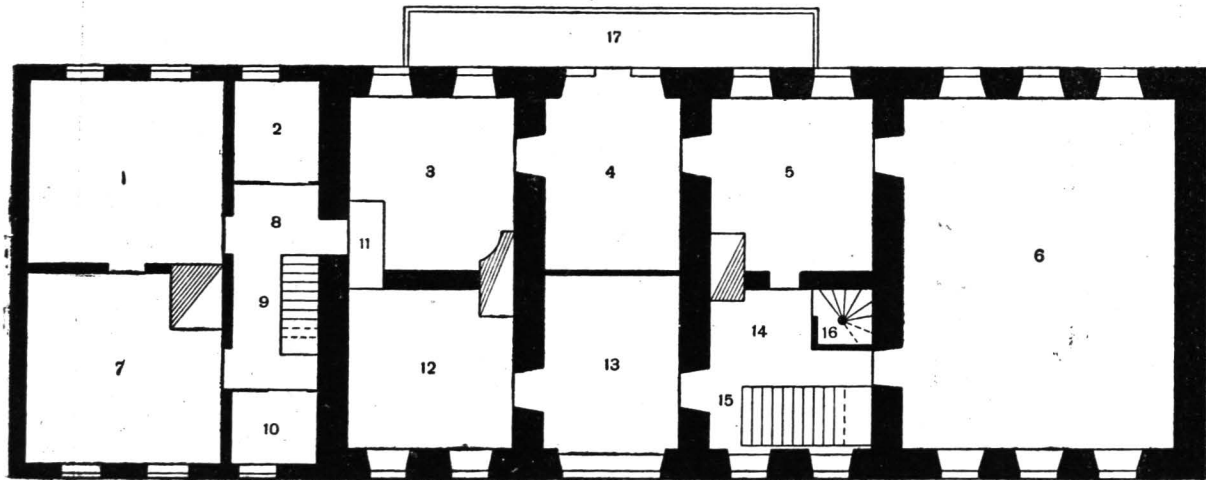
— Пожалуй, — отвечает, слегка смущаясь, Анучин.

И начинается беседа на тему, которая всю жизнь не переставала волновать Толстого. Никогда он не играл, как он любил выражаться, разговорным мячиком. А всегда говорил что-нибудь такое, что оставалось у посетителя в памяти на всю жизнь*.

Зала, эта — просторная и светлая комната с окнами с двух сторон, с высокими потолками, с паркетным полом, в то время как во всем остальном доме полы из сосновых досок, белые, некрашенные. Никаких обоев, никакой мишуры, никаких лепных украшений: гладкие выбеленные стены, но масса света, воздуха, простора; из окон по фасаду прекрасный вид в парк. В этой комнате протекали

* Приведенный рассказ автор слышал от участника депутатии Комитета грамотности Е. А. Звягинцева.

ПЛАН ДОМА.
II ЭТАЖ.

- 1) Спальня Софьи Андреевны. 2) Чулан. 3) Спальня Льва Николаевича. 4) Кабинет. 5) Гостиная.
6) Зала. 7) Комната для приезжих. 8) Площадка. 9) Лестница. 10) Комната для прислуги. 11) Тамбур.
12) Комната секретаря Л. Н. 13) «Канцелярия». 14) Площадка. 15) Лестница. 16) Ход на чердак.
17) Балкон;

часы общения Толстого с семьей и с посетителями. Это была и столовая, и гостиная. Середину комнаты занимает длинный, но тоже простой обеденный стол, за которым и проходили беседы с посетителями, с членами семьи, с друзьями и гостями.

Вот как время протекало здесь в 70-х годах:

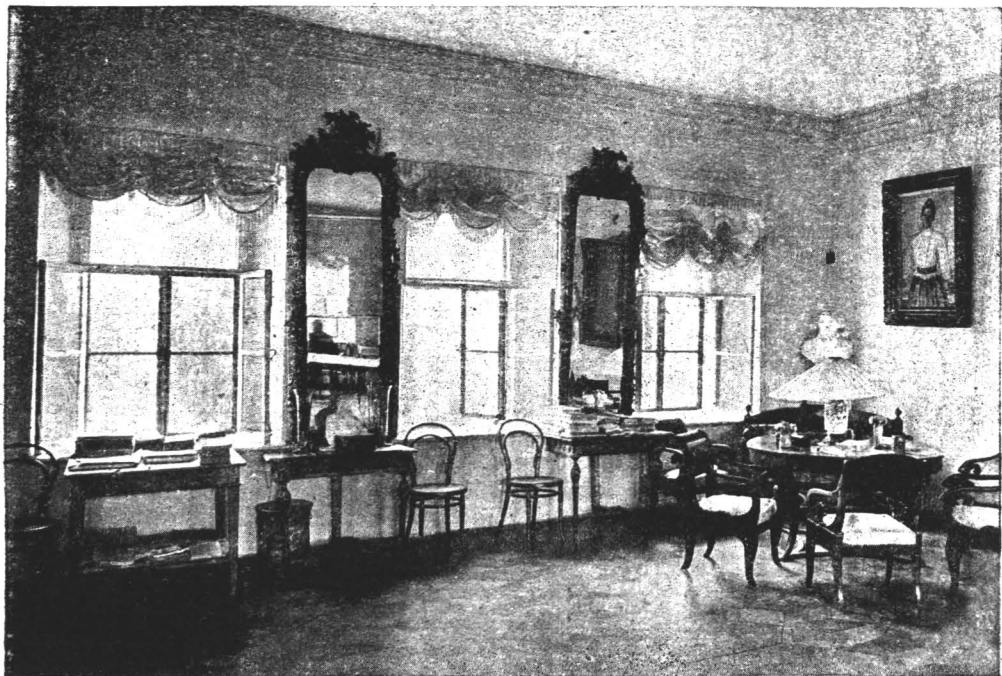
«Утром папа выходит из спальни, которая наверху, в углу дома, в халате и с сваленной в кучу нечесаной бородой, идет вниз одеваться. Потом он выходит из кабинета совсем бодрый, в серой блузе и идет в залу пить кофе. Мы в это время завтракаем. Когда гостей нет, он сидит в зале недолго, берет с собой стакан чаю и идет к себе. А если есть гости или друзья, он начинает разговаривать, увлекается и никак не может уйти. Заткнув одну руку за кожаный пояс, а в другой держа перед собой серебряный подстаканник с полным стаканом чая, он останавливается у дверей и часто подолгу, иногда по полчаса стоит на одном месте, не замечая, что чай его давно остыл, и все говорит, говорит, и почему-то как раз в эту минуту разговор делается особенно интересен и оживлен. И все мы знаем это место на пороге и отлично знаем, что когда папа с чаем в руках решительно идет к двери,—значит он сейчас остановится, чтобы сказать свое заключительное последнее слово и тут-то и начнется самое интересное. Наконец, папа уходит заниматься...

До 3—4 часов в доме полная тишина.

Потом папа выходит из кабинета и отправляется на прогулку, иногда с ружьем и собакой, иногда верхом, а иногда и просто пешком к казенной засеке. В пять звонят в колокол, который висит на сломанном суку старого вяза против дома. Мы бежим мыть руки и собираемся к обеду. Иногда папа запаздывает и его поджидают. Он приходит немножко сконфуженный и извиняется перед мамой, наливает себе неполную серебряную рюмку травника и садится за стол. Он очень голоден и ест жадно все, что попадает под руку. Мамы его останавливает, просит не наедаться одной кашей, потому что будут еще котлеты и зелень,—«у тебя опять печень заболит»,—но он не слушает ее и просит еще и еще, пока не наестся досыта. Потом он рассказывает впечатления своей прогулки, где он поднял выводок тетеревей, какие новые тропинки он разыскивал в засеке за Кудеяровым колодцем, как молодая лошадь, которую он объезжал, стала понимать шенкель и повод. Все это ярко и интересно, и время проходит весело и оживленно»...

«После обеда папа опять уходит к себе читать какую-нибудь книгу; потом в 8 часов подают чай, начинаются самые лучшие вечерние часы, когда все собираются в зале, большие разговаривают, читают вслух, играют на фортепиано, а мы слушаем больших, или затеваем что-нибудь свое веселое и с трепетом ждем, что вот-вот, старинные английские часы на площадке лестницы щелкнут, засипят и звонко и медленно пробьют 10»*.

* (И. Л. Толстой «Мои воспоминания»).

Зала-столовая.

У стены налево рояль. В углу, у окон—другой. Толстой всегда любил музыку и сам играл на рояле. Нередко аккомпанировал Т. А. Кузминской. Вот как рассказывает об этом И. Л. Толстой:

«Тетя Таня была большим другом не только папа и мама, но и всех нас детей. По вечерам, когда все собирались в зале, мы упрашивали ее петь и совершенно искренне считали, что лучше не поет никто в мире. Часто ей аккомпанировал папа. Я как сейчас вижу перед собой его согнутую над клавишами, напряженную от старания спину и стоящую около него красивую, вдохновенную тетю Таню, с высоко поднятыми бровями, горящим взглядом, и я слышу ее чистый немного вибрирующий голос, звонкий и ласковый. Она пела лучшие романсы Глинки и Даргомыжского, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь пропел—«Я помню чудное мгновенье»—или—«Когда в час веселый»—лучше нее».

На этих роялях играли для Толстого все приезжавшие сюда известные музыканты, под аккомпанемент их пели известные певцы и певицы. Толстой ценил музыку, и хорошее, тонкое, художественное исполнение его всегда трогало. Любимейшим его композитором был Моцарт. Он любил и цыганское пение, и народные русские песни. Сцена в пьесе «Живой труп», где хор поет «Не вечерняя» написана знатоком и любителем цыганского, сольного и хорового пения. Какое значение в жизни придавал Толстой музыке и как сам ее переживал, лучше всего можно судить по его «Крейцеровой сонате».

В правом углу залы у окон уютно стоит старинный круглый стол красного дерева, такой же диван и кресла. Посредине стола лампа с большим абажуром. Здесь хорошо сиделось по вечерам; легко представляешь себе, как должна была идти здесь у Толстого тихая, задумчивая беседа.

В простенке между солнечными окнами залы висят большие дедовские старинные зеркала с позолотой, с мраморными подзеркальниками. На левом из них стоит бюст Толстого замечательной, художественной работы скульптора Паоло Трубецкого. Это интереснейший из всех скульптурных портретов Толстого.

Вся эта скромная, но в то же время и удобная и комфортабельная обстановка залы совершенно необыкновенно, музейно освещена портретами—по одной стене предков Толстого, по другой его самого и его семейных. Чтобы

понять жизнь яснополянской усадьбы, проникнуть в семейную хронику Толстого, в настроения его самого в разные периоды жизни, надо присмотреться к этим портретам—лица, глаза, манеры, костюмы, обстановка, все здесь характерно и часто очень контрастно. Вот прямо направо от входной двери портрет инокини княгини Горчаковой, рожденной княжны Мордкиной. Портрет этот написан в 1705 г. с прабабушки Толстого. Этот и другие портреты предков появились в зале, как только она была построена в 1871 г. Вот как рассказывает о развеске портретов И. Л. Толстой:

«В зале по стенам развесили старые портреты дедов. Они были страшные, и я их сначала тоже боялся, но потом мы привыкли к ним, и одного из них, моего прадеда Илью Андреевича Толстого, я даже полюбил, потому что говорили, что я на него похож. У него очень добродушное, толстое лицо. Про него папá рассказывал по преданиям, что он посылал стирать белье за границу. Был страшный хлебосол, веселый и щедрый, и на своем веку прожил огромное состояние своей жень».

На той же стене висит портрет князя Николая Сергеевича Волконского—строителя яснополянской усадьбы. Он изображен с черными густыми бровями, в седом парике и в красном кафтане.

«Он был образцовый хозяин, умный и гордый и пользовался громадным почетом среди всей округи»*.

В середине портрет князя Николая Ивановича Горчакова, прадеда Толстого, или отца его бабушки графини Пелагеи Николаевны Толстой, жены Ильи Андреевича Толстого. Портрет изображает слепого старика. У него под рукой лежат носовые платки, чтобы вытирать слезящиеся глаза.

«Рассказывали про него, что он был очень богат и очень скуп. Он любил считать деньги и целыми днями пересчитывал свои ассигнации. А когда ослеп, он заставлял своего приближенного, которому одному только доверял, приносить к нему заветную шкапулку красного дерева, отпирал ее своим ключом и на ощупь снова и снова пересчитывал старые, мятые бумажки. А в это время доверенный его незаметно выкрадывал деньги и на их место клал газетную бумагу»**.

Инокиня Горчакова—мать этого слепого старика.

Наконец, портрет княгини Екатерины Дмитриевны

* И. Л. Толстой «Мои воспоминания».

** И. Л. Толстой «Мои воспоминания».

Волконской—жены строителя усадьбы Н. С. Волконского, бабки Толстого, рожденной княжны Трубецкой.

На противоположной стене висят портреты Толстого—работы художника Крамского 1873 г. и работы Репина—1887 г. Рядом с ними идут портреты Софьи Андреевны Толстой—работы Серова, Татьяны Львовны Толстой—работы Репина и Марии Львовны Толстой—работы Н. Н. Ге. Когда рассматриваешь все эти портреты и невольно сравниваешь галерею одной стены с другой, то поражаешься контрастами характеров и бытовой обстановки.

Портреты предков приобретают особенно большой интерес, когда вспоминаешь, что эти лица служили моделями в художественном творчестве Толстого. Остро чувствуется, как прошлое яснополянской усадьбы, ее хроника волновала Толстого и служила источником творческих вдохновений этого художника-реалиста и в то же время глубокого романтика, всегда описывавшего, по его признанию, не то, что было, а только то, что «должно было быть»... Когда остаешься один в зале, то кажется, что с этих стен, из этих рам смотрят на тебя и глаза самого Толстого.

Г о с т и н а я .

Из залы дверь ведет в гостиную, солнечную небольшую комнату, поражающую скромностью своей старенькой мебели, но в то же время по существу тоже очень комфортабельную, так здесь все спокойно и удобно—диван, идущий под углом по двум стенам, кресло, шкафчики, стол красного дерева и маленький письменный столик, за которым Софья Андреевна обычно переписывала Толстовские рукописи. Стены тоже белые, без всяких обоев, но очень приятно убранные и украшенные семейными фотографиями, акварелями и пейзажами Ясной Поляны. Тут портрет прадеда Толстого, Сергея Федоровича Волконского, отца князя Николая Сергеевича, строителя усадьбы; овалы портреты теток Толстого—Александры Ильинишны и Пелагеи Ильинишны, из которых последняя была его опекуней после смерти отца. Старинные портреты пастелью других родственников и между ними один портрет князя Николая Сергеевича

Волконского в молодости; портрет княгини Голицыной, рожденной Апраксиной. Наконец, портрет работы художника Н. Н. Ге, который написал Софью Андреевну Толстую с двухлетней младшей дочерью на руках.

Над письменным столиком Софьи Андреевны Толстой висят фотографии ее детей, родных и друзей. В этой же комнате у зеркала, под стеклом, стоит несколько небольших статуэток Толстого работы Гинзбурга и других скульпторов. На стене висят пейзажи художника Похитонова—«Зеленая палочка»—место на краю Старого Заказа, выбранное Толстым для могилы, и «Дубы в Чепыже».

Очень характерна здесь антимилитаристическая небольшая картина, подаренная Толстому в день его 80-летия кем-то из почитателей его в Англии.

С гостиной больше связана жизнь Софьи Андреевны.

К а б и н е т.

Из гостиной дверь вводит в кабинет—старинную комнату с огромным итальянским окном, выходящим на открытый балкон в парк на южную солнечную сторону дома. Вид отсюда и зимой, и летом полон тишины и очарования природы средней полосы. Большие липы, впереди старая ель, а вдаль крестьянские усадьбы Ясной Поляны. В этой радостной, освещенной и спокойной на вид комнате все вещи—свидетели трагедии Толстого, свидетели последней работы мысли в Ясной Поляне. Тут находятся все рукописи и книги, оставленные им в момент ухода из нее.

Вся стена против входной двери занята большим кожаным диваном орехового дерева. Диван этот свидетель рождения Толстого, и на нем же рождены и его старшие дети. На этом диване Толстой в последние годы отдыхал, когда чувствовал слабость или ему нездоровилось.

Посередине, боком к стене, стоит старый письменный стол из березового дерева, со стареньким, протертым зеленым сукном. Это самый интимный, единственный, но безмолвный свидетель того, как создавались творения Толстого, известные теперь всему миру. Письменные принадлежности—старинные, тоже очень простые. Перед самым столом стоит очень низенькое детское кресло.

стой был близорук, и, чтобы не гнуться, любил сидеть низко над столом, так как никогда не носил очков. Но эта природная близорукость была не сильно выражена, и его глаза до последнего времени были крепки, так что он читал самую мелкую печать при свете одной свечи. За этим столом Толстой проводил все утренние часы своей работы. За ним были написаны все его большие романы, в том числе «Война и мир» и «Анна Каренина». Сюда после утреннего кофе он уходил из залы в свой кабинет заниматься до 2—3 часов дня, и в доме наступала полная тишина.

У стены, где входная дверь, стоит старинный круглый стол и около него удобное кресло. За этим столиком Толстой изображен на портрете художника Моравова. Он сидит так, что его руки едва касаются стола, и что-то пишет. Так он работал по вечерам, когда писал статьи и письма. На этом столике после его ухода остался раскрытый том Достоевского—«Братья Карамазовы».

Сбоку письменного стола помещается вращающаяся этажерка, которую Толстой занимал книгами, необходимыми для работы в данный момент. На ней Толстой оставил, тоже раскрытый, томик Мопассана в подлиннике на французском языке.

Над письменным столом, почти во всю стену идет висячая простая некрашенная деревянная полка. На ней размещены вверху энциклопедический словарь «Брокгауза и Эфрона», «На каждый день». Толстой постоянно пользовался ими в своей работе. Нижняя часть этой полки занята сочинениями древних мудрецов, известных философов и мыслителей, которые представляли материал для составлявшихся им в последние годы сборников: «Мысли мудрых людей», «Круга чтения» и «Путь жизни». Тут имеется и Коран, и Евангелие, и книги Будды и Конфуция, и Лао-Тзе, и Платон, и дневник Амиэля, цитаты откуда, как известно, входят в большом числе в названные выше последние работы Толстого. Прямо за дверью тоже висят книжные полки с брошюрами и книжками самого Толстого в русском и заграничных изданиях. Эти книжки предназначались для раздачи посетителям и собеседникам, когда Толстой хотел закрепить разговор в их памяти.

Стены в кабинете Толстого, как и вообще в его доме, не имеют ни обоев и никаких украшений и лепных карнизов. Они украшены только гравюрами, портретами, фотографиями и снимками с картин.

Над столом висят прекрасные старые гравюры Сикстинской Мадонны Рафаэля и окружающих ее фигур из Сикстинской капеллы. Это подарок его тетки и друга Александры Андреевны Толстой, с которой он в течение всей жизни вел переписку, главным образом, на религиозные темы.

На другой стене в небольших рамках расположен целый ряд снимков с картин из крестьянской жизни художника Орлова, изображающих сцены мужицкой нужды и страданий. К выпуску этих картин в издательстве «Посредник» Толстой написал свой текст.

В кабинете, где Толстой ежедневно проводил в уединении долгие часы своей работы, особенно интересно собрание портретов. Здесь висит большой портрет Диккенса. Толстой очень любил этого английского писателя, считал, что его следует читать и детям, и взрослым, так как на ряду с захватывающим интересом и большой художественностью писания Диккенса очень высоки в нравственном отношении. Тут же висит портрет мало известного философа Спира, небольшой томик которого— «Очерки нравственной философии»—был издан «Посредником» в переводе под редакцией Толстого*.

Дальше идет портрет Эрнеста Кросби, американского поэта, единомышленника и друга Толстого, который приезжал к нему в Ясную Поляну и много писал о Толстом в американской прессе. В течение многих лет Кросби являлся в Америке вождем нового религиозно-общественного движения в духе Толстого. Умер он незадолго до мировой войны.

Около окна висит большой портрет известного американского гуманиста Ллойда Гаррисона, который вел страстную проповедь в пользу освобождения негров и на полстолетия раньше Толстого проповедывал в Сев. Америке

* Спир—военно-морской врач, бросил службу, переселился в Германию, стал изучать философию и написал многотомный труд с изложением идеалистической философии.

идеи «непротівлєнія злу насилієм» и основал там общество «непротівленцев».

Наконец, любопытен здесь портрет русского философа, крестьянина-самородка Василия Кирилловича Сютаева. Будучи совсем неграмотным, Сютаев дошел собственным умом до разрешения всех важнейших общественных проблем в духе высшей христианской истины и страстно, и мужественно проповедывал свое учение, очень близкое учению Толстого. Между ними установилось тесное общение. Толстой говорил, что Сютаев имел на него большое влияние, как русский мужик-самородок.

Помимо этих портретов единомышленников, свидетелей трагедии совести Толстого, в кабинете много фотографий его семейных и друзей молодости и старости. Тут висят портреты литераторов, сотрудников журнала «Современника» того времени, когда Толстой впервые начал печатать свои художественные произведения. Среди них поэт Фет в молодые годы, в военном мундире, Некрасов и Тургенев, Боткин, Ковалевский и др.

На стене и на полочке целое собрание фотографий детей и портретов-миниатюр, очень хорошей работы, предков и родных Толстого.

Среди портретов на стене, против дивана, очень интересен миниатюрный акварельный портрет отца—Николая Ильича Толстого. Тут же висят портреты тетушки Юшковой, ее мужа, казанского ген.-губернатора Юшкова, и большой портрет одного из любимых братьев, Сергея Николаевича Толстого, который всю жизнь прожил очень замкнуто в своем имении Пирогово в 35 верстах от Ясной Поляны и умер в 1904 г.

На особом кронштейне стоит небольшой бюст любимого старшего брата Николая Николаевича. Толстой всегда очень трогательно вспоминал о нем, об этом человеке, который известен теперь всему миру, по биографии Толстого, своими рассказами во время детских игр о «муравейных братьях» и о «зеленой палочке».

Над бюстом брата обращает внимание портрет американского аграрного социалиста Генри Джорджа. Его идея о едином земельном налоге, который должен привести к переходу земли в руки тех, кто ее обрабатывает, казалась Толстому единственно правильным разрешением

земельного вопроса и у нас в России, и во всех других странах, и Толстой долго не только разделял ее, но и сам усиленно проповедывал.

Из европейских философов нового времени Толстой любил Шопенгауэра. Его портрет висит у него в кабинете рядом с бюстом брата Николая Николаевича, а с другой стороны от него—портрет критика и философа Н. Н. Страхова, который был всегда близок Толстому, подбирая литературу для его работ.

На письменном столе стоит зеленая стеклянная глыба, представляющая пресс-папье, подаренное Толстому рабочими Мальцевского завода по случаю отлучения его от церкви. На глыбе написано: «Глубокоочтимый Лев Николаевич! Вы разделили участь многих русских людей, идущих впереди своего века. И прежде их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылках. Пусть отлучают вас, как хотят и от чего хотят, фарисеи и первосвященники, русские люди будут считать вас своим, дорогим, любимым». Как известно, отлучение от церкви, совершенное Синодом в 1901 г., вызвало целый поток приветствий и выражения сочувствия и подарков. Между прочим, одна верующая старушка явилась тогда к Толстому с просвиркой о его здравии и поднесла ее со словами: «Скушайте ее, Лев Николаевич, во славу божию, на доброе здоровье». По тому же поводу предприимчивый немецкий фабрикант, желая использовать сенсацию, просил у Толстого разрешения поставить свое имя на сигарах его фабрики.

На письменном столе стоят обожженные свечи. Они обгорели не ровно, так как Толстой, работая, зажигал только одну свечу.

После ухода Толстого в кабинете осталось больше сотни книг, бывших в его пользовании в последние дни жизни в Ясной Поляне. Их перечень, приведенный у нас в приложении, охватывает очень широкий круг вопросов, интересовавших Толстого в это время. Тут и вопросы христианской морали, и русские пословицы, и письма декабристов, и физическая геометрия, и Достоевский, и Мопассан, и «Бытовое явление» В. Г. Короленко, и «Анархия», «Завоевание хлеба», и «Речи бунтовщика» П. А. Крапоткина, и Будда, и другие мудрецы древности и современные

искатели истины, и воспоминания политических ссыльных, и письма военного судьи, и «Доктрина марксизма», и «Благочестивые мысли и наставления» О-ва распространения полезных книг, и статьи из «Русских Ведомостей» о духоборах, и «Бедные люди» Гюго, и экономические очерки Борового, и очередные проблемы Каутского, и карманный атлас, и еще очень многое другое. Эти оставленные Толстым в кабинете при уходе книги—свидетели необычайного разнообразия интересов, которыми жили мысль и совесть Толстого до последних дней.

Наконец, тут же в кабинете стоит фонограф, подаренный Толстому самим изобретателем Эдиссоном. Толстой одно время пользовался им для диктовки писем.

Описанная комната представляет кабинет Толстого в последние 10 лет его жизни после болезни по приезде из Крыма. Но Толстой не всегда работал в этой комнате.

В 1870 годах, когда была выстроена зала, Толстой внизу под залой устроил себе кабинет в угольной комнате. Вот как описывает этот кабинет Илья Львович Толстой:

«В стене он велел сделать полукруглую нишу и в ней поместил мраморный бюст своего любимого брата Николая»... «Кабинет папá был перегороден пополам большими книжными шкафами, в которых много, много разных книг. Чтобы шкафы не падали, они связаны между собою большими деревянными брусками и между ними сделана тонкая березовая дверь, за которой папашин письменный стол и его полукруглое, старинное кресло. Один из этих брусков цел до сих пор. Я и теперь боюсь на него смотреть, потому что я знаю, что папá одно время хотел на нем повеситься...».

На стенах олени рога, привезенные отцом с Кавказа и одна оленья голова, набитая в виде чучела. На эти рога он вешает полотенце и шляпу. Тут же на стене висят портреты Диккенса, Шопенгауэра, Фета в молодости и известная группа писателей из кружка «Современника» 1856 г.».

Из этого описания видно, что хотя помещение кабинета менялось, любимые вещи переезжали—стол, кресло, портреты.

* Доктор Маковицкий в своих неопубликованных записках под датой 28 апреля 1905 года со скорбью удостоверяет, что от этой исторической перекладки при переустройстве комнаты в 1905 г. была оставлена только часть, часть ее была зачем-то спилена. По словам старого служащего Толстых И. В. Сидоркова тогда была сделана существующая легкая перегородка. До этого комната перегородивалась одними книжными шкафами, поставленными по обе стороны поперечных брусков.

Л. Н. Толстой в кабинете яснополянского дома.

Большую часть жизни, с 1862 по 1866 и с 1877 по 1901, кабинет помещался внизу, в комнате «под сводами», которая при постройке предназначалась под кладовую (см. ниже). Одно время, в 1866 года по 1871, кабинетом Толстому служила нижняя угольная комната слева по фронтому в первоначальной одноэтажной пристройке, о которой говорилось раньше.

С п а л ь н я .

Следующая, тоже солнечная комната—спальня Толстого. Она обставлена еще проще и, пожалуй, даже беднее, чем кабинет. Все вещи этой комнаты—свидетели трагедии ухода Толстого из Ясной Поляны. Кроме кровати, умывальника его отца и ведер, которые он сам выносил, тут интересны коробочки с разными самыми простыми средствами против его старческих немощей—в роде толченого угля от изжоги и магнезии.

Интересны вещи, служившие Толстому каждый день в его прогулках—палка-стул, на котором он мог отдыхать при ходьбе, и плетка для прогулок верхом. У кровати на тумбочке футляр с самопишущим пером, с которым он никогда не расставался, и подаренные ему кем-то электрические карандаши.

Тумбочка у кровати раньше принадлежала тетке Толстого, его воспитательнице, Татьяне Александровне Ергольской. На ней круглые часы с подставкой и коробочка, куда Толстой клал на ночь свое самопишущее перо и лекарства.

На стенах—портреты Софьи Андреевны Толстой: один невестой 60-х гг., другой 80-х гг., портрет отца и портреты двух старших дочерей. На полке в углу—переводы и сочинения Толстого на французском языке (17 томов).

На кровати в спальне лежит подушка, вышитая руками сестры Марии Николаевны Толстой, инокини Шамардинского монастыря. На этой подушке вышита любопытная надпись: «От одной из семисот Шамардинских дур». Надпись эта свидетельница, с одной стороны, дружеских, нежных отношений между сестрой и братом, с другой,—разности их религиозных убеждений. Она отражает одну из бесед между ними на религиозную тему.

Спальня Толстого также с белым некрашеным полом,

с белыми стенами и с окнами, выходящими в парк на солнечную сторону.

Комната простая, живая, радостная и какая-то мудрая своей простотой, но все вещи в ней говорят о трагедии ухода, вступлении на смертный путь *.

Комната С. А. Толстой.

Из спальни выход на площадку лестницы, через нее вход в комнату Софьи Андреевны Толстой. Комната тоже большая и светлая, но очень заставленная мебелью. В одном углу кровать, в другом—огромная старинная икона с темным ликом Христа, принадлежавшая бабке Толстого.

Большой комод, зеркало, гостиный круглый стол, диван и несколько гостиных старинных кресел, ширмы. Все стены и у кровати, и над комодом, и над диваном увешаны семейными фотографиями Толстых и Берсов. При этом преобладают фотографии детей и внуков и среди них умершего сына Ванички. Все это окружение многочисленных детских лиц всех возрастов, снятых и отдельно, и группами, и вместе с матерью, говорит о том, что здесь жила мать, потом бабушка и под конец жизни прабабушка.

Угловая комната рядом, имеющая вход тоже с площадки, служила для гостей.

Наверху рядом с кабинетом находится канцелярия, или ремингтонная, или комната секретарей. Рядом с ней комната занята десятью библиотечными шкафами. Это центральное помещение яснополянской библиотеки, очень богатой и разнообразной (см. ниже), в которой больше 21.000 томов, расположенной также в шкафах почти во всех комнатах нижнего этажа. При Толстом в канцелярии стояло два ремингтона, на которых постоянно переписывались его рукописи, здесь же правилась корректуры и велась вся корреспонденция. Здесь работали секретари Толстого Н. Н. Гусев и В. Ф. Булгаков. Толстой приносил сюда написанные за день листки, диктовал ответы на письма или говорил, что нужно ответить, сдавал поправленные и перемаранные корректурные гранки, шедшие в печать и т. д.

* После ухода Толстого доктор Д. П. Маковицкий составил опись всего, что было в спальне. (См. в приложении.)

Спальня.

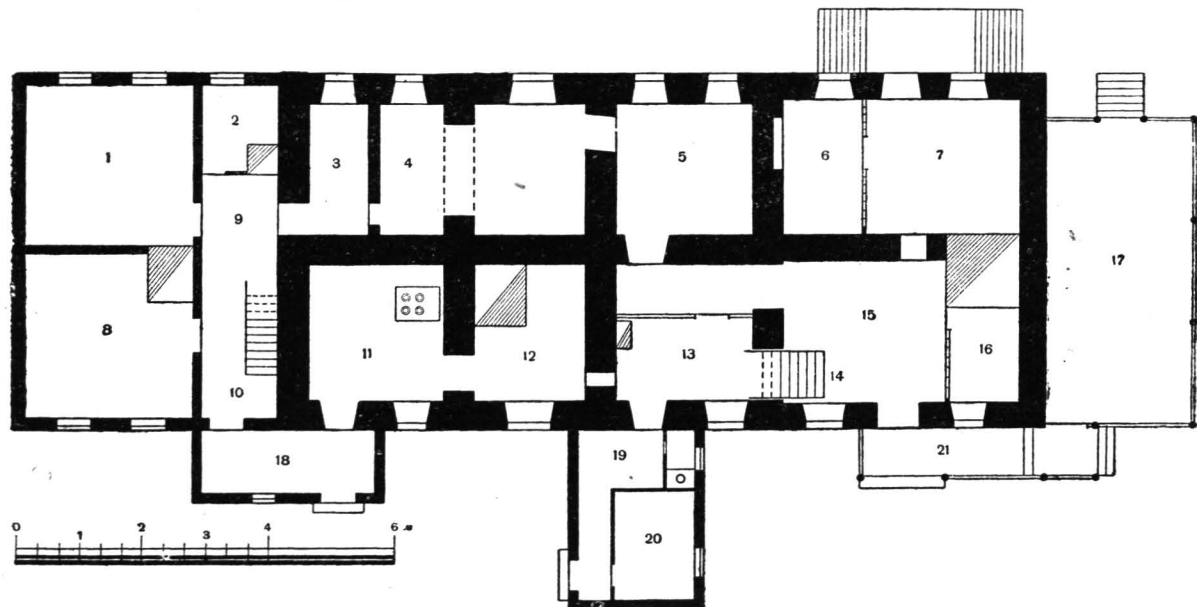
К о м н а т ы н и ж н е г о э т а ж а .

План и расположение комнат в нижнем этаже дома много сложнее и даже запутаннее. Тут при постепенном нарастании пристроек и усложнении быта Толстовской семьи происходили частые изменения и перемещения, и теперь, даже при рассмотрении плана нижнего этажа и при простом перечне названий комнат, выступает уже вся своеобразность быта. Вот этот перечень: комната Александры Львовны Толстой, комната «под сводами», комната доктора, комната для приезжих, или бывший кабинет и библиотека, девичья, кухня, «приспешная», пекарня и ванная, буфет, передняя, комната для прислуги, кладовая. Из всего этого лабиринта помещений с запутанными ходами, лестницами и коридорчиками в биографии Толстого резко выделяются—комната «под сводами» и «комната для приезжающих».

К о м н а т а « п о д с в о д а м и » поражает своим полным уединением, отделенностью. В ней ничего не слышно из того, что делается в доме. Ее своды очень крепки и монументальны. В них вделаны огромные железные кольца. Когда она строилась, более ста лет назад, она предназначалась для кладовой и в старину служила кладовой, где на кольцах развешивались свиные окорока. Тогда пол в ней был из каменных плит. Но в этой комнате два окна, они выходят на юг в парк. Пол в ней был переделан на деревянный некрашенный, как во всем остальном доме, и Толстой почти 30 лет имел здесь свой кабинет. По фотографиям, изображающим этот кабинет, можно подумать, что Толстой замуровал себя в каком-то подвале. В действительности же это солнечное, просторное помещение, огромным достоинством которого была изолированность от жизни всего остального дома. Одно время здесь была детская старших детей, потом опять кабинет Толстого и в последний период перед «уходом» комната Александры Львовны. Эта характерная комната «под сводами» широко известна по открыткам с картины Репина, который написал здесь Толстого со всеми атрибутами проповедывавшегося им физического труда, как нравственной обязанности. Тут и пила, и коса, и лопата, но все-таки у гениального мастера-живописца главным занятием Тол-

П Л А Н Д О М А .

І Э Т А Ж .

- 1) Комната А. Л.: Т. 2) Уборная. 3) Сундучная. 4) Комната со седами. 5) Комната доктора. 6 и 7) Бывший кабинет и библиотека (ком. для приезжих). 8) Девичья. 9 и 10) Лестница и площадка. 11) Кухня. 12) «Приспешная» (лекарня и ванная). 13. Буфет. 14) Лестница. 15) Передняя. 16) Комната для прислуги. 17) Крытая терраса. 18) Сени. 19) Уборная. 20) Кладовая.

стого на картине вышла литература, так как Толстой изображен, совершенно поглощенным рукописью, над которой он сидит на низеньком кресле.

Комната для приезжих—тоже одна из свидетельниц трагедии совести Толстого и свидетельница трагедии его смерти. Здесь в 70-х годах помещался кабинет Толстого. Здесь писалась «Анна Каренина». Окна комнаты выходят в парк, на солнечную сторону. Здесь тоже светло и просторно, и достаточно уединенно. Отдельная дверь выводит из нее на открытую террасу прямо в парк.

Когда Толстой умер и из Астапова привезли в гробу его тело, гроб внесли через дверь с террасы в этот старый кабинет, свидетель крайних душевных потрясений Толстого. Здесь прощались с ним и жена, и дети, и яснополянские крестьяне, и все те тысячи людей, которые съехались и сошлись на его похороны, объединенные горем этой великой утраты...

В комнате доктора жил в момент ухода Д. П. Маковицкий—чехо-словак по национальности. Он явился в Ясную Поляну познакомиться с Толстым, нравственное учение которого разделял, а случилось так, что Маковицкий остался в Ясной Поляне до 1919 г., когда вернулся к себе на родину. До Маковицкого в этой комнате жил доктор Д. В. Никитин.

Библиотека.

Когда осматриваешь нижний этаж, то всюду наталкиваешься на шкафы с книгами. Они то перегораживают комнату, то заслоняют дорогу. С их полок из-за стекол глядят на посетителя книги, как будто сложенные без всякого счета и порядка. Эти шкафы, общим числом больше 20, вмещают в себя огромную яснополянскую библиотеку (213.115 томов), которая является главным, самым лучшим свидетелем всей долгой творческой писательской жизни Толстого. Мирно стоящие на полках книги безмолвно говорят, что Толстой умом, чувством и воображением жил в непрестанном общении не только со всеми гениальными умами всех времен и народов, каких только знало человечество, но и современными ему бесчисленными писателями, учеными, философами и беллетристами всего

Толстой за работой в кабинете «под сводами». С картины Репина.

мира. Тут много книг, имевших, по словам самого Толстого, на него большое влияние в разные периоды его жизни, о которых он сам свидетельствует в своих воспоминаниях и письмах. Все биографы Толстого отмечают эти книги. Большое место в библиотеке занимают не только все русские писатели-классики, но и все выдающиеся беллетристы до 900-х годов. В целый отдел можно выделить из библиотеки книги, которые служили Толстому материалом при создании его художественных произведений, по которым он изучал быт интересовавших его эпох и отдельные фигуры. Сюда входят книги, освещавшие эпоху отечественной войны и Наполеоновских войн, мемуары и исторические исследования о движении декабристов, о царствовании Петра I, о войне за покорение Кавказа. Словом все, что нужно ему было для «Войны и мира», для «Декабристов», для начатого им романа из эпохи Петра I, для повести «Хаджи Мурат». Огромный отдел библиотеки свидетельствует о педагогических занятиях, о долгом и напряженном интересе Толстого к вопросам воспитания и обучения, о напряженной работе над созданием единственных в своем роде «Книг для чтения» и «Азбуки».

Потом идут в изобилии книги на религиозные и богословские темы. Это свидетели религиозных исканий Толстого, начиная с конца 70-х годов до последних дней.

Много также книг по всем социальным вопросам и по экономическим наукам, говорящих о том, как Толстого непрерывно мучила проблема богатства и бедности, социального неравенства и угнетения. Есть между прочим и «Капитал» Маркса с карандашными отметками на полях, сделанными рукой Толстого.

Не мало книг по истории и философии искусства, свидетельствующих о том, как он работал над вопросом «Что такое искусство?» и как этого гениального художника волновал вопрос, в чем же именно заключается истинное искусство, в ответе на который он искал разрешения загадки и своего призвания в жизни.

Далее большой ряд составляют книги древних мудрецов и учителей жизни и более современных философов и мыслителей, над которыми Толстой работал, составляя свой «Круг чтения».

Одним из любимых наслаждений, как говорил Толстой, для него было перечитывание памятников русской народной словесности. Не даром в списке книг, оставленных им в кабинете в момент ухода, имеются несколько сборников русских пословиц и в старых изданиях 50-х годов, и в современных. В его библиотеке они занимают серьезное место.

Кроме этих основных групп, в яснополянской библиотеке имеется множество сочинений по всевозможным вопросам из всех почти областей знания, свидетельствующих о необыкновенном разнообразии и богатстве умственных интересов Толстого.

Та часть книг яснополянской библиотеки, что подбиралась в связи с работами Толстого над своими произведениями, прямо и ясно говорит о том, что процесс чтения Толстого всегда был в той или другой степени творческим. Бывший секретарь Толстого В. Ф. Булгаков, начав систематическое описание яснополянской библиотеки, установил очень значительное число книг с различными надписями и отметками на них Толстого, изучение которых может раскрыть очень много еще неизвестного и неведомого в богатстве его умственных запросов.

Библиотека Толстого никогда не была мертвой обстановкой дома, как это нередко бывает в богатых домах. Во всех своих проявлениях Толстой был человеком живой жизни. Родившись и проведя в общей сложности около 70 лет в Ясной Поляне, он все время, по мере склонности своих интересов в ту или иную сторону, приобретал и скапливал у себя те или другие книги. Но, конечно, значительная часть их попадала в руки его знакомых, друзей, родных, так как всем, что казалось ему интересным, он стремился поделиться с окружающими, и, естественно, известная доля книг не возвращалась назад, оставаясь у читателей.

Когда Толстой начал покупать и собирать книги, в Ясной Поляне уже был небольшой запас их, оставшийся после его отца, Николая Ильича Толстого. Это были французские классики и естественно-исторические сочинения Бюффона, Кювье и некоторых других авторов. Когда Толстой начал пополнять эту небольшую библиотеку, то он не делал этого

так, как пополняются библиотечные каталоги с правильным распределением по отделам. Он покупал книги, которые ему были нужны для работы или которые интересовали или даже волновали. А потом, когда Толстой вошел в славу, его библиотека, кроме того, начала пополняться, так сказать, «самотеком», независимо от его воли. Многие русские и иностранные авторы и переводчики произведений самого Толстого на различные языки (больше 40%) присылали ему множество книг со всех концов мира. В последние 20 лет жизни Толстого книги с надписями «от автора» поступали почти ежедневно.

Состав авторов, их автографы и посвящения отличаются тем же разнообразием, что и состав гостей и посетителей Толстого:

«Какая смесь одежд и лиц...
Племен, наречий состояний».

Много посвящений принадлежат иностранным авторам: англичанам, французам, американцам, японцам, немцам, балканским славянам и т. д. Некоторые посвящения передают национальный характер авторов. Среди глубокомысленных и сдержанных автографов немцев и англичан выделяются французская экзальтированность и пафос в восклицаниях в роде следующих: «На коленях перед тобой, Великий учитель»...

Есть автографы Генри Джорджа, кандидата в президенты Сев.-Америк. Соед. Штатов — Брайана, Эрнеста Кросби, Уптона Синклера, Ганди и мн. др.

Крайне разнообразен состав русских авторов. Здесь Кони, присылавший Толстому почти все свои работы, и Тимирязев с «Физиологией растений», и архимандрит Сильвестр, и Бонч-Бруевич, и Корабчевский, и вел. кн. Ник. Михайлович, Пругавин, Бальмонт, и целые толпы безвестных людей, заваливавших Толстого своими подчас совершенно бездарными и никому не нужными произведениями, иногда даже и не напечатанными, а лишь тщательно переписанными. Само собою разумеется, если бы Толстой не только читал, но даже просматривал всю эту массу книг, у него оставалось бы немного времени для другой работы. Некоторые авторы, повидимому, учитывали это обстоятельство, но и то лишь до некоторой степени.

Так, напр., некто из Ставрополя губернского, скрывшийся для мира под инициалами «В. З.», на присланной книжке пишет:

«Убедительно прошу Великого человека не кидать этой книжки в корзинку с сорными бумагами, а как-нибудь досужей минуткой—прочитать».

Книга эта осталась неразрезанной.

Есть посвящения, содержащие в себе диаметрально-противоположные оценки Толстого, как философа и религиозного мыслителя. В этом отношении характерна оценка двух духовных лиц: так, например, иеромонах Антоний, посылая Толстому свои «Психологические данные в пользу свободы воли» (Петербург, 1888 г.), в своем посвящении пишет:

«Л. Н. Толстому в знак искреннего сочувствия и глубокого уважения в надежде на доверчивое отношение»

Автор.

Почти в тот же год другое духовное лицо—Н. Елеонский—преподносит Льву Николаевичу свою брошюру о «Новом Евангелии» (1889 г.) с подписью:

«Несчастному маньяку Толстому».

В результате такого порядка пополнения библиотеки Толстого в ней оказались книги: русские, английские, французские, немецкие, итальянские, испанские, шведские, польские, болгарские, японские, на латинском языке, на древне-еврейском и на многих других языках. В общем из всей этой массы 47,7% приходится на русские книги (5.066 названий), 22,6%—на английские (2.395 названий), около $\frac{1}{6}$ —на французские (1.444 названия), 8,6%—на немецкие (908 названий) и 1,2%—итальянские (123 названия). Среди всей этой массы больше всего журналов—около 5.000. Затем идет художественная литература и критика. Дальше—философия и религия—около 1.500. Потом—история и биографии—1.000. Естественные науки, география и путешествия—600. Педагогика и детские книги—800. Медицина—800. Политическая экономия и право—600. В этом составе библиотеки чрезвычайно характерно для Толстого, что на первом плане оказывается художественная литература и затем религия и философия, которые вместе, если вы-

часть журналы, составляют большую часть всей библиотеки. Толстой в течение всей своей жизни не только писал, создавал вещи мирового значения, бросая отблеск на века грядущие, но и всю жизнь очень усердно и тоже с большим творческим напряжением мысли читал и, так сказать, учился, или, как он сам любил говорить, «пробывал в общении» с писателями и мыслителями всего мира. О том, как он много читал самых разнообразных книг, подробно рассказывается у его биографов П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева. И можно утверждать, что, вслед за писанием, второе место в его жизни занимает чтение, и что оба процесса у него часто сливались в один общий непрерывный творческий труд. При этом в молодости, до работы над большими романами, Толстой не имел привычки делать на книгах отметки карандашом. Самое большое, что можно встретить в этот период, это только черточки ногтя на полях или загнутые уголки, как делали обычно в старину, чтобы разыскать место, на котором была оставлена книга. С 1860 годов в книгах, которые служили материалом для «Войны и мира», для «Декабристов», — нужные места и подчеркнуты, и отчеркнуты. А при работе для «Круга чтения» отмечается все, что нужно было выбрать и выписать. Лишь в последние годы и то иногда, если отдельные вещи очень нравились или очень волновали, Толстой обозначал на полях условными буквами свое впечатление: или хвалил, или осуждал и ставил отметки от единицы до пяти с несколькими плюсами. Но это бывало редко. Рассказы Леонида Андреева получили, например, следующую оценку: «Большой шлем»—4; «Ангелочек»—1; «Валля»—5+; «Ложь»—0.

В «рассказе о Сергее Петровиче» на стр. 77 карандашом отчеркнут верхний абзац и написано «до сих пор—3», в конце рассказа стоит цифра 5; «Предстояла кража»—0. «Весной»—5+; «Первый гонорар»—5+; «Бергамот и Гараська»—5+.

Подобную же оценку по пятибальной системе получили рассказы Горького и других писателей, с произведениями которых Толстой знакомился. Похвальная оценка обычно выражается в высшем балле с несколькими плюсами. Осуждение же часто сопровождается восклицаниями:

«какая фальшь», «фальшь ужасная», «чепуха», «отвратительно» и проч.

Секретарем Толстого, В. Ф. Булгаковым, сделано подробное описание яснополянской библиотеки. Оно включает в себе все отметки и замечания Толстого, встречающиеся на книгах, а также автографы и посвящения различных авторов, присылавших Толстому свои книги. Но по общему правилу, прочитанные им книги ничего не говорят о впечатлении, полученном от них гениальным читателем, хотя, несомненно, книги яснополянской библиотеки это — главные свидетели духовной работы Толстого.

Библиотека сейчас приведена в строгий порядок специалистами библиотечного дела под руководством проф. Ефимова. Закончена громадная работа по научной каталогизации этой сокровищницы Яснополянского музея. Для всех исследователей жизни и творчества Толстого она будет долго представлять незаменимый, исключительно богатый материал для познания процессов его творчества и для его биографии.

IX. ЭКСКУРСИЯ НА МОГИЛУ ТОЛСТОГО.

Большое впечатление оставляет посещение могилы Толстого. К могиле приходится пройти через парк по лесной дороге. Она уводит от дома в нетронутый лес. По воле самого Толстого, его похоронили на небольшом мысу над оврагом, на краю леса Старого Заказа. Это место для могилы выбрал сам Толстой по воспоминаниям детства, когда углубленная мудрость старости сделала уже абсолютно полной его любовь к природе. Вот как он сам написал о месте для своей могилы:

«Николенька, когда нам с братьями было—мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезни, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями (вероятно, это были моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это было муравейные братья). Я помню, что слово муравейные особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том,

что садились под стульями, загораживая их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру. Муравейные братья были открыты нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня».

Могилу окружает с трех сторон старый лес, а по оврагу лепится молодая поросль. Она разрослась и закрыла вид на речку Воронку, на луга, на поля, поднимающиеся по склонам, на темнеющий вдаль лес. Никаких украшений и сооружений, согласно воле Толстого, на могиле нет. Она широко огорожена только низенькой деревянной решеткой, а могильный холм летом покрывается цветами, а зимой—еловыми ветвями. Над нею растут старые вязы, дубы и липы, и летом непрерывно шелестят их листья под пробегающим ветром над прахом великого человека.

28-го октября старого стиля 1910 года весь мир был потрясен телеграфной вестью об уходе Толстого из Ясной Поляны, и все сразу почувствовали, что приблизилась трагедия его смерти, хотя, уезжая, он был здоров. Толстой так сросся с Ясной Полянкой, что казалось, будто свирепый вихрь вырвал с корнями этот могучий дуб из родной ему почвы. Но эта трагедия совершилась с внешней стороны так же просто, как текла его жизнь. Толстой ушел, никого не предупредив, кроме своей дочери Александры Львовны. С доктором Моковицким ночью уехали на ст. Щекино.

Вот как описывает начальный момент этой единственной в мировой литературе трагедии А. Л. Толстая:

«С вечера 27-го октября чувствовалось какое-то особенно тяжелое напряженное настроение. Долго в эту ночь мы не спали с Варей*. Нам все мерещилось, что кто-то ходит, разговаривает наверху в кабинете отца.

К утру кто-то постучался в дверь.

— Кто тут?

— Это я, Лев Николаевич. Я сейчас уезжаю... совсем... Пойдемте, помогите мне уложиться.

* В. М. Феокидова.

Толстой с своей сестрой Марией Николаевной, монахиней Шемардинского монастыря.

— Ты разве уезжаешь один?—со страхом спросила я.

— Я беру с собою Душана Петровича*.

Мы наскоро оделись и пошли наверх и стали помогать отцу укладываться. Сердце усиленно билось, руки дрожали, и я все делала не то, что нужно было, бралась не за то, спешила, роняла...

Я ждала его ухода, ждала каждый день, каждый час, но тем не менее, когда он сказал: «Я уезжаю совсем», меня это поразило, как что-то новое, неожиданное. Я никогда не забуду его фигуру в дверях, в блузе, со свечой в руках, освещающей его светлое, прекрасное и вместе с тем полное решительности и твердости лицо.

Душан Петрович Маковицкий был уже наверху. Он казался таким же возбужденным и взволнованным, как и я, так же спешил и суетился, укладывая вещи.

Отец же на вид был совершенно спокоен. Он что-то аккуратно укладывал в коробочки, перевязывая их веревкой. Он указал мне на кипу рукописей, которые лежали сложенные на кресле у письменного стола.

— Вот, Саша, я выбрал из ящичков все свои рукописи, пожалуйста, возьми и сохрани их. Я мамã написал, что отдаю их тебе на сохранение.

Лицо у него было розовое, движения ровные, не было заметно никакой поспешности, и только прерывающийся голос выдавал его страшное волнение.

Я отнесла рукописи к себе и спросила его, взял ли он дневник. Он ответил, что взял, и просил меня уложить его карандаши и перья. Я хотела уложить некоторые медицинские принадлежности, необходимые для его здоровья, но он сказал, что это совершенно лишнее.

Мы двигались чуть слышно и все время сдерживали друг друга: «Тише, тише, не шумите». Двери были затворены, и когда я спросила, кто затворил их, отец сказал, что, тихо, едва ступая, он подошел к спальне матери, затворил ее дверь и дверь из коридора.

Укладывали вещи около получаса. Отец уже стал волноваться, торопил нас, но руки у нас дрожали, ремни не затягивались, чемоданы не закрывались.

Отец сказал, что ждать больше не может и, надев свою синюю поддевку, галоши, коричневую вязаную шапочку и рукавицы, пошел на конюшню сказать, чтобы запрягали лошадей. Я сошла с ним вниз, таща готовые чемоданы, Варвара Михайловна собирала провизию на дорогу.

Мы собирались уже выносить вещи, как отворилась наружная дверь, и отец без шапки вошел в переднюю.

— Что случилось?

— Да такая темнота, зги не видать, я пошел по дорожке, сбился, наткнулся на акацию, упал, потерял шапку, искал ее, не нашел и должен был вернуться. Достань мне, Саша, другую шапку.

Я побежала за шапкой, принесла две, из которых отец выбрал самую скромную, и он опять вышел, захватив с собою электрический фонарик.

* Д. П. Маковицкий.

Во время сборов меня поражало, что отец ничего не хотел брать с собой такого, что было бы не крайне необходимо; мне с трудом удалось уговорить его взять электрический фонарик, некоторые лекарства, меховое пальто.

Отец вышел, и через несколько минут и мы пошли на конюшню, таща на себе тяжелые связки и чемоданы. Было грязно, ноги скользили, и мы с трудом подвигались в темноте. Около флигеля замелькал синенький огонек. Отец шел нам навстречу.

— Ах, это вы—сказал он,—ну на этот раз я дошел благополучно до конюшни, и намуже запрягают. Ну я пойду вперед и буду светить вам.

— Ах, зачем вы дали Саше самые тяжелые вещи?—с упреком обратился он к Варваре Михайловне.

Он взял из ее рук корзину и понес ее, а В. М. помогала мне тащить чемоданы.

Он шел впереди и изредка нажимал кнопку электрического фонаря и тотчас же отпускал ее, отчего казалось еще темнее. Отец всегда жалел тратить произведения труда человеческого, а к таким усовершенствованиям, как электрический фонарик, относился с особенным уважением, и тут, как и всегда, ему жалко было тратить запас электричества.

Так подвигались мы то в полном мраке, то направляемые светом фонаря, который отец тотчас же тушил. Когда мы пришли на конюшню, Адриан Павлович, кучер заводил в дышло вторую лошадь. Отец взял узду, надел ее, но руки его дрожали, не слушались, и он никак не мог застегнуть пряжки. Сначала он торопил кучера, а потом сел в уголке каретного сарая на чемодан и, повидимому, сразу упал духом.

— Я чувствую, что вот-вот нас настигнут, и тогда все пропало. Без скандала уже не уехать.

Но вот лошади готовы, кучер оделся, Филя, конюх, с факелом вскочил на лошадь.

— Трогай!

— Постой, постой!—закричала я.—Постой, папаша, дай поцеловать тебя.

— Прощай, голубушка, ну да мы скоро увидимся,—сказал он,—Поезжай!

Пролетка тронулась и поехала не мимо дома, а прямой дорогой, которая идет яблонным садом и выходит прямо на так называемый «Пришпект».

Все это случилось так быстро, так неожиданно, что я не успела отдать себе отчета в том, что произошло. И тут, стоя в темноте возле конюшни, я в первый раз ясно поняла, что отец уехал совсем из Ясной Поляны,—может-быть, навсегда. Мелькнула мысль, а что если никогда уже больше не увижу его?..

Было уже около пяти часов утра, когда мы с Варв. Мих. вернулись домой. С сильно бьющимся сердцем возвратились мы в свою комнату и тут, считая часы, просидели до восьми. В восемь часов мы вздохнули с облегчением, рассчитав, что поезд, с которым должен был уехать отец, уже ушел. Я пошла к Илье Васильевичу*.

* Илья Васильевич Сидорков, служащий при Толстом.

— Где Лев Николаевич?

Илья Васильевич потупился и молчал.

— Вы знаете, что Лев Николаевич уехал совсем?

— Знаю, они мне говорили, что хотели уехать, и я нынче догадался по платью, что их нет.

С кучером, который отвозил отца на станцию, я получила письмо.

«Доехали хорошо. Поедем, вероятно, в Оптину. Письма мои читай. Черткову скажи что, если в продолжение недели до 4-го числа не будет от меня отмены, то пусть пошлет «заявление» в газеты *. Пожалуйста, голубушка, как только узнаешь где я,—а узнаешь это очень скоро,—извести меня обо всем. Как принято известие о моем отъезде, и все, чем подробнее, тем лучше» **.

Затем трагедия очень быстро пошла к развязке, к концу этой великой жизни. В России, в Европе и во всем мире встревожились не только все мыслящие, но даже просто читающие люди, встревожились миллионы сердец и стали следить за неожиданным путешествием Толстого, которое, как всем стало понятно, было последним его скитанием на земле. Газетные телеграммы извещали о нем весь мир четыре—пять раз в день, как вдруг появилась весть о внезапной его болезни. И эта весть, которую уже все ждали, морально всколыхнула все человечество. Все внимание, все мысли устремились тогда на никому неведомую ранее станцию Астапово, где сердце и душа Толстого вели последнюю борьбу со смертью. Но вот прошло еще несколько дней, и 7-го (20-го) ноября 1910 года Толстого не стало.

Смерть Толстого была личным горем для миллионов людей. В Москве был образован комитет по организации похорон Толстого в Ясной Поляне. Из Москвы все хлынуло целым потоком в Ясную Поляну. Все поезда были сразу переполнены, и попасть на похороны было весьма трудно. Многие отправились на автомобилях. Московско-Курское шоссе было полно ими. Автомобили неслись один за другим. Но автомобили были доступны немногим. Другие двигались в извозчичьих пролетках и, наконец, массы учащих, рабочих и крестьян шли просто пешком, несмотря на дальность расстояния—около 200 верст,

* «Заявление»—письмо Льва Ник. в газеты о том, что он никогда не продавал и не разрешает продавать право издания на свой сочинения.

**) А. Л. Толстая «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого». VI сборник «Л. Н. Толстой Памятника жизни и творчество». Москва 1924 г.

Толстой на прогулке в «Чепыже».

несмотря на холод и осеннюю непогоду. У станции «Ясная Поляна» собрался многолюдный лагерь.

«Раннее туманное утро. Всюду море голов. В полосе отчуждения пылают костры... взоры всех обращены в ту сторону, откуда должен притти поезд с дорогим прахом. Отдаленный гудок локомотива печальным эхом отозвался в яснополянских холмах. Наступила тишина. Поезд медленно проходил среди живой стены, благоговейно склонившейся. Тихое и стройное пение—«Вечная память»,—попилось из тысячи грудей...

Простой желтый под дуб гроб вынесли из вагона сыновья покойного, и процессия двинулась в Ясную Поляну той дорогой, по которой часто хаживал Лев Николаевич...

Вся дорога, почти четыре версты, устлана ельником, нарубленным за ночь яснополянскими крестьянами. Печальную процессию открывали крестьянские подводы с венками и ельником. За подводами крестьяне несли большой белый транспарант с надписью: «Лев Николаевич, память о твоем добре не умрет среди нас, осиротевших крестьянх Ясной Поляны». За транспарантом—два венка, также от крестьян, отказавшихся положить их на подводу. Дрог для гроба не было, потому что крестьяне заявили, что они сами понесут дорогие останки. Процессия растянулась на длинное расстояние и медленно при пении двух многочисленных хоров подвигалась к Ясной Поляне... Вот и Тульское шоссе. С шоссе свернули на проселок и подошли к воротам усадьбы. Всюду толпы народа—и у ворот, и у пруда, и по аллеям парка... Вот и дом, такой же, как и семь лет тому назад, только с лицевой стороны рядом с террасой открыта дверь... Гроб с прахом был внесен в дом и поставлен в быв. охотничью комнату*... Прошло томительных полчаса... Началось прощание с дорогим человеком. Ни толкотни, ни сетований, ни шума. Первыми прошли к гробу крестьяне и положили свои венки, на одном из которых надпись: «Незабвенному советнику и заступнику в наших нуждах, великому учителю Льву Николаевичу Толстому». За крестьянами пошли депутации и остальные массы пришедших. Прощание продолжалось в течение трех часов, при чем все проходило, не останавливаясь. Толпы народа осматривали усадьбу. Несколько раз выводили лошадь, на которой ездил верхом Лев Николаевич. Многие устремились к могиле, расположенной в полуверсте от яснополянского дома, на кургане-пригорке, окруженном лесом, называемым Старый Заказ... Могилу вырыли крестьяне в течение ночи на вершине кургана. Работа была тяжелая: пришлось рубить корни деревьев. Внутри могилы желтый песок и никакая сырости... Прощание закончилось. Венки несут крестьяне и студенты. Гроб выносят сыновья и ближайшие друзья покойного... Головы обнажены... Многие стоят на коленях... Над яснополянским парком несутся скорбные звуки «вечной памяти»... Нет ни рыданий, даже не видно слез. Ни шума, ни шопота, ни беготни не слышно... Совершается великое дело... Живые расстаются с бессмертным... Минута торжественная. Процессия медленно

* В комнату «для приезжающих» в нижнем этаже.

Могила Толстого в Старом Заказе.

двигается среди фруктового сада, старых берез и лип... Стройное пение двух хоров сопровождает шествие. Но вот и могила. Наступила мертвая тишина. По толпе проносится шопот: «на колени». Все до единого человека стали на колени, и гроб тихо опустили в могилу. Опять «вечная память»... Теперь пели все. Могучие тоскующие звуки наполнили окрестность, разнеслись по холмам и замерли среди леса. Первый комок земли ударил о крышку гроба. Снова все встали на колени. Затем опять «вечная память» и опять тишина... Над гробом образовался холм. В третий раз толпа опустилась на колени и на этот раз стояла особенно долго. Речей не было. Это общее желание, так как нет слов и выражений, чтобы они могли выразить всю тяжесть мировой утраты... Сумерки спустились, и мы тихо оставили дорогую могилу. Нам навстречу шли новые паломники, опоздавшие к погребению. Впечатление получилось потрясающее. Великий старец отошел от нас, как не отходит обыкновенный смертный. Его кончина есть апофеоз его творений, его великого сердца и гениального ума. Мы уходили из Яснополянского парка и ощущали, что Толстой жив, с нами и вечен*.

Х. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В Ясной Поляне перед посетителем проходит весь долгий великий жизненный и творческий путь Толстого, так как она полна Толстым и хранит все, чем он жил. Гуляя в парке под деревьями, посаженными Толстым, кажется, что шелест их листьев как будто постоянно и тихо, без слов, точно на ухо, рассказывает посетителю о Толстом, о его любви к природе, к истине, к людям.

Обаяние самого Толстого здесь охватывает всякого с необычайной силой, и это впечатление остается навсегда, так как здесь хотя и очень бегло, но в живых ощущениях глаза проходит перед ним вся история жизни Толстого от колыбели до могилы.

Если же все эти зрительные впечатления в экскурсии по Ясной Поляне сопровождаются еще справками о творчестве Толстого, тогда невольно оживают в памяти и сотворенные им образы героев «Войны и Мира», «Анны Карениной», «Детства и отрочества» и почти всех его художественных произведений.

Ясная Поляна занимает большое место не только в творчестве Толстого, но через него и в культурной жизни всего мира. Ее известность стоит на ряду с мировыми сто-

* И. И. Попов. «В Ясной Поляне». Сборник «Дорогие места». Т-во книгоиздательство писателей в Москве. 1918 г.

лицами. Ее посещали при жизни Толстого не только европейцы и американцы, но и японцы, и китайцы, и жители Малайских островов, индусы, негры,—словом представители всех наций. Все, кто когда-либо читал Толстого, не только знали, что существует где-то в центральной России яснополянская усадьба, где жил Великий Толстой, но и все невольно чувствовали очарование этого уголка земли, так как в описаниях и повествованиях самого Толстого пред ними проходили яснополянский парк, яснополянский сад и дом, и его обстановка, и даже отдельные деревья и вещи, по описанию которых в произведениях Толстого теперешние работники музея-усадьбы «Ясной Поляны» находят их.

Как посетители Ясной Поляны при жизни Толстого разносили оттуда слова и мысли, сказанные им, так и современные посетители музея-усадьбы «Ясной Поляны», покидая ворота яснополянского парка, невольно уносят с собой обаяние имени великого Толстого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Музей-усадьба «Ясная Поляна» является вещественным памятником жизни и творчества Л. Н. Толстого. Задача яснополянской музейной организации заключается в том, чтобы сохранить эту старую усадьбу для будущих поколений в том виде, в каком она существовала при жизни Толстого к моменту его ухода. В этом отношении время должно остановиться и жизнь замереть на одной точке.

Но вокруг Толстовской усадьбы—этой национальной и общечеловеческой драгоценности—должна расцвести новая культурная жизнь. Небольшой уголок Тульской губернии, над которым царил дух Толстого, должен стать источником просвещения и культуры.

Живой, нерукотворный памятник, воздвигнутый культурной работой на пользу трудового крестьянства, на пользу «рабочего народа», любимого Львом Николаевичем, по собственным его словам в «Исповеди», «какою-то странною физическою любовью»—будет лучшим памятником Великому Толстому.

Такой памятник воздвигается на наших глазах. С каждым годом он растет и будет расти. Его вещественные отражения встают перед взором посетителя еще за версту до усадьбы, как только он переходит Киевское шоссе и начинает спускаться к ложнине, откуда открывается общий вид на усадьбу и деревню. Направо от шлаковой дороги, близ опушки леса, зеленеющего хвоей, на обширном, десятидесятичном участке расположилось несколько новых зданий яснополянской участковой больницы. Вдали, ближе к усадьбе и деревне, налево от дороги, на бывшей голой «Кабачкой горе» возвышается большое двухэтажное здание. Это—школа-памятник Л. Н. Толстому. Знаменательно, что почти на том самом месте, где в крепостное пра-

во и в годы, близкие к нему, стоял кабак—символ старой невежественной России,—теперь висится очаг просвещения—символ России грядущей, культурной и просвещенной. Упомянутыми учреждениями далеко не исчерпывается состав яснополянского культурно-просветительного центра. Их целая сеть. Ознакомление с работой этого центра, как в высшей степени интересного опыта воздействия на все стороны крестьянского быта яснополянского района, опыта, по своему значению далеко выходящего за пределы губернии,—несомненно, заслуживает внимания и отдельных посетителей, и целых экскурсий. К тому же наблюдения местных музейных работников показывают, что многие посетители—а в Ясной Поляне бывают паломники буквально со всех концов мира,—интересуются не только осмотром музея-усадьбы. Нередко задаются вопросы, что представляет собой деревня Ясная Поляна, как обслуживаются ее культурные нужды, что в этом отношении делалось раньше и что теперь, как вообще жила Ясная Поляна со дня ухода Толстого до наших дней.

Настоящая вторая часть нашей книжки посвящена этим вопросам.

І. ЯСНАЯ ПОЛЯНА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ.

В настоящее время село Ясная Поляна, Щекинского района, Тульской губ., состоит из 122 дворов и насчитывает 742 жителя. В пользовании граждан Ясной Поляны находится 712,5 дес. удобной земли, из коих пахотной 495 дес.

Население занимается отчасти отхожими промыслами в Туле, но главным источником существования для него служит земледелие.

Крестьяне Ясной Поляны при освобождении от крепостной зависимости были наделены наивысшим наделом для данной местности по $2\frac{3}{4}$ дес. на ревизскую душу. Надельная земля была вырезана им отдельным куском. Чресполосицы с землей помещичьей, т.-е. положения, при котором «не токмо что теленка, курицы выпустить

Толстой на прогулке.

некуда», здесь не существовало, по крайней мере, в столь острой форме, как вообще в бывших старых крепостных губерниях.

В остальном история яснополянских землепашцев мало чем отличается от истории крестьян средней полосы России. Вековое трехполье, коровы из породы «тасканок» и «горемычек», грязь, соломенные крыши, полный застой в сельскохозяйственной технике—все эти черты, характерные для центральной земледельческой полосы, были присущи и местному крестьянскому быту, и земледелию. Близость Тулы и железной дороги вносила мало изменений. Отхожие промыслы крестьян в Москву и даже в Петербург в дореволюционное время были весьма развиты и в других частях Тульской губернии, независимо от близости губернских центров и железнодорожных артерий.

Если существовали в России немногие образцово-поставленные помещичьи экономии, способные оказать известное влияние на соседей-крестьян, хотя бы распространением улучшенных пород скота, примером иных приемов обработки почвы и проч., то яснополянская экономия ничего не могла дать в этом отношении яснополянской деревне.

Правда, в 60-х годах, непосредственно после женитьбы, Толстой со всей страстью, свойственной его сильной натуре, несколько лет увлекался сельским хозяйством, выписывал породистых коров и свиней, сажал леса и сады, занимался пчеловодством. Но вскоре, уже во время работы над романом «Война и мир», он охладел к хозяйству, а в 80-х годах, в соответствии со своими воззрениями на земельную помещичью собственность, совершенно устранился от имения, и хозяйство вела Софья Андреевна, или, вернее сказать, ее управляющие.

Велось это хозяйство технически не выше, чем соседнее крестьянское, без улучшенных приемов обработки земли, по трехпольной системе, по старинематушке.

Что касается помощи со стороны государства в области обслуживания культурных нужд населения, то в Ясной Поляне и окружающих деревнях она отсутствовала еще в большей мере, чем в других районах. Чем больше

росли мировая известность и влияние Толстого, тем больше было оснований у органов тогдашней власти забывать культурные нужды местности, в которой он жил. Впрочем, правительственный интерес к Толстому, к Ясной Поляне и ее району был огромный, но интерес чисто полицейский, сыскной.

Яснополянский мыслитель с его потрясающей критикой существующего общественного и государственного строя, с его критикой извращенного государством христианства, Толстой—граф, аристократ и помещик—с его проповедью против земельной и всякой собственности был бельмом на глазу императорской, сословно-бюрократической России. Голос Толстого против национальных угнетений и еврейских погромов, угнетений крестьян и рабочих, его протесты против смертных казней и других политических репрессий звучали набатом на весь мир, портя международные «фасоны» царской дипломатии.

Таран его обличительного слова бил как раз по трем главным твердыням российской официальной «самобытности»: православию, самодержавию и народности.

Отсюда понятно, что современные Толстому «российские самодержцы», в том числе и правительство Николая II, особенно после отлучения Толстого от церкви, когда революционизирующее значение его стало проникать во все еще не затронутые слои русского общества,—отнюдь не были склонны насаждать в Ясной Поляне какие бы то ни было культурно-просветительные учреждения, связанные со средоточием интеллигентных сил вблизи Толстого. Напротив, попытки самого Толстого сделать что-нибудь в этом отношении не только не поддерживались, но встречали противодействие на протяжении всей его жизни. Так, педагогическая деятельность Толстого, когда еще в начале 60-х годов он старался окружить Ясную Поляну целой сетью школ, вызвала бдительную слежку за ним и приглашенными им учителями. Учителя оказались под особо строгим надзором полиции, подвергались репрессиям, а в школе и в доме Толстого в 1862 году был произведен жандармский обыск. Не встретил сочувствия и проект Толстого 70-х годов об организации в Ясной Поляне особой крестьянской семи-

нарии—«университета в лаптях», как называл ее Лев Николаевич. Тульское консервативное земство того времени предпочло употребить имеющиеся свободные средства на всероссийскую подписку по сооружению памятника «Великой Екатерине».

Позднее дочери Льва Николаевича устроили в деревне школу. Она была закрыта губернатором, а вместо нее, чтобы парализовать зловерное толстовское влияние, было открыто церковно-приходское училище. Земской школы в Ясной Поляне не было. Существовавшее церковно-приходское училище, с одной учительницей, представляло из себя нечто чрезвычайно жалкое.

Не было в Ясной Поляне ни народного дома, ни читальни, ни даже чайной. Небольшая библиотека была открыта по случаю 80-летнего юбилея Льва Николаевича общественной организацией—Московским комитетом грамотности. О размерах ее можно судить хотя бы потому, что на все оборудование было отпущено одновременно не более ста рублей. После смерти Толстого мало-по-малу она совсем захирела. Сам Толстой охотно раздавал книги, главным образом, издания «Посредника», всем приходившим к нему и просившим их. Снабжали книгами и окружающие Толстого. Многие сочувствующие Толстому, любившие его люди охотно пришли бы работать для яснополянской деревни по указаниям Льва Николаевича, но всякая частная культурно-просветительная работа в крестьянской, как и рабочей среде, в те времена разрешалась лишь, как исключение, особо благонадежным лицам. Неблагонадежным же числилось почти все русское общество, всякий общественный почин. Разумеется, деятельность во имя Толстого, связанная с ним и вблизи него, была тем более невозможна и опасна. Правительство, не осмеливаясь замахнуться на «сокровище русской жизни», как называли Толстого рабочие в одном из своих обращений к нему, не решаясь поднять руку на человека, пользовавшегося исключительной популярностью во всем мире, ополчалось и преследовало его единомышленников, друзей, да и всех людей, если хоть какая-нибудь духовная связь их с Толстым могла быть установлена. Был выслан из Телятинок незадолго перед тем вернувшийся из эмиграции В. Г. Чертков с за-

прещением въезда в Тульскую губернию. В 1907 году был посажен в уездную Крапивенскую тюрьму секретарь Толстого Н. Н. Гусев. Даже отдельные посетители Льва Николаевича брались под подозрение. Так, один из авторов настоящей работы при возвращении в 1905 г. из Ясной Поляны был арестован жандармами на Тульском вокзале в сущности только за то, что имел «платье толстовского покроя», а в кармане поддевки брошюру Льва Николаевича.

Преследовались, сажались в тюрьмы, ссылались на каторгу в Сибирь, заковывались в кандалы последователи Толстого, отрицающие убийство и военную службу, не признающие официальной церкви—крестьяне, рабочие и интеллигенты.

Как могло действовать это на Толстого?

Страдания других людей за него и из-за него при личной его неуязвимости для царской охраны и относительной безопасности («относительной» потому, что Толстой нередко получал письма и телеграммы с угрозами убить «главного безбожника и революционера») чрезвычайно мучили чуткую Толстовскую совесть. Этот своего рода вид заложничества, применяемый к Толстому государством, крайне суживал, даже имея в виду толстовское учение о непротивлении злу насилием, круг личной его борьбы с началами мракобесия и всякими гнусностями «российской самобытности». В сущности Толстой мог действовать только своим вдохновенным пером. И от времени до времени глухую ночь безмолвия русской жизни потрясали взрывы такого огненного негодования, каким был могучий крик его возмущенной совести «Не могу молчать», раздавшийся против Столыпинских кровавых расправ и вахканалей смертных казней.

Толстой не мог не сочувствовать кооперативному движению, заметно возросшему в России в самые последние годы его жизни. Общественная работа, чуждая принуждения, отвечала его взглядам.

«Кооперативная деятельность—учреждение кооперативов, участие в них,—писал Лев Николаевич в одном из своих писем последнего года жизни * —есть единственная общественная деятель-

* Письмо к В. Ф. Тотомлянцу о кооперации. Ясная Поляна. 1910 г. Январь, 13.

ность, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек, не желающий быть участником насилия». «Если бы я был молод,—заканчивается это письмо,—я бы занялся этим делом, а теперь не отчаиваюсь попытаться сделать, что могу, среди нашего близкого мне крестьянства».

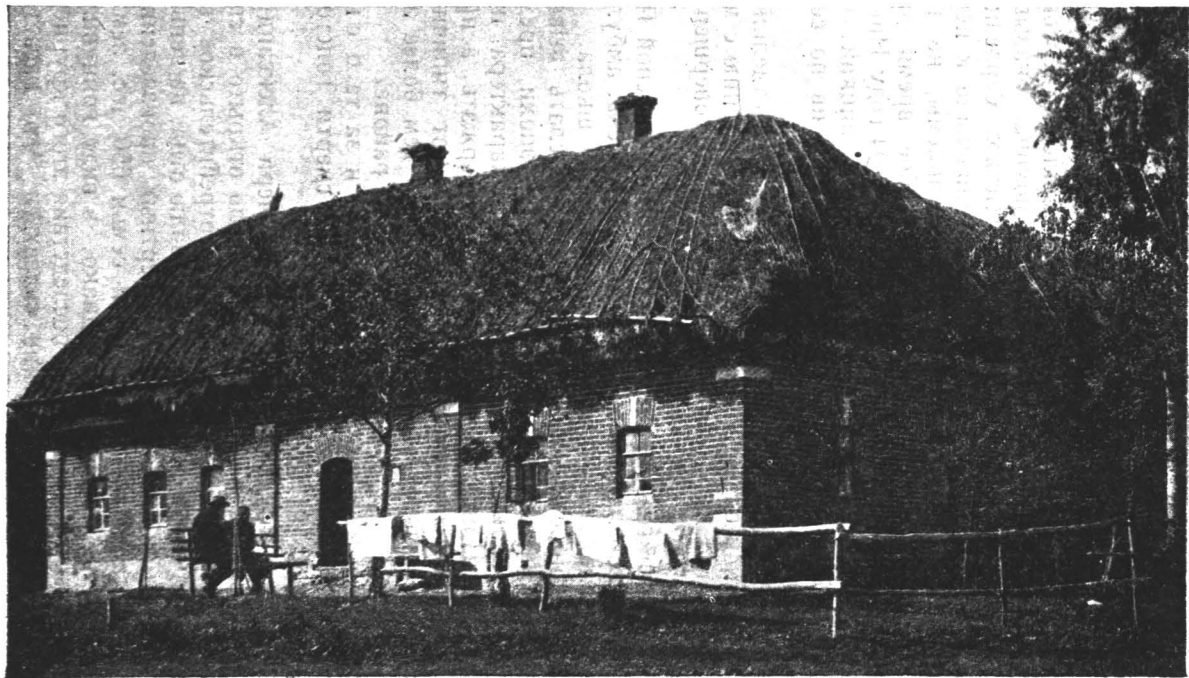
Когда в одной из окрестных деревень—Рудакове—организовалось общество потребителей, Л. Н. горячо сочувствовал ему и часто бывал в Рудакове. Но в Ясной Поляне в его время не было ни кредитного товарищества, ни сельскохозяйственного общества, словом, никаких учреждений общественной взаимопомощи.

Правительственная помощь в области медицины для Ясной Поляны совершенно отсутствовала.

Существует мнение, что Толстой был противником всякой медицины. Это не так. Прежде всего он был ярким противником денежных отношений между врачом и пациентом. Он не любил врачей, которые держали себя, как жрецы, как члены замкнутой касты, служащей богатым, сытым, властвующим. Он не мирился с тем, что медицина слишком поработает дух людей заботой о теле. Высмеивая болезни сытости, как последствия нетрудовой жизни, он преклонялся перед выносливостью трудового человека с его стоическим отношением к болезням и физической смерти. Но Толстой всегда признавал необходимость улучшения народной жизни, внесения в нее начал не только духовной, но и физической чистоты, гигиены и разумности. Он очень ценил врачебный уход за действительно больными, а тяжелую работу труженников фельдшеров и фельдшерниц считал одной из самых почтенных, самоотверженных профессий.—«Нет ничего красивее и милее,—говаривал он,—как самому ухаживать за больным, помогать ему и знать, как помогать, а фельдшера только это и делают».

Дочь Льва Николаевича, Мария Львовна, училась в Москве на фельдшерских курсах и потом работала в деревне.

Но никакой государственной больницы, даже амбулатории в Ясной Поляне не имелось. Медицинская помощь крестьянам оказывалась исключительно по частной инициативе Толстого и окружающих его людей. Издавна полечивала Софья Андреевна, затем дочери

Толстой у избы своего ученика Тараса Карповича Фоканова.

Льва Николаевича, наконец, доктора, проживающие в усадьбе в качестве друзей, единомышленников и домашних врачей. Так, д-р Никитин еще в 1902 году открыл прием больных в небольшом павильоне в саду усадьбы. Павильон этот, между большим домом и флигелем, существует и поныне. Затем Никитин переселился в деревню в крестьянскую избу. Медицинская помощь оказывалась всем бесплатно на средства Толстых. Сердечное и внимательное отношение доктора привлекало к нему много пациентов. После Никитина вел приемы, не избегая выездов в любую погоду, в любое время дня и ночи и в любом экипаже, сменивший в 1904 году Никитина единомышленник Толстого,—д-р Маковицкий. Он работал в Ясной Поляне до 1917 года, оставив по себе тоже хорошую память.

Но как бы ни казались самоотверженны эти отдельные усилия частной благотворительности, по сравнению с морем нужды во врачебной помощи они были совершенно ничтожны.

В сущности говоря, при жизни Толстого в Ясной Поляне существовала только небольшая библиотека, амбулатория да плохенькая церковно-приходская школа.

Все сказанное выше дает основание сделать вывод, что дер. Ясная Поляна дореволюционной эпохи, представленная заботам частно-общественного характера, при явном стремлении органов власти не поддерживать, а пресечь эти заботы, очень не далеко ушла от типичной темной и некультурной русской деревни. Тем более это надо сказать о всем прилегающем к ней районе.

Мало что изменилось в Ясной Поляне и за те 6 с небольшим лет, которые протекли со дня смерти Толстого до революции 1917 года.

В 1911 году трудами его младшей дочери Александры Львовны Толстой в Ясной Поляне было открыто в специально выстроенном помещении потребительское общество и при нем чайная. Исполняя волю отца, на деньги вырученные от продажи его посмертных произведений, А. Л. Толстая выкупила у своей семьи 650 дес. земли и передала их крестьянам. Однако, в виду грянувшей вскоре войны, экономические последствия этого крупного факта не успели существенно сказаться. Что касается

потребительского общества и чайной, то они просуществовали лишь до 1919 года.

С возникновением войны 1914 г. А. Л. Толстая была отвлечена работой на помощь больным и раненым воинам, и никаких новых учреждений с ее отъездом в Ясной Поляне не открывалось.

Таков краткий очерк истории дореволюционной Ясной Поляны.

Посмотрим же теперь, как и что создавалось и создано в ней к настоящему моменту (май 1928 года).

II. ЯСНАЯ ПОЛЯНА ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ.

Одиннадцатилетие, отделяющее нас от 1917 года, с точки зрения развития яснополянского культурно-просветительного центра можно разделить на два периода.

Период первый (1917—1921 гг.).

Характерные для обоих периодов проявления государственной и общественной инициативы в деле сохранения яснополянской усадьбы в первом периоде обозначаются еще слабо.

Еще не кончилась война. Внутри страны с грохотом рушились старые, обветшалые стены многовекового политического и социального уклада. Осенью 1917 года по всему Крапивенскому уезду горели помещичьи усадьбы. Грозная волна все ближе придвигалась к Ясной Поляне. Одно время казалось, что опасность близка, и разбушевавшийся океан народного гнева в ослеплении страсти ничего не пощадит на своем пути. Но этого не случилось. Ясная Поляна уцелела в полной неприкосновенности. Она уцелела не столько вследствие принятых мер государственной охраны, сколько благодаря сознательности большинства яснополянских крестьян, пробужденной в них памятью о Толстом. Уважение к его имени они сумели внушить как молодому поколению, так и проходящим и пришлым элементам, никогда не знавшим Толстого.

Интересно вспомнить еще следующий эпизод этого периода и связанное с ним предание.

Осенью 1919 года Ясной Поляне угрожала опасность с другой стороны. Как пункт, прилегающий к Московско-Курскому шоссе, железной дороге и подступам к Туле, усадьба могла стать ареной гражданской войны. Рассказывают, что красное командование послало штабу Деникина предложение щадить во время возможных военных действий вблизи Тулы Ясную Поляну. Предложение это, якобы, было принято. Неизвестно, были ли бы выполнены эти обязательства, но Ясная Поляна и на этот раз уцелела уже в силу того, что передовые деникинские части не продвинулись дальше самых крайних южных уездов Тульской губернии.

Как же управлялась и в чьем ведении находилась эти первые годы революции яснополянская усадьба?

Еще летом 1917 года по общественной инициативе в Туле возникает «Просветительное общество Ясная Поляна». Параграф 1-й устава общества, зарегистрированного Тульским окружным судом, уже говорит о превращении Ясной Поляны в культурно-просветительный центр. В свои задачи общество, помимо того, включало сохранение усадьбы и могилы, а также облегчение всем желающим посещения Ясной Поляны.

Возникшее общество весной 1918 г. получает охранную грамоту Наркомпроса на управление всей усадьбой. Заведующий именем действует по доверенности общества.

При существовавшем в те годы параллелизме вновь возникавших государственных образований трудно разобраться в пределах компетенции административных лиц и органов, действовавших в Ясной Поляне в продолжение всего этого периода до 1921 года. Имение числилось в ведении Наркомзема: Музей—в ведении Наркомпроса. В Туле было общество с весьма широкими целями и правами. Временами происходили недоразумения. Напр., когда управление музеем обращалось к заведующему совхозом с предложением починить протекающую крышу на доме, заведующий отвечал: «Эта крыша Наркомпроса, а я работаю от Наркомзема. Как же я ее буду чинить?».

При такой путанице компетенций, в условиях общей экономической разрухи, при отсутствии достаточных средств, конечно, нельзя было ждать успешной творческой, созидательной работы. Тем не менее, следует отметить, что в октябре 1918 года по ходатайству «Просветительного общества» Наркомпросом были отпущены кредиты на постройку школы-памятника. Эту школу и многие другие здания предполагалось возвести на выезде из деревни, для чего яснополянское сельское общество отдало десятину земли. Был даже заложен бут под фундамент школы. Но на этом постройка школы и остановилась. Конъюнктура в те годы так резко менялась, денежные знаки так быстро обесценивались, что предположения, сметы и ассигнования не успевали угнаться за действительной жизнью.

Кроме того, Высший совет народного хозяйства по ходатайству того же общества ассигновал средства на сооружение шлаковой дороги от Киевского шоссе до деревни Ясной Поляны. В 1919 году дорога была спланирована. В 1920 году были исполнены земляные работы. Но и дорога не была закончена.

Таким образом, все культурные начинания этого периода не вышли из первоначальной предварительной стадии. Новых учреждений не только не возникло, но некоторые из существовавших раньше, как, напр., чайная и потребительское общество, в 1919 году прекратили свою деятельность.

Подводя итоги этому периоду, нельзя, однако, не поставить в заслугу всем учреждениям и лицам, принявшим на себя заботы по сохранению Ясной Поляны в эти исключительно тяжелые годы разрухи и гражданской войны, что принятая ими на себя главная задача была выполнена.

Период второй (1921—1928 гг.).

Совершенно новый этап в жизни Ясной Поляны открывается со времени издания постановления ВЦИК от 10 июня 1921 года.

Объявляя усадьбу Ясная Поляна национальной собственностью, постановление ВЦИК в статье 5 «вменяет в обязанность хранителя Ясной Поляны создать

из Ясной Поляны культурно-просветительный центр с библиотекой, читальней, школой грамотности, организуя чтение лекций самого общего широко-культурного характера, в частности о Толстом, спектакли, художественно-научные выставки, экскурсии и т. п.» (см. приложения).

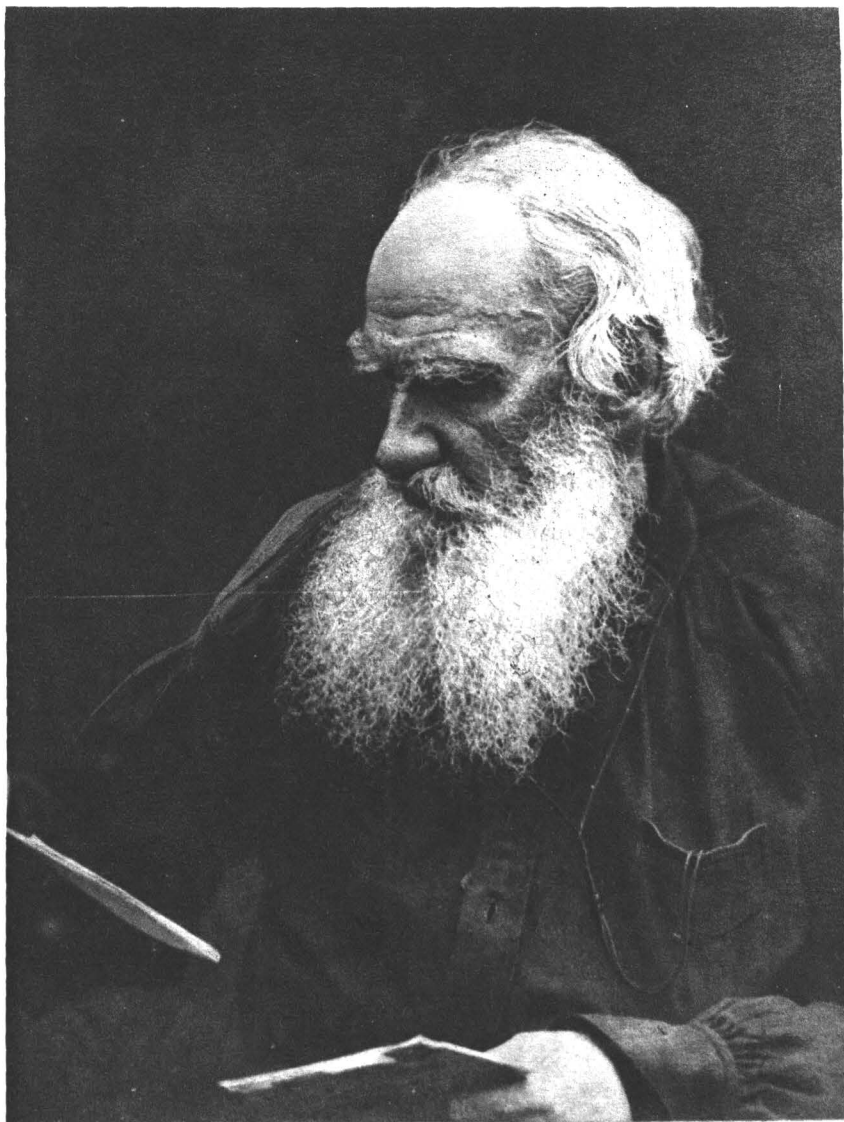
Уже самый факт издания особого государственного акта без всяких ссылок на предыдущие постановления органов власти в отношении Ясной Поляны как бы знаменует действительно новый этап.

Во главе всего как музейного, так и просветительного дела в Ясной Поляне была поставлена младшая дочь Толстого—Александра Львовна Толстая. Под ее непосредственным руководством работает яснополянская организация и в настоящее время. На ее же долю выпало много хлопот и забот по созданию в Ясной Поляне медицинских и друг. учреждений.

Не легка была для заведующей и ее сотрудников эта семилетняя деятельность, хотя труд их и вдохновлялся прямым служением народу, а для самой А. Л. Толстой и беззаветной любовью дочери к отцу, которому она деятельно и всецело, с самой ранней юности, посвятила свою жизнь.

В первые годы яснополянский центр рос медленно и туго, хотя оживление началось уже в 1922 году. Было проведено электричество. На неоконченную дорогу возился материал для ее завершения. В 1922 году возникло и первое просветительное учреждение.

На территории усадьбы, в так наз. доме Волконского, в одной из комнат нижнего этажа была устроена столярная мастерская для подростков, всего на 15 человек. Помещение было совершенно не приспособлено: чтобы попасть в него, приходилось проходить через коровник. В одной комнатушке ученики обучались столярному искусству, работая на самодельных верстаках; в ней же происходили и школьные занятия. Тогда же в ведение яснополянской организации была передана Крапивенским уездным отделом народного образования бывшая церковно-приходская школа. Ее помещение в то время было единственным специально школьным зданием в Ясной Поляне. Народная библиотека, созданная, как сказано раньше,

Л. Н. Толстой за чтением текущей корреспонденции.

еще при жизни Толстого, с годами пришедшая в полный упадок, была значительно пополнена.

Эти просветительные начинания, а именно две школы и народная библиотека, уже в 1923 году получили общее наименование Яснополянской опытной станции Главсоцвоса. Станция продолжала работать в чрезвычайно тяжелых условиях, особенно в отношении помещений. Для некоторых групп пришлось пользоваться пустующей избой на деревне. Эта изба до самого последнего времени продолжала служить одним из школьных помещений.

В том же, 1923 году был заново спроектирован план нового здания школы-памятника Толстому. Фундамент его был заложен на новом месте, на «Кабацкой горе», где впоследствии и была выстроена ныне существующая школа. Не мало усилий и трудов было положено на это прекрасное сооружение. Первоначальных государственных средств на достройку здания и на этот раз не хватило. Приходилось ждать более благоприятных времен, а пока—принимать всевозможные меры к расширению площади помещений.

К осени 1923 года на средства, пожертвованные еврейско-американской организацией «Джойнт» и переданные в распоряжение заведующей А. Л. Толстой, была возведена на той же «Кабацкой горе» небольшая деревянная постройка *. К осени 1923 года были развернуты школа I ступени и 1-ая группа II ступени. В нижнем этаже флигеля было организовано общежитие для восьми крестьянских детей-сирот, учащихся в школе.

Чтобы не нарушать хронологического порядка, отметим, что к тому же 1923 году относится возобновление в Ясной Поляне амбулаторного приема больных, прекратившегося, как указывалось выше, в 1917 году. Прием больных врачом опытной станции начался еще в декабре 1923 года в помещении быв. библиотеки, временно переведенной в сторожку у башень въезда. В феврале 1924 г. Наркомздравом амбулатория была открыта официально. Осенью 1925 года организован яснополянский медицин-

* В настоящее время здание это, до сооружения строящегося специального дома, отведено под квартиры педагогического персонала.

ский участок, рассчитанный на обслуживание 18 селений. В том же году при амбулатории открыт зубо-врачебный кабинет и летние детские ясли в дер. Ясной Поляне.

Что касается сельского хозяйства заповедного имения, то первоначально, с 1921 г., оно велось коммунной. Последняя ликвидировалась уже весной 1922 года, а на месте ее образовалась трудовая артель из служащих и рабочих яснополянской организации. Эта артель при продовольственных затруднениях того времени служила не только подспорьем для ее членов. Хозяйство артели являлось вместе с тем материальной базой для всей музейной и просветительной организации.

Весной 1925 года была ликвидирована и эта артель, а хозяйство ее передано в управление музея-усадьбы, т.-е. при музее был организован совхоз.

Более ускоренный темп в развитии яснополянской организации наблюдается приблизительно с 1926—1927 года. В связи с общим экономическим укреплением страны и подготовкой к столетнему юбилею со дня рождения Толстого государственная помощь становится более систематической и широкой. Ассигнуются значительные кредиты на достройку школы-памятника, усиливается педагогический коллектив, отпускаются средства на приобретение школьного оборудования, кабинетов, библиотеки, учебных пособий и проч.

Параллельно с этим расширяется медицинская организация. С 1926 г. действуют вторые детские ясли в Телятинках. В 1927 г. открыта консультация для грудных детей и беременных женщин. Наконец, летом 1927 года, по проекту, утвержденному Наркомздравом и на его средства, на отведенном обширном участке земли, вблизи Засеки, приступлено к постройке образцовой участковой Яснополянской больницы в составе двухэтажного больничного корпуса, амбулатории, кухни, двух домов для врачей и служительского корпуса.

Так, в течение 5—6 лет постепенно развертывалась сеть культурно-просветительных и других организаций. Разные источники субсидирования в первые годы, постоянные перемещения учреждений, использование под временное их размещение всякой свободной строительной площади, чуть ли не самых башен у въезда в усадьбу,—

все это показывает, с каким трудом и настойчивостью создавалось то большое культурное дело, которое выросло теперь из доморощенных мастерских, ютившихся в одной комнатухе, из быв. церковно-приходской школы, из маленького сиротского приюта.

Надо еще отметить, что в течение этого последнего семилетнего периода не без содействия и участия яснополянской организации возродилось потребительское общество, а также возникли и многие другие общественные организации. Их мы назовем при общем обзоре существующих ныне учреждений яснополянского культурно-просветительного центра.

III. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР — ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Отдельные организации яснополянского культурно-просветительного центра обслуживают более широкий круг селений, но к району общего и непосредственного воздействия центра можно отнести пять из них, а именно: Ясную Поляну, Телятинки, Воробьевку, Грумант, Бабурино и Казначеевку.

В состав яснополянского центра, включая и его филиалы, входят следующие учреждения:

Учреждения культурно-просветительные.

Школа - девятилетка. Школа - девятилетка с весны настоящего года помещается во вновь отстроенном двухэтажном каменном здании школы-памятника Толстому. Помещение рассчитано на 270 учащихся. В нем имеется 9 классов, 2 кабинета и большой рекреационный зал с оборудованной сценой и техническими приспособлениями для кинематографа, с особой кино-комнатой. Юбилейным комитетом постановлено в вестибюле лестницы главного входа соорудить статую Толстого размером в два человеческих роста. Работа эта поручена скульптору Б. Д. Королеву.

Школа имеет сельскохозяйственный уклон; для окончивших ее, с одной стороны, открывается дорога в высшие учебные заведения, с другой стороны, они получают

возможность работать в деревне в разных видах кооперации в качестве лесных старост, контроль-ассистентов и помощников агрономов.

В будущих своих питомцах яснополянская школа больше всего желает видеть культурных земледельцев-общественников, обслуживающих многообразные нужды деревни.

Учебное с.-х. опытное поле. Школа-девятiletка имеет в Телятинках небольшое опытное поле. Здесь на практике, как и в совхозе усадьбы, ученики прорабатывают агрономические вопросы, изучают полевые севообороты, ставят опыты с минеральными удобрениями и проч.

Школа-семилетка. Вторая школа, семилетка, помещается в Телятинках. Выше уже говорилось, что эта деревня находится в 3 вер. от Ясной Поляны. Школа-семилетка имеет профессиональный уклон, или, вернее сказать, отправляясь от схемы единой трудовой школы, профессиональную надстройку с трехлетним курсом. Конечное назначение этой школы—готовить квалифицированных мастеров. Трудно поверить, что эта школа органически выросла из первоначального, более чем скромного начинания, возникшего на территории исторической Толстовской усадьбы в 1922 году. Теперь столярная мастерская механизирована, имеет станки и инструменты на 40 человек обучающихся. Предполагается также оборудовать слесарную и швейную мастерские.

Все последние годы мастерская постоянно исполняла различные заказы яснополянской организации по столярным работам вновь строящихся зданий.

Наличие двух упомянутых школ позволяет яснополянскому педагогическому коллективу, начиная с третьей группы, намечать и проводить отбор учеников в зависимости от их склонностей и способностей. Ученики, обнаруживающие в первые 3—4 года обучения значительную общую одаренность, направляются в школу-девятiletку; более склонные к техническим профессиям, направляются в школу с профессиональной надстройкой.

Интернат. Как сказано выше, в быв. доме Чертова в Телятинках размещается интернат на 40 человек

детей-сирот и беспризорных. Половина состава живущих здесь детей пополняется московским центром. Другую половину составляют крестьянские сироты местного района.

Детские сады. В области дошкольного воспитания созданы два детских сада, действующих круглый год: в Ясной Поляне на 27 человек (помещение бывш. церковно-приходской школы в конце деревни, рядом с кооперативом) и в Телятинках на 25 человек, в бывш. доме Черткова.

Детские площадки. На два летних месяца открываются детские площадки: в Ясной Поляне, в Телятинках, в Воробьевке и в Груманте.

За год через эти учреждения дошкольного воспитания проходит не менее 250 детей. Детские сады и площадки включают в свои задачи привитие детям трудовых и санитарно-гигиенических навыков. Дети занимаются разведением цветников и огородов, уходом за животными, мастерством, вырезыванием из картона, рисованием и т. д. Устраиваются образовательные прогулки по окрестностям, детские игры. Руководительницы детских садов и площадок стараются охватить своим влиянием не только детей, но и их матерей путем бесед, собраний, организацией вечеров и проч.

Ликпункты. На средства местного районного исполнительного комитета и общества «Долой неграмотность» (ДН) содержатся три пункта по ликвидации безграмотности: в Ясной Поляне, в Телятинках и в Груманте. С получением кредитов эти пункты будут преобразованы в школы для малограмотных.

Учительский практикум. Кроме постоянного участия педагогического коллектива Яснополянской опытной станции в очередных и чрезвычайных общегубернских конференциях, методических заседаниях и в разработке планов годовых и триместровых, в 1927 году, в виде опыта, станцией был организован трехнедельный учительский практикум с вовлечением в него учителя губернии. Здесь разрабатывались, главным образом, вопросы общественно-полезного труда и общие вопросы методики преподавания.

Народная библиотека и читальня при ней. Народная библиотека временно помещается

В доме гр. Воробьева в дер. Ясной Поляне. Библиотека включает в себя до 6.000 томов. Количество абонентов растет из года в год.

Школьная библиотека. Кроме этой библиотеки общего пользования, при школе-девятилетке имеется специальная школьная, обслуживающая учащихся и педагогический персонал. Все выше поименованные учреждения входят в опытную станцию «Ясная Поляна» Главсоцвоса.

Совхоз музея-усадьбы. К сети культурно-просветительных учреждений следует отнести совхоз музея-усадьбы. Назначение его быть: 1) хозяйственно-экономической базой для музея-усадьбы, 2) учебным хозяйством для школы с сельскохозяйственным уклоном и 3) агрикультурной базой для крестьянского населения яснополянского района.

Совхоз организован на 201 дес. заповедного имения Ясная Поляна. Распашной земли в нем около 48 дес. Остальная площадь занята усадьбой, лугами и, главным образом, лесом.

В совхозе, до известной степени механизированном, введен девятипольный севооборот; налажено молочное хозяйство. Организационный план строится на основах самокупаемости. В интересах улучшения хозяйства района в совхозе имеются случайные пункты разного вида сельскохозяйственных животных. Организуются с помощью Тульского губзу образцово-показательный садовый участок, зерноочистительный пункт, практикуется прокат сложных машин (трактор, тракторный плуг и рандаль, сложная молотилка, клеверотерка и пр.) и сбыт молочных продуктов совместно с яснополянской молочной артелью (о ней—ниже).

Таковы культурно-просветительные учреждения яснополянского центра.

Желающие более подробно ознакомиться с их деятельностью найдут соответствующие сведения в подготавливаемом к печати юбилейном педагогическом сборнике «Ясная Поляна», а также на показательной выставке опытной станции, организуемой к юбилейным дням.

Учреждения медико-санитарные.

Участковая больница. Участковая больница будет помещаться в названном выше двухэтажном здании на больничном участке в полуторе версте от деревни. Рассчитана она на 30 коек, в том числе 5 родильных и 5 заразных. Во вновь отстраиваемые помещения на больничном участке будут переведены и остальные медицинские учреждения, которым до этого времени приходилось работать в невероятной тесноте.

Учреждения эти следующие:

Амбулатория. Врачебный амбулаторный прием производится 6 раз в неделю. Количество посещений в 1927 году было 16.771.

Зубо-врачебный кабинет. Зубо-врачебный кабинет открыт тоже 6 раз в неделю. Количество посещений за год 1.854.

Консультации для грудных детей и беременных женщин работают с 1925 года. За детьми, зарегистрированными в консультации, ведется регулярный надзор на дому через сестру-обследовательницу.

Детские ясли. Детские ясли, организуемые в летние месяцы, имеются в дер. Ясной Поляне, Телятинках и проектируются в дер. Кривцове.

Медицинский участок. Работа яснополянского медицинского персонала, обслуживающего 18 селений, помимо того, в 1927 году выражалась в помощи роженицам на дому, в надзоре за школами и периодическом осмотре школьников, в посещении тяжело-больных на дому (за 1927 год было 485 выездов, покрыто 3.800 километров), в лекциях и беседах на медицинские и санитарные темы в школах и в избах-читальнях (в среднем 5—6 лекцией в месяц), в подробном обследовании некоторых селений, в работе сестры-обследовательницы, в борьбе с эпидемиями, в прививке оспы (6.282 чел. за 1927 г.) и др. работах.

Учреждения общественные.

Народный дом. Народный дом в дер. Ясной Поляне основан в 1925 году по инициативе губернской

совпартшколы. Здание сооружено за счет губернских средств при содействии местного населения. Оборудована сцена. Имеется радио с громкоговорителем.

Сельскохозяйственное кредитное товарищество. Открыто в 1926 году, как сельскохозяйственное, реорганизовано в 1928 году в кредитное с распространением района своей деятельности на 22 прилегающие к Ясной Поляне селения. Оно снабжает население семенами, сельскохозяйственными машинами, кровельным железом, строительными материалами и выдает денежные ссуды.

Т-во содержит зерноочистительный пункт и имеет молотилку, работающую электрическим мотором; электрическая молотба обходится дешевле конной. Правление помещается в дер. Ясная Поляна, дом гр. Орехова,

Молочная артель «Утренняя Заря». Близость такого крупного центра, как Тула, и все другие естественно-исторические и экономические условия дер. Ясной Поляны дают основание для выработки в сельском хозяйстве данного района молочных продуктов. В интересах развития сбыта молока без посредничества разного рода перекупщиков в деревне в 1925 году организована молочная артель (контора артели помещается в доме Ляпунова).

Сел.-хоз. т-во облегчает крестьянам приобретение жмыхов, свеклы, концентрированных кормов, способствуя таким образом развитию молочного дела в районе.

Потребительское общество. Яснополянское потребительское общество, основанное, как было сказано, А. Л. Толстой в 1911 г. и прекратившее свою деятельность в 1919 году, вновь возобновило ее в 1924 году. В него входят, кроме дер. Ясная Поляна, еще 7 деревень. Оно имеет два отделения: на станции «Ясная Поляна» и в деревне Дворицах. Годовые обороты его более ста тысяч рублей. Оно имеет свое производственное предприятие: пекарню для снабжения населения белым и черным хлебом (помещается в Ясной Поляне, в своем доме, в середине деревни).

Пчеловодная артель имени Л. Н. Толстого. Эта пчеловодная артель основана в 1924 году. Пасека в настоящее время насчитывает более 100 рамочных

ульев. Ставится опыт перевода пасеки на кавказскую пчелу. Пасека помещается в яснополянском яблонном саду (против флигеля), на том месте, где помещалась пасека и в последние годы жизни Толстого.

Пчеловодная артель имени М. И. Калинина. Вторая пчеловодная артель им. Калинина основана тогда же (1924 г.) и имеет равным образом до 100 рамочных ульев. Пасека ее находится в Засеке на границе больничного участка.

Учреждения связи.

Почтовое агентство «Ясная Поляна» производит все почтовые операции. При агентстве имеется сберегательная касса (прием и выдача вкладов).

Почта отправляется ежедневно, кроме воскресенья, в 8 часов утра. Прибывает с почтово-телеграфного отделения Щекино (в 6 километрах) в 11 час. 30 мин. дня.

Агентство принимает телеграммы, которые отправляются с первой отходящей почтой до Щекино, откуда передаются по телеграфу. Получение телеграмм возможно с нарочным из Щекино (доставка 1 р. 20 к.) или же почтой (доставка бесплатно).

Производится прием подписки на все периодические издания.

Доставка корреспонденций в пределах усадьбы-музея и дер. Ясная Поляна производится ежедневно на дом.

Предполагается открытие междугородной телефонной подстанции и установка телеграфа.

IV. ОПЫТ ВСЕСТОРОННЕГО КУЛЬТУРНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАСЕЛЕНИЕ ЯСНОПОЛЯНСКОГО РАЙОНА.

Всего семь лет назад район, окружавший знаменитую Толстовскую усадьбу, в культурном отношении был более или менее типичным захудалым, забытым, темным и грязным уголком центральной России. Теперь Ясная Поляна имеет около тридцати просветительных, медико-санитарных и общественных учреждений. Не отсталым, а видным культурным центром не только одной Тульской губ.

становится Ясная Поляна. Из ряда районов взят один и на наших глазах превращается в культурный оазис. Под воздействие этого центра поставлены: экономика, интеллектуальное развитие, здоровье, словом весь быт местного и окружающего населения. Можно ли отрицать глубокий интерес этого исключительного в сельских условиях опыта? Невольно рождаются вопросы: есть ли результаты культурного воздействия на население яснополянского района? Нельзя ли теперь же учесть существующие завоевания в области экономики, санитарных условий жизни, грамотности, роста культурных потребностей и т. д.?

Разумеется, для статистического, научно поставленного учета время еще не настало. По докладу А. Л. Толстой Юбилейному комитету именно такого рода учет будет возможен в результате десятилетней работы только теперь вполне сложившегося ядра главных учреждений. Однако, и сейчас уже влияние яснополянского центра ощущается, и нам бы хотелось в заключение хоть отчасти осветить некоторые его стороны.

Главный очаг воздействия сосредоточен, конечно, в организации опытной станции «Ясная Поляна». Не ограничиваясь молодым поколением, она стремится воздействовать и на старшее, ликвидируя его безграмотность, устраивая лекции, концерты, спектакли и проч. Но главная задача станции—охватить своим влиянием молодое поколение деревни с самого раннего возраста. Каждый новорожденный яснополянец, телятинец или воробьевец имеет возможность со ступеньки на ступеньку этой организации дойти до самых верхов ее и получить свое законченное, трудовое оформление: ясли, детские сады и площадки. школа-девятилетка, профессиональная квалификация, Полный простор в выборе профессии в зависимости от индивидуальных способностей, чего так недоставало старой школе. Особенно важно, что формирующийся гражданин имеет все это в пределах района своего коренного местожительства, не порывая связи с трудовой жизнью своих отцов и матерей. Он изучает все ее язвы и слабые места с помощью знаний и школьного руководства, и самым фактом своей непрерывной связи и с семьей, и со школой оказывает на семью огромное влияние. Ведь деревня

для Яснополянской школы является своего рода живой лабораторией. На ней и в ней прорабатываются вопросы экономики, сельского хозяйства, статистики, гигиены и всего крестьянского быта. В этом отношении интересным материалом может служить готовящийся к печати юбилейный сборник яснополянской школьной сети, некоторые статьи которого посвящены именно этой области школьной работы.

Ограничимся здесь перечислением лишь тех работ, которые ведутся различными группами учеников по вопросам сельского хозяйства. Так, например: 1-я группа занимается собиранием семян древесных пород для питомника и сажает цветочную рассаду для раздачи ее населению. 2-я группа также собирает древесные семена, знакомится с мерами борьбы с вредителями садов, исследует для крестьян семена с.-х. растений на всхожесть и проч. 3-я группа закладывает семенники кормовой свеклы, устраивает цветники, тоже испытывает с.-х. семена на всхожесть, работает в питомниках и цветниках. 4-я группа знакомится с простейшими севооборотами на небольших участках, закладывает садовый питомник, компосты, делает простейшие анализы почвы. 5-я группа ставит опыты укрепления оврагов, производит опыты посевов, исследует яровые семена. 6-я группа занимается уборкой кормовой свеклы, составляет нормы кормовых дач по датскому способу. 7-я группа также составляет кормовые дачи, проводит агитацию в соседних деревнях за правильное кормление скота, работает на опытных участках, ведет борьбу с вредителями. 8-я группа—производит анализ почвы, ставит опыт различной обработки паров, применения искусственных удобрений, кормления скота свеклой или картофелем, агитирует в соседних деревнях за многополье.

Достижения в сельском хозяйстве.

Уже отсюда видно, что интересы земледельческого населения близки школе. В области сельскохозяйственной влияние яснополянского культурно-просветительного центра уже сказалось в значительных достижениях. История их, изложенная в статье агронома И. В. Долинино-Иванского (см. упомянутый яснополянский сборник) такова.

Еще с 1924 г. ученики Яснополянской школы прорабатывали темы по сельскому хозяйству, в том числе по вопросу о травосеянии и плодосмене. В совхозе усадьбы учащиеся видели совсем иные приемы культивирования растений и содержания животных, сравнительно с порядками рядового крестьянского двора. Теоретическая подготовка на ряду с практическими работами по сравнительному учету урожайности в совхозе и в крестьянском хозяйстве убедили прежде всего учеников в несомненном преимуществе многополья перед трехпольем. В этом вопросе ученик сделался звеном между семьей, с одной стороны, и школьными преподавателями и агрономом, с другой. Неудивительно, что таким образом поставленная агрономическая пропаганда в связи с неоднократными беседами агронома совхоза непосредственно с населением не замедлила дать обильные плоды.

Граждане Ясной Поляны составили протокол о переходе на пятипольный севооборот проф. Дояренко. Уже весной 1925 г. клевер стал впервые сеяться на крестьянских полях. Три ближайшие деревни тоже перешли на многополье. Таким образом была выполнена первая часть организационного плана крестьянского хозяйства данного района, строящегося на основе развития животноводства с введением травосеяния в полевую культуру.

Раннею весною того же 1925 года началась подготовка к проведению в жизнь и второй части этого плана, а именно к самой организации животноводства. Общие вопросы его (кормовые нормы, определение молочности, живого веса, экстерьера и пр.) сделались предметами бесед на уроках природоведения в шестой группе Яснополянской школы. Параллельно с беседами был сделан опыт правильного кормления по датскому способу над двумя коровами, из которых одна принадлежала хозяйству музея, а другая—гражданину дер. Ясной Поляны Воробьеву. Ребята, измерявшие удои, и хозяин коровы воочию убедились в преимуществах рационального кормления скота. Молва о воробьевской корове, поднявшей удои с 13 до 20 бутылок, пошла по всей деревне. К концу года школьники отправились на деревню составлять нормы коровам, принадлежавшим их отцам или их соседям. В 1926 году кормовые нормы были составлены для 116 коров из 139,

имевшихся в Ясной Поляне. Некоторые хозяева сами, не дожидаясь очереди, просили об этом.

В последующие годы работа по составлению норм для деревенских коров является как бы обычным занятием для учащихся. В результате датский способ кормления скота все более входит в обиход крестьянских хозяйств. Надо думать, что уже недалеко то время, когда молочное хозяйство не только в Ясной Поляне, но и в других деревнях района будет поставлено на должную высоту.

К культурным завоеваниям в области сельского хозяйства, помимо введения многопольного севооборота и правильной организации кормления скота, надо отнести еще распространение в районе чистосортного семенного материала, а также получение в крестьянском животноводстве приплода более высокого качества.

Результаты этой работы зерноочистительных, случных и др. пунктов в настоящее время еще трудно учесть. Можно, напр., отметить, что высокосортный Шатиловский овес, распространяемый яснополянским центром, прочно укрепляется в деревнях района, вытесняя местные, легковесные и малоурожайные сорта. Семь селений целиком перешли к посеву Шатиловского овса вместо простого.

Итак, в сфере чисто экономической, сельскохозяйственной произошли уже значительные сдвиги.

Общекультурное влияние.

Помимо общеобразовательных предметов, школа уделяет внимание физическому развитию учащихся. Уже возникают спортивные кружки; зимой этого года устраивались лыжные состязания с выдачей призов.

На уроках рисования и музыки закладываются основы художественного воспитания, и в толщу деревенской массы через учеников, выставки и концерты проводятся незнакомые раньше навыки восприятия плодов человеческого гения.

Введение в школе часов слушания музыки и уроков пения под руководством специалисток с музыкальным образованием дало результаты, превосходящие всякие ожидания. Для того, чтобы судить о достижениях в этой области, достаточно побывать хоть на одном музыкально-вокальном вечере в Ясной Поляне или в Телятинках.

Ученики и ученицы старших групп с такой удивительной тонкостью, четкостью фразировки и выражением исполняют произведения Глинки, Римского-Корсакова, Шуберта, Грига и др. композиторов, что некоторые хоровые вокальные номера в их исполнении, без всякого преувеличения, могут служить украшением программы городских концертов. Музыкальные вечера доставляют истинное наслаждение не одному коллективу работников яснополянской организации. Вся аудитория — молодежь, родители, вообще все представители деревни — слушает эстраду с напряженным вниманием в чуткой тишине всего зрительного зала. Как-то не верится, что находишься в настоящей русской деревне, что поют это рядовые крестьянские дети — плоть от плоти и кость от кости внимающей им аудитории. Подобного явления еще года 3—4 тому назад не было и быть не могло.

Громадное развивающее значение имеют разного рода вечера, спектакли, лекции со световыми картинами, кино и проч. Именно на такого рода массовых собраниях человеку, знакомому в течение нескольких последних лет с Яснополянским районом, легче всего подметить, какой шаг вперед сделан населением в области общего интеллектуального развития.

Санитария, гигиена и общее благоустройство.

Многое достигнуто и в области гигиены, санитарии и общего благоустройства деревни. Влияние в этом отношении работы врача, сестры-обследовательницы и всех учреждений школьной сети, начиная с детских садов и площадок, без проведения специальной анкеты не поддается цифровому учету. Однако, диспансеризация, обследования быта, создание в крестьянских домах школьниками, пока своих, «уголков чистоты», кино-лекции и беседы на соответствующие темы, — все эти волны санитарно-гигиенического воздействия, несомненно, обмывают быт старой деревни. Постепенно она меняет свой облик. Огромные препятствия еще встречаются в бедности обстановки жизни, в укоренившихся веками предрассудках и привычках, но некоторые положительные факты и сейчас уже бросаются в глаза.

Дети и юноши школьного возраста стали ходить чище и опрятнее. В некоторых домах члены семьи едят каждый из отдельной посуды, а не из одной общей миски. В местном кооперативе имеют очень большой сбыт зубные щетки, в целях поощрения этого новшества амбулатория бесплатно отпускает зубной порошок.

Увеличивается жилая площадь во вновь строящихся домах. Внутреннее расположение жилищ рационализируется. В некоторых случаях можно отметить такое небывалое явление, как устройство в окнах форточек, что до сих пор, как известно, даже в городах нередко считается предрассудком.

Больше внимания, хотя все еще недостаточно, уделяется дорогам. В этом отношении застрельщиком является молодое поколение. Были случаи, что на общественные работы, напр., по устройству шлаковой дороги от шоссе до деревни, на работу по починке дороги в Телятинки, первыми являлись школьники, увлекая за собой остальное население деревни. Ростки общего благоустройства медленно, из года в год пробиваются на свет и воздух из-под вековой грязи и тины.

Деревню Ясную Поляну становится трудно узнать. Преобладают кирпичные избы. Многие из них крыты железом, приобретаемым в местном кредитном т-ве. Почти все избы освещены электричеством. Разводятся огороды и цветники. В деревне существует почта. Еще 2 года тому назад газеты из Москвы приходили иногда на 5—6 день и за ними приходилось ездить за 8 верст в Щекино. К юбилейным дням будет открыт и телеграф. В музее-усадьбе имеется телефон. В летний сезон от Тулы до Ясной ходит автобус.

Какое громадное культурное значение для деревни имеет установление почтовой, телеграфной и дорожной связи, об этом много распространяться не приходится. Связь эта есть одно из неперемennых условий духовного и экономического прогресса.

Итак, основы яснополянского центра заложены. Обстановка для дальнейшего его развития на лицо. По мере работы центра растут и будут расти культурные потребности населения. Самый факт существования группы молодых,

только что возникших учреждений предопределяет дальнейший рост окружающего их благоустройства, народение новых учреждений, выдвижение новых задач и их осуществление. Разрастающийся поселок не может мириться с отсутствием водопровода. Намечено замощение деревенской улицы и некоторых дорог по усадьбе-музею. В условиях культуры и благоустройства легче создать и новые учреждения, необходимые данному району Тульской губ. Предполагается организация метеорологической станции, агрономического участка, государственного опытного поля.

По деревне уже ходят разговоры об устройстве общественной сельской бани. В сфере коллективизации земледельческого хозяйства намечается выделение из сельского общества группы хозяев на отрубной участок вблизи деревни.

Близкий источник снабжения электрической энергии, подаваемой с завода «Косая гора», в состоянии обеспечить более глубокую электрификацию местного хозяйства.

Трудно предвидеть все те возможности и перечислить все те потребности, которые выдвигает преобразенная жизнь. Дела предстоит еще много, но главное уже сделано. Знаменитая Толстовская усадьба,—один из пунктов мирового внимания,—уже не граничит с забытой государством деревней. Ясная Поляна выделяется на окружающем фоне. Ясная Поляна — источник света. Красивое название, в далекую старину присвоенное местности, расчищенной от глухих дебрей и зарослей, последующая близкая нам история наполнила иным внутренним содержанием и вдвойне оправдала его.

В царские времена, когда Толстой был утешением среди русской неприглядной действительности, при слове «Ясная Поляна» невольно возникало представление о чем-то светлом и радостном. Время не стерло этого представления. Толстой умер, но творчество его живет. Сохранены памятники его жизни и отражения его духа, а вокруг них растет и ширится очаг просвещения и культуры. И попрежнему при слове «Ясная Поляна» возникает представление о чем-то ясном и светлом, о чем-то радостном и утешительном.

Ясная Поляна!

ПРОЕКТ НОВОГО МУЗЕЯ ПОД НАЗВАНИЕМ «ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ».

Кроме музея в главном доме, Юбилейный комитет по докладу А. Л. Толстой решил организовать в Ясной Поляне новый музей выставку: «Лев Толстой в Ясной Поляне».

ПОТРЕБНОСТЬ В ТАКОМ МУЗЕЕ.

Основная задача музея-усадьбы «Ясная Поляна», «собрать, охранить, сделать доступными человечеству и показать памятники творчества и жизни Л. Н. Толстого, поскольку они запечатлены в том главном месте его жительства, каковым была для него Ясная Поляна в широком значении этого слова».

Согласно этому, большой дом, в котором жил Л. Н. Толстой с своей семьей, сохраняется, как меморативный музей в том виде, в каком он был оставлен им осенью 1910 года. Отсюда следует, что в этом помещении яснополянского музея могут демонстрироваться только те предметы и обстановка, которые относятся главным образом к последнему периоду пребывания Толстого в Ясной Поляне. В соответствии с этим и объяснения, даваемые посетителям дома-музея, могут во всяком случае только отчасти затрагивать другие весьма важные этапы долголетней и многообразной яснополянской жизни и деятельности Льва Николаевича. Достаточно сказать, что, родившись в Ясной Поляне, Толстой жил здесь и ребенком, и отроком, и юношей, и мужем и старцем, в общей сложности не менее 70 лет. Главным образом в Ясной Поляне складывался его характер, привычки, вкусы, взгляды, мировоззрение. Здесь он переживал падения и разочарования, переломы и подъемы, словом едва ли не все наиболее важные моменты своей душевной, художественной и морально-творческой работы, завершившейся трагически-величественным актом—уходом из Ясной Поляны на 83 году жизни. Здесь же состоялись его грандиозные гражданские похороны и покоится его прах.

С Ясной Полянкой живейшим образом связано замечательное, непостижимое, полное противоречий и вместе с тем согласованности и повторяемости разнообразие духовных и жизненных интересов Толстого. Ясная Поляна видела Толстого не только маститым старцем и Великим писателем русской земли—она знала и видела:

Толстого-педагога, Толстого-помещика, сельского хозяина, лесовода, садовода, пчеловода и промышленника-предпринимателя; Толстого, отрицающего всякую собственность, спортсмена-охотника и вегетарианца, холостяка и семьянина, мирового посредника, судебного защитника, аристократа и народника, националиста-патриота и анархиста-непротивленца, филолога-лингвиста, любителя астрономии и всяких знаний и отрицателя науки, начинающего и великого писателя, общественного деятеля, проповедника и революционера.

Как же отразить всю эту колоссальную многогранность в обстановке одного жилища, в обстановке, неоднократно менявшей свое лицо во всех отношениях и в конце концов приуроченной к 1910 году? Сделать это, само собою разумеется, невозможно.

Следы творчества и жизни Толстого, объекты его влияний и восприятий рассеяны далеко за пределами жилища Льва Николаевича.

Ясная Поляна и ее окрестности, ее обитатели и гости в разные периоды яснополянской жизни, местные крестьяне и отдельные жители, окрестные селения, поля, пашни, луга и леса, окружающая природа и люди были тем главным и любимым полноводным источником, из которого гений Толстого черпал свои вдохновения, свои образы, мысли и чувства. Большинство художественных, религиозно-философских и публицистических творений Толстого создавались им в Ясной Поляне. Музейно сохранить и хоть в слабой степени, отразить все это небывалое в истории человеческой личности историческое богатство, небывалое уже по концентрации и запечатленности в одном пункте, несомненно, входит в прямую задачу яснополянской музейной организации, как эта задача определена выше и диктуется интересами культуры. Многие экспонаты для нового музея уже имеются в распоряжении музея-усадьбы. Это те вещи, которые сейчас не демонстрируются в доме музея в виду меморативного характера этого музея.

II. ОБЩАЯ СХЕМА ОТДЕЛОВ НОВОГО МУЗЕЯ.

Под новый музей отводится верхний этаж флигеля, известный под именем дома Кузминских, в котором когда-то была школа Л. Н. Толстого.

Давая представление о главнейших моментах яснополянской жизни Толстого, новый музей отчасти должен служить наглядным пособием по обзору и изучению Ясной Поляны и ее окрестностей.

Общая схема музея «Л. Н. Толстой в Ясной Поляне», не касаясь подробного конспективного плана, намечена следующим образом:

Отдел первый.—Естественно-исторические и этнографические условия Ясной Поляны.

Отдел второй.—Предки Л. Н. Толстого. Историч. прошлое имения Ясная Поляна. Некоторые предметы обстановки и вещи воспитательниц Л. Н. Толстого—Т. А. Ергольский и П. И. Толстой. Некоторые экспонаты из периода детства, отрочества и юности Толстого.

Отдел третий.—Яснополянская школа и педагогическая деятельность. Мировое посредничество. Женитьба, семейная жизнь, сельское хозяйство, охота, литературная деятельность первого периода и времени писания больших романов.

* Отдел четвертый.—Перелом. Посредник. Религиозно-философские статьи. Проповедническая, оппозиционно-политическая и общественная деятельность.

Отдел пятый.—Последний период: экспонаты последнего периода, которые не могут демонстрироваться в большом доме в виду меморативного характера этого музея.

Отдел шестой.—Уход из Ясной Поляны, похороны и могила.

**СПИСОК КНИГ, БЫВШИХ В КАБИНЕТЕ Л. Н. ТОЛСТОГО,
КОГДА ОН ОСТАВИЛ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.**

1) На столе около кресла:

Pascal, Pensées (с пометками для «Круга чтения»).

The open Court (христианский английский журнал).

L'ère nouvelle.

The New Reformer.

Дубовицкий. Самоуничтожение. (Гемлеустройство). Каталог народной библиотеки.

Русские пословицы.

Montaigne Essais.

Вера Джонстон. Шри-Шанкара-Азария (индийский мудрец).

Наживин. (Голоса народов, Бабиты, Винекананда).

Н. Руссель. Мысли вслух (изд. в Нагасаки).

Трегубов. Беседа «брата Иоанна» Чурикова.

Михаил Шустин. (Рукопись со стихами и письмом к Льву Николаевичу «Болезни страны и как рождены». «Жизнь» в России простого рабочего народа в прежние времена и до настоящего времени—1907 год». Эта рукопись есть образец многих сочинений, которые присылались Льву Николаевичу для отзыва о них).

Снегирев. Новый сборник русских пословиц и притчей. 1857 г.

Иллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. 1910 г.

На столе, кроме того: папки, два портфеля, черепаха-звонок, пресс-папье и зеленое стекло с надписью, здесь же шкатулка для бумаг, коробочка с картами для пасьянса, конверты, бумага.

2) На полке:

Полный словарь Брокгауза и Ефрона (в нем много закладок и пометок).

Брошюры. Изд. «Посредник».

В. Гюго. Бедные люди.

Л. Толстой. Рассказы.

Письма декабристов.

Оттиски из «Русских Ведомостей» 27 января 1910 г., статья князя

- Г. Львова «О духоборах в Канаде».
 Крестьянский Генрих Блок. (Оттиск из «Русского Богатства».)
 Барятинский. Симфония (синоптическое Евангелие).
 1 янв. 1910 г.
 Toranosuke Miyazaki. «My new Gospel», Tokyo.
 Joseph Doke. Ghoudi, a patriot in South Africa.
 D. T. Massaryk. Der selbst mord der Social Massenersheinung des
 Modernen Civilisation.
 Л. Андреев. Анагма.
 I. A. Leighton. Typical modern conception of God.
 М. Гюйо. Сочинения.
 Пругавин. Раскол сверху и внизу.
 Buddischer Katechismus.
 Sulhadra Bhikschi.
 Des Angelus Silesius Cherubinischer Wandersmann nach der Aus-
 gabe 1675 г. (с заметками Л. Н.).
 Благочестивые мысли и наставления общества распро-
 странения полезных книг.
 Carus. The Gospel of Buddha.
 L. Tolstoy The law of force and the law of love.
 Amiel Journal intime.
 Конфуций. Середина и постоянство.
 Sayings of Ramarkrishnu. Parahomsa (Modrus 1905).
 Vedic Mogosine.
 Kant.
 Touan Walden, my life in the woods.
 Le nouveau testament, 1907.
 Lamennois. Paroles d'un croyant.
 Carlyle. Thoughts The work of my life.
 Thoughts from Hazlitt.
 Thoughts from Emerson.
 The mystic text book.
 The sayings of Mahomet.
 Shoulze Buddhos Leben und Werken.
 Charles Fox. The Pilgrims. An allegory.
 Of the soul progress from the cartily to the heavenly state (с над-
 писью автора).
 Ольденбург. Будда.
 Коган (по-немецки).
 Marc Aurels Selbstgespräche.
 Clarence S. Darrow. Resist not evil 1904.
 I. W. Heisinger. The light of China.
 The Paotch King of Laotze.
 P. Carus Loozte's Taoteh—King.
 Фаусболль. Сутта—Нинма, перевод Герасимова.
 Рис-Дэвидс Буддийские Сутты, перев. Герасимова.
 Ксенофонт. Memorabilia.
 Society of Vedanta. Philosophy (New York) lectures by Swami
 Abhedamanda of spiritnal Unfoldment.
 Das Banner des Freiheit (журнал).
 М. Гюйо. Безверие будущего.

Vedanta Philosophie. 8 выпуск.ов.
Kleiner Baddistischer Katechismus.
Worlds Advance Thoughtanduni (журнал) Versal Repyblic.
Wohlstand für Alle.
Masaryk.—Grundlage des Marxismus.

3) В е р т я щ и й с я с т о л и к :

- Круг чтения.
А. С т р а х о в. Искание истины.
Maupassant. Le colporteur.
Г и к м а н и М а р к с. География и статистика.
Карманный атлас.
Д о с т о е в с к и й. Братья Карамазовы.
Montaigne. Essais.
Б о р о в о й. Революционное миросозерцание.
К р о п о т к и н. Анархия. Узаконенная месть. Что делать.
Завоевание хлеба. Речи Бунтовщика.
Б а х. Экономические очерки.
«О с в о б о ж д е н и е» (некоторые №№).
К о р о л е н к о. Бытовое явление.
Е. А г т а н d. Quiest ce qu'un anarchiste?
Э л ь ц б а х е р. Сущность анархизма.
К а у т с к и й. Очередные проблемы.
Р е к л ю. Эволюция, революция и идеал анархизма.
М а л а т е с т а. Краткая система анархизма.
Р у д о л ь ф Ш т а м м е р. Теория анархизма.
Ч е р к е з о в. Доктрина анархизма и др.
К р а в ч и н с к и й. Андрей Кожухов.
Kenworthy. The Anatomy of Misery.
Morrison Davidson (три брошюры против империализма).
P. H. Loyson (против непротivления).
Petite lettre au grand Tolstoï (Aurose 15/VIII—1908).
Из писем военного судьи к другу (корректурные гранки).
Воспоминания одной политической ссыльной, 1883 г. (рукопись).
Р у д а к о в. Богослужение.
Charbonnel. Les fêtes philosophiques et morales de la revolution,
Mai 1907.
Номера журналов: Der Socialist, The free Hindostan, The Review
of religions, The Vedic Magazine, Regress in Thought, Wored advance
thought.
Л ы т к и н. Учебник общей географии.
Г ю н т е р. Физическая география.
М е л ь г у н о в. Первые уроки истории.
Ч и ж о в. Тайны и чудеса Божьего мира.
Г о р б у н о в. Наша земля.
С и н к л е р (книга поэзий и прозы). Opinions contradietoires
sur les oeuvres de Shakespeare.

ОПИСЬ ВЕЩЕЙ В СПАЛЬНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Постель с одеялом, двумя простынями, двумя матрацами, покрывалом для ног и двумя подушками, из которых одна—подарок сестры.

Тумбочка, принадлежавшая раньше воспитательнице Льва Николаевича Татьяне Александровне Ергольской. На ней вязаная скатерть, круглые часы с подставкой, колокольчик, подсвечник со свечкой, спичечница, высокая коробочка, куда Лев Николаевич ставил на ночь свое самопишущее перо и некоторые лекарства. В ящике тумбочки лежат бинты, свисток, шелковые шапочки, запанки и некоторые лекарства. Под ящиком, на полке и под ней—кавказские мягкие сапоги, туфли, сапожные гвозди и пр.

Два стула.

Два кожаных кресла работы местного столяра.

Ломберный стол. На нем лекарства, тертый миндаль, два электрических карандаша.

Круглый столик.

Тумбочка около окна. На ней графин с водой, 4 стакана и тарелка, на которой после ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны остались два яблока и груша.

Шкаф отца Л. Н. Внутри—белье и пр. и, между прочим, чернильница отца Л. Н. На шкафу—складное зеркало, ножницы, гребень и т. п.

Палка, плетка, зонтик, простой деревянный умывальник с принадлежностями.

Шифоньерка, принадлежавшая Т. А. Ергольской.

Полка над умывальником.

Вешалка для полотенец.

Вешалка для платья.

Портреты: 2 фотографических портрета С. А. Толстой (один—невестой 60-х годов, другой 80-х годов), фотографический портрет отца Льва Николаевича (с акварели). Портреты масляными красками: Татьяны Львовны Сухотиной и кн. Марии Львовны Оболенской (первый работы Ю. И. Игумновой, второй—Т. Л. Сухотиной).

Полокка в углу. Французские переводы сочинений Льва Николаевича—17 томов. Деревянная кубышка с ватой и клеенкой.

Зеркало стенное в раме простого дерева.

На окнах две пары стор.

Стенной градусник.

МАРШРУТЫ ЭКСКУРСИЙ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ ИЗ МОСКВЫ.

От Москвы до ст. «Ясная Поляна» по Моск.-Курс. ж. д. 211 км. Переезд занимает от 6 до 8 часов, в зависимости от поезда.

Билет в жестком вагоне стоит в почтовом поезде с плацкартой 4 руб. 64 коп. Отправление из Москвы с Курского вокзала 8 ч. 45 м. Прибытие на ст. «Ясная Поляна» в 2¹/₂ ч. утра. Стоимость проезда в товаро-пассажирском поезде—около 4 р. Отправление из Москвы 12 ч. 40 м. ночи. Прибытие на ст. «Ясная Поляна» в 7 часов утра. В мягком около—10 р. Скорые и курьерские поезда в «Ясной Поляне» не останавливаются.

От ст. «Ясная Поляна» до музея-усадьбы 3¹/₂ км. Расстояние это легко и просто пройти пешком. Извозчиков на ст. «Ясная Поляна» не бывает, и рассчитывать нанять лошадей здесь нельзя. Около станции имеется чайная, где всегда можно в зимнее время обогреться в ожидании поезда или рассвета.

Вокруг ст. «Ясная Поляна» имеются дачные постройки. Летом здесь много дачников и отдыхающих. Имеется кооперативная лавка, где можно достать продукты.

Шлаковое шоссе в Ясную Поляну проложено от ст. по прежнему «большаку». Спустившись от станции под ж.-д. виадук, оно поднимается затем на пригорок и входит в широкую просеку метров в 60 шириной в Козловой Засеке, среди которой проходит на протяжении 2 км. В полутора километрах от усадьбы яснополянское шоссе пересекает магистральное Киевское, или Московско-Курское шоссе.

В начале последнего километра перед усадьбой имеется небольшой мостик, невдалеке от которого, направо, стоит столб с надписью: «на могилу». Отсюда идет тропа, по которой можно пройти к могиле Толстого напрямик, не заходя предварительно в усадьбу. С пригорка перед названным мостиком открывается вид на яснополянский парк, на деревню Ясная Поляна, так что дальше уже вся дорога до въезда видна экскурсанту. В общем весь этот путь от ст. «Ясная Поляна» до усадьбы весьма прост, ошибиться и сбиться с дороги трудно, и поэтому никаких проводников не требуется. Люди нерешительные могут пригласить в качестве проводника в усадьбу кого-нибудь из ребят, которых почти всегда можно найти у станции или у чайной. Хотьбы до усадьбы около часа; если не торопиться, то больше часа.

В деревне Ясная Поляна имеется кооперативная лавка. За недорогую плату можно найти приют и отдых в крестьянской избе.

Прежде, чем осматривать усадьбу, надо непременно отдохнуть и поесть здесь или перед выходом со станции *).

Следует прежде всего осмотреть дом-музей. Он открыт для посетителей четыре раза в неделю—по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям от 10 до 3 часов дня **.

Осмотр группами и организованными экскурсиями производится под руководством какого-либо из сотрудников музея, которые дают объяснения. В музее же можно купить для облегчения осмотра настоящий путеводитель. Внимательный осмотр дома занимает около часа.

Затем следует осмотреть парк, что можно соединить вместе с коротким отдыхом.

Дальше следует пройти на могилу, всего в расстоянии полкилометра от дома. Дорога к ней обозначена указателями.

Затем следует отправиться в «Чепьж», посмотреть эту интересную дубовую рощу, осмотреть хвойные посадки Толстого, его любимую скамью, место, где стояла изба, куда в 1870 годах Толстой уходил работать.

Наконец, в летнее время можно спуститься к реке Воронке и даже искупаться в ней.

Остальное время до конца дня можно посвятить отдыху и прогулке по лесу и полям. По реке Воронке луга напоминают сцены из «Анны Карениной», за рекой Воронкой, в лесу, 1 км. от усадьбы находилась старая пасека, где в 60-х г. Толстой проводил целые дни, увлекаясь пчеловодством. Невдалеке от нее те места, где он охотился на вальдшнепов. В мае 1880 г. сюда на тягу ходил с ним И. С. Тургенев. Места эти отмечены указателями.

Дальше вековые липовые (и др. парод) леса Засеки. За рекой Воронкой же находится «Горелая поляна» и «Кудеяров колодезь», которые можно отметить как живописные места, посещавшиеся Толстым.

Туристы и экскурсанты, интересующиеся учреждениями Яснополянского опытной станции, описанными во 2-й части путеводителя, с разрешения заведующей Александры Львовны Толстой могут осмотреть опытно-показательную школу 9-летку в новом здании, школу, интернат в Телятинках, учебные мастерские при них, слесарную, столярную, совхоз при музее-усадьбе.

* А. Л. Толстая через юбилейный комитет обратилась в Объединенное бюро дальних экскурсий Наркомпроса с предложением организовать на ст. «Ясная Поляна», в Туле и Ясной Поляне к юбилею экскурсионные базы, где бы можно было иметь ночлег, питание и руководство экскурсиями. Предложение это принято, и временные экскурсионные базы будут обслуживать экскурсантов в этом году приблизительно до 20 сентября (см. объявления в газетах).

** В настоящее время (1928 г.) организуется новый музей, расположенный во флигеле яснополянского дома. В этом музее будут собраны экспонаты, относящиеся к биографии Толстого в разные периоды жизни в Ясной Поляне. В главном доме-музее все сохраняется так, как было в момент ухода Толстого в 1910 г.

Наконец, можно осмотреть культурные начинания в самой деревне Ясная Поляна—молочную и с.-х. артели, народный дом, библиотеку, потребительскую лавку, и т. д. (см. ч. II. гл. III).

Лица, интересующиеся постановкой работы политпросвета, должны обратиться к секретарю комячейки при местном сельском совете.

К концу дня можно возвратиться на ст. «Ясная Поляна» и с почтовым поездом, отходящим в 3 ч. 40 м. ночи, возвратиться в Москву, куда поезд приходит к 9 часам утра. Поезд отходит со станции «Ясная Поляна» в 9 ч. веч. и прибывает в Москву в 6 час. утра.

Таким образом, всю экскурсию в Ясную Поляну можно сделать, выехав из Москвы в 8 ч. 40 м. вечера, возвратившись через день обратно в 6 ч. или 9 ч. утра, т.-е. если выехать, например, в субботу вечером, то можно быть обратно утром в понедельник, проведя обе ночи в вагоне, где в пути можно около 5—6 часов истратить на сон.

Общая стоимость этой экскурсии при оплате проезда по железной дороге полностью (4 р. 64 коп. в один конец) должна быть определена рублей в 12—15, а при льготном проезде, т.-е. при скидке в 50%, рублей в 7—9 на одного участника.

МАРШРУТ ЭКСКУРСИИ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ ИЗ ТУЛЫ И ОБРАТНО.

Экскурсию из Тулы в Ясную Поляну можно совершить двумя путями: или по железной дороге до ст. «Ясная Поляна» и оттуда $3\frac{1}{2}$ километра пешком по описанному выше яснополянскому шлаковому шоссе до усадьбы. Проехать можно с почтовым поездом, но это неудобно, так как он отходит около 3 часов ночи, или с товаропассажирским, с дачным, рабочим или провизионным, которые отходят в 6 ч. 42 м. утра и 4 ч. 15 м. дня, а обратно из Ясной Поляны в 6 ч. утра.

Второй путь из Тулы: по Московско-Курскому шоссе и последние $1\frac{1}{2}$ километра до усадьбы по яснополянскому шоссе. Путь от Тулы складывается таким образом. Главная улица Тулы, бывш. Киевская, теперь улица Коммунаров, прорезывая город с севера на юг, выводит на Московско-Курское, или бывш. Киевское шоссе, через Толстовскую заставу. Первые километров 6 пути идут по ровной малоинтересной местности. Шоссе проходит через деревню Басово. Затем пейзаж становится разнообразнее, начинаются холмы и перелески. На 8 км. шоссе пересекает ж.-д. полотно и несколько дальше за ним речку Воронку. Затем справа от шоссе вырастают постройки т. н. «Косой горы» или чугунно-плавильного и железоделательного завода, с доменными печами и рабочим поселком, принадлежавшим раньше Бельгийскому Акционерному О-ву. Наконец, за «Косой горой» шоссе входит в просеку среди знаменитой Козловой Засеки (см. описание в главе: от «станции до въезда»). Здесь начинаются дачи. Шоссе мимо них полого спускается к речке Воронке и затем более круто поднимается лесом на ее левый берег. На половине этого подъема имеется ключ с хорошей питьевой

Толстой на прогулке верхом.

водой. Для пешей экскурсии в летнюю пору его следуют отметить. Дальше, выходя из леса, шоссе прорезывает подгороднее лесничество—лесные питомники, посадки и усадьбу при них с домом лесничего. Очень недалеко за нею старое Московско-Курское, или Киевское шоссе пересекает новое шлаковое шоссе от ст. «Ясная Поляна до усадьбы». На него нужно свернуть направо. Ошибиться в этом повороте трудно, так как отсюда видна яснополянская усадьба с ее парком и садом, до которой остается всего километра $1\frac{1}{2}$.

Общая длина пути от Тулы около 15 километров. В летнюю пору в хорошую погоду экскурсия молодежи легко можно сделать этот путь пешком с таким расчетом, чтобы возвратиться обратно в Тулу уже на следующий день.

От Тулы до «Косой горы» ходят летом каждый час до 10 час. вечера автобусы с платой 50 коп. В разгар сезона автобусы идут по шоссе до поворота в Ясную Поляну, с платой 75 коп.

Проезд на извозчике от Тулы до яснополянской усадьбы обходится рублем в 15 на 2—3 пассажира, а если нанять туда и обратно—рублем в 20.

Эту экскурсию из Тулы с проездом в поезде туда и обратно можно легко совершить в один день без ночлега. Общую стоимость ее на одного участника с питанием нужно считать всего в 1—2 рубля.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

ПРЕЗИДИУМА ВЦИК О ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ.

1. Усадьба Ясная Поляна, расположенная в Тульской губ. Крапивенского уезда, с домом его и обстановкой, парком, фруктовым садом, лесом, посадками, пахотной, луговой, огородной и неудобной землей и надворными постройками является национальной собственностью РСФСР.

2. Заведывание и управление Ясной Поляной в целом принадлежит Наркомпросу, по Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Главмузей).

3. Наркомпрос для указанной в § 2 цели назначает от себя хранителя Ясной Поляны по соглашению с Тульским губисполкомом. В случае разногласия вопрос на окончательное решение вносится в Президиум ВЦИК.

4. Хранитель Ясной Поляны обязан как Дом-Музей, со всей его обстановкой, так и могилу Л. Н. Толстого, лес его окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и, вообще, весь внешний вид последней, поддерживать и сохранять в их историческом и неприкосновенном виде, восстанавливая то, что пришло в ветхость или было почему-либо разрушено после смерти Толстого.

5. Хранителю Ясной Поляны вменяется в обязанность создать в Ясной Поляне культурно-просветительный центр, с библиотекой-читальней, школой грамотности, организуя чтения и лекции самого общего широко-культурного просветительного характера, в частности о Толстом, спектакли, художественно-научные выставки, экскурсии и т. п.

6. В случае необходимости для указанных в § 5 целей воздвигнуть новые здания, за невозможностью приспособить ныне существующие, хранитель входит с соответствующим представлением в Главмузей, при чем на него возлагается обязанность следить за тем, чтобы вновь воздвигнутые строения не нарушили общего исторического вида усадьбы в целом.

7. Штаты сотрудников, необходимых для обслуживания указанных в §§ 4, 5 и 6 целей разрабатываются хранителем Ясной Поляны, представляются им в Главмузей и утверждаются в общем порядке.

8. Сотрудники, предусмотренные штатами, приглашаются хранителем Ясной Поляны и утверждаются в должности Главмузеем.

9. Пахотная, огородная и луговая земля, а также фруктовый сад, принадлежащие усадьбе, обрабатываются и культивируются

под общим наблюдением Наркомзема силою трудовой коммуны из единомышленников Толстого с тем, чтобы организация хозяйства по своим методам приближалась к типу образцовых, показательных хозяйств для окружающего населения и посетителей Ясной Поляны.

10. Устав и состав трудовой коммуны и вносимые в них изменения утверждаются Наркомземом по соглашению с хранителем Ясной Поляны и уполномоченным названной трудовой коммуны.

11. Хранитель Ясной Поляны имеет право наложения вето (запрещения) на любое постановление коммуны, идущее вразрез с указанными заданиями и исторического, и культурно-просветительного характера.

12. Прочистка леса производится силами трудовой коммуны по указаниям хранителя Ясной Поляны.

13. Трудовая коммуна безвозмездно пользуется для своих работ как живым, так и мертвым инвентарем, имеющимся в усадьбе, а также теми хозяйственными постройками кои хранитель Ясной Поляны найдет возможным им предоставить и приспособить, без нарушения интересов охраны этих построек, как исторических памятников.

14. Хранитель Ясной Поляны имеет право по всем делам, касающимся Ясной Поляны входить в сношение со всеми центральными и местными правительственными учреждениями а также с разрешенными советскою властью частными учреждениями и предприятиями.

15. Каждый гражданин РСФСР имеет свободный доступ в Ясную Поляну для обозрения ее в дни и часы, устанавливаемые хранителем Ясной Поляны.

16. Хранитель Ясной Поляны имеет право, по соглашению с уполномоченным трудовой коммуны, разрешать ближайшим родственникам Толстого прожить в Ясной Поляне, а друзья его и проч. лицам гостить и отдыхать в свободных помещениях последней на сроки устанавливаемые им по соглашению с уполномоченным трудовой коммуны.

17. В целях облегчить возможность всем гражданам, и в особенности учащимся, желающим посетить Ясную Поляну, ознакомиться с исторической усадьбой—между Москвой и ст. Ясная Поляна М.-К. ж. д. циркулирует не менее одного пассажирского вагона для экскурсантов, регулярно отходящего из Москвы и возвращающегося обратно не ранее одного раза в неделю и прицепляемого к одному из пассажирских поездов, по соглашению с Народным Комиссариатом путей сообщения.

18. Настоящее положение входит в силу с момента его утверждения и может быть изменяемо и дополняемо соответственными постановлениями В. ИК КР и КД по представлениям Наркомпроса.

10-го июня 21 г.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Секретарь А. Енукидзе.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

Музей-усадьба и заповедник—Ясная Поляна.

1. По железной дороге мимо «Ясной Поляны»	7
2. Чем была Ясная Поляна для Толстого.	13
3. От ст. «Ясная Поляна» до въезда в усадьбу.	32
4. Въезд в усадьбу.	36
5. Парк, сад и лес	42
6. Имение	50
7. Усадьба и дом.	52
8. Экскурсия по дому-музею.	58
9. Экскурсия на могилу Толстого.	85
10. Заключение.	94

ЧАСТЬ II.

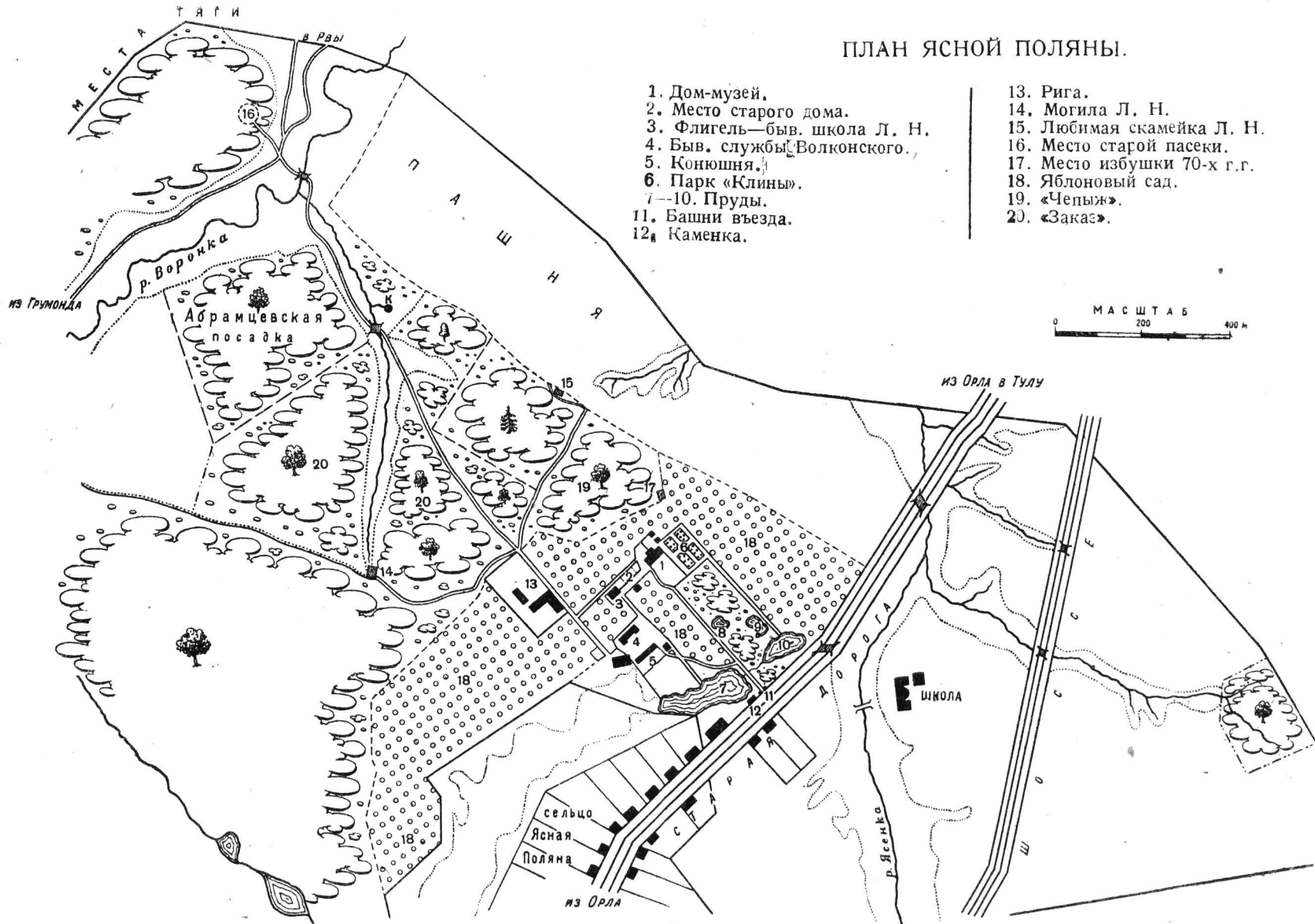
Культурно-просветительный центр—Ясная Поляна.

I. Ясная Поляна дореволюционного времени.	100
II. Ясная Поляна послереволюционного времени.	109
III. Культурно-просветительный центр—Ясная Поляна.	115
IV. Опыт всестороннего культурного воздействия на население яснополянского района.	121

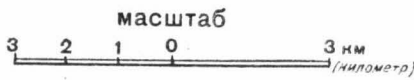
ПРИЛОЖЕНИЯ.

- I. Проект нового музея под названием «Лев Толстой в Ясной Поляне» 129
 - II. Список книг, бывших в кабинете Л. Н. Толстого, когда он оставил Ясную Поляну. 132
 - III. Описание вещей в спальне Л. Н. Толстого. 135
 - IV. Маршруты экскурсий в Ясную Поляну из Москвы. . . 136
 Маршрут экскурсии в Ясную Поляну из Тулы. 138
 - V. Постановление Президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г. о Ясной Поляне. 141
 - VI. Карты окрестностей Ясной Поляны.
-

ПЛАН ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ.

ОКРЕСТНОСТИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Пунтиром показана засека

